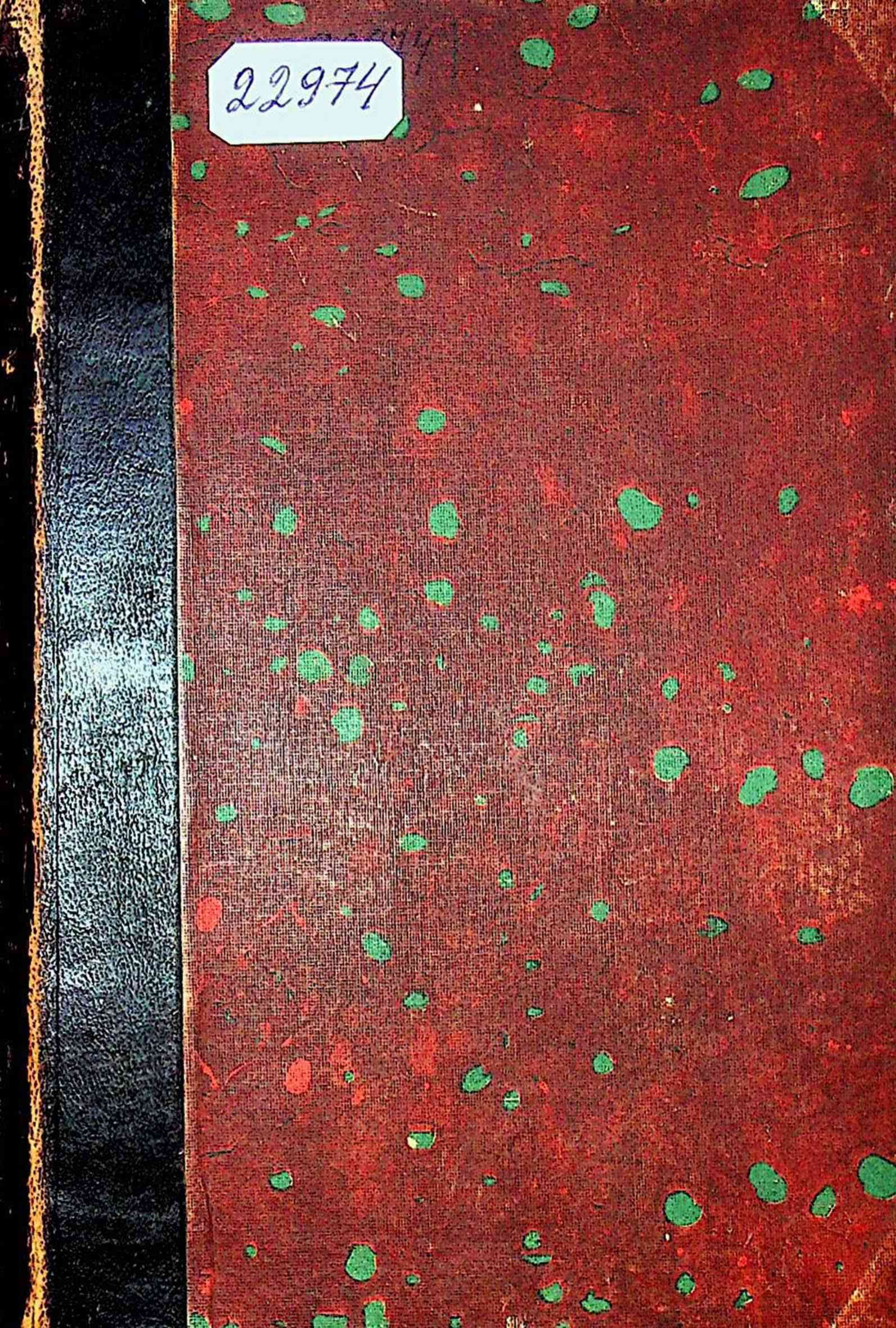
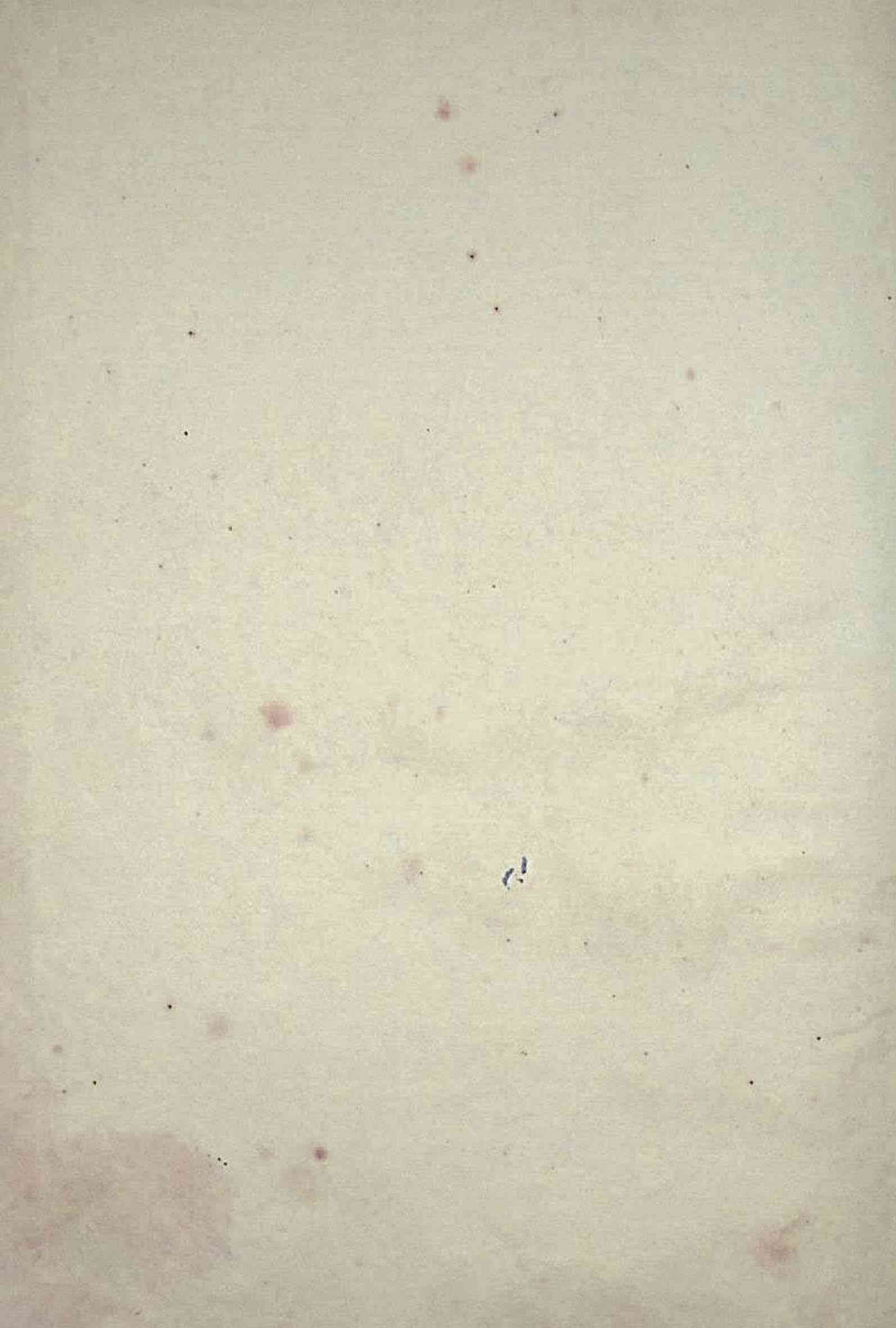
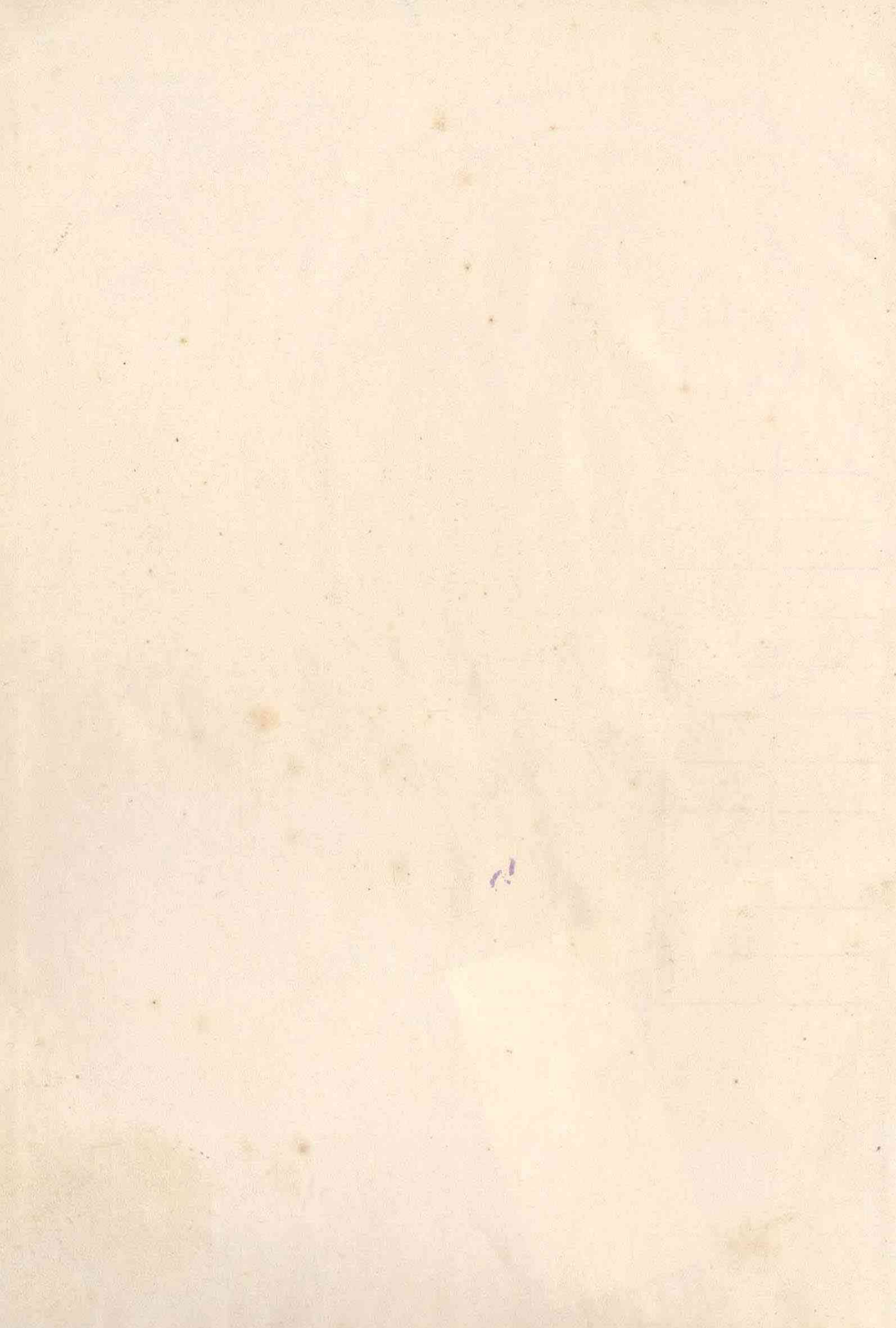

22974

БИБЛІОТЕКА ЗНАНІЯ

Г. Дэвисъ

СРЕДНЕВѢКОВАЯ ЕВРОПА

Переводъ съ англійскаго С. И. ШТЕЙНА
съ предисловіемъ
проф. Л. П. КАРСАВИНА

Съ 5 картами

ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Названіе оригинала.

MEDIEVAL EUROPE
By H. W. C. Davis, M. A.
London.

Тип. П. П. Сойкина, СПБ. Стремянная, № 12

Предисловіе къ русскому изданію.

Русская литература не можетъ похвалиться обиліемъ книгъ по средневѣковой исторіи, особенно же книгъ, расчитанныхъ на широкій кругъ читателей.—Съ одной стороны учебники съ примыкающими къ нимъ „книгами для чтенія“ и христоматіями, съ другой—спеціальныя изслѣдованія и выростающіе изъ потребностей нашей высшей школы „курсы“, которые обыкновенно захватываютъ тотъ или иной отдѣлъ Средневѣковья, да немногія популярныя книги по отдѣльнымъ вопросамъ или странамъ. Все это могло бы служить и широкимъ кругамъ читателей, если бы не относились къ среднимъ вѣкамъ, какъ къ темной ночи варварства и царству скучной схоластики, если бы находили культурныя цѣнности и въ этомъ періодѣ.—Такъ уже повелось, что стыдно „образованному“ человѣку смѣшать Морфея съ Нептуномъ, но не стыдно думать, что вся схоластика сводится къ исчисленію количества ангеловъ, умѣщающихся на остріѣ иголки, и тому подобнымъ вопросамъ.

*

Понятно, что для чувствующаго непреходящія культурныя цѣнности Средневѣковья всякое ознакомленіе съ нимъ, какъ съ цѣлымъ и замкнутымъ въ себѣ періодомъ, кажется важнымъ и нужнымъ; тѣмъ болѣе, что въ элементарномъ курсѣ это цѣлое исчезаетъ за множествомъ деталей, а въ высшемъ преподованіи и популярной литературѣ удовлетворительнаго объединяющаго труда не существуетъ. И по условіямъ времени и среды приходится признать, что чѣмъ кратче такое объединяющее изложеніе тѣмъ лучше. — Въ этомъ смыслѣ и значеніе предлагаемаго русскому читателю перевода небольшой книжки H. W. Davis „Medieval Europe“, написанной для „Home University Library of Modern Knowledge“. Авторъ, виртуозно сжимая свое изложеніе, въ краткой формѣ даетъ умный и ясный очеркъ главныхъ сторонъ Средневѣковья; отказываясь отъ мысли нарисовать исчерпывающую картину развитія общества въ средніе вѣка, онъ при посредствѣ остроумной схемы знакомитъ читателя съ основными, понятыми въ движеніи чертами средневѣковой Европы. Книга Дэвиса не хочетъ и не должна замѣнить собою учебникъ; можетъ быть, она даже заставитъ обратиться къ нему за справками. Еще въ меньшей степени пытается авторъ поставить свой очеркъ на мѣсто „курсовъ“ и популярныхъ книгъ. Но тому, кто хочетъ понять существо средневѣковой исторіи, книжка Дэвиса даетъ хорошій и ясный очеркъ и, можетъ быть, увлечетъ къ дальнѣйшему. Благодаря своей сжатости, она общими линіями свяжетъ вынесенныя изъ школы разрозненныя свѣдѣнія и дополнитъ ихъ новыми чертами. Она же, надѣемся,

небезполезна и для начинающихъ заниматься исторіей Средневѣковья, не только отдѣльными замѣчаніями и обобщеніями автора, но и какъ остовъ, могущій, хотя бы временно, скрѣпить отрывочныя свѣдѣнія и восполнить тотъ недостатокъ объединенія знанія, который съ горечью приходится отмѣчать у массы учащейся въ нашей высшей школѣ молодежи.

Проф. Л. Карсавинъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Всякое раздѣленіе исторіи на періоды искусственно, посколько оно опредѣленно. Говоря точно, въ исторіи нѣтъ ни начала, ни конца. Всякое событіе является слѣдствіемъ безконечнаго ряда причинъ и причиной безконечнаго ряда слѣдствій. Языкъ и міровоззрѣніе, управленіе и нравы непрерывно и незамѣтно измѣняются; и каждая эпоха—эпоха переходная, которая можетъ быть вполнѣ понята лишь, какъ эпоха, развивающая задатки предыдущей и закладывающая основы будущей. Такъ и въ животномъ и растительномъ мірѣ незамѣтными переходами объединяются роды и виды, и если бы мы ограничили свое вниманіе лишь этими сближающими отдѣльные виды явленіями, то мы склонны были бы усомниться въ правильности установленія понятія вида или рода. Но все же біологія защищаетъ эти понятія; также и исторія признаетъ, что различіе между одной культурой и другой достаточно реально, чтобы оправдать, или даже требовать установленія различающихъ ихъ названій.—Въ развитіи общества—или системы обществъ—иногда наступаетъ эпоха равновѣсія, когда учрежденія устойчивы и соотвѣтствуютъ потребностямъ

тѣхъ людей, которыхъ они себѣ подчиняютъ, когда міровоззрѣніе является цѣлостной, удовлетворяющей запросы, системой, когда политическій дѣятель, художникъ и поэтъ считаютъ, что они исполняютъ свое назначеніе, если въ поступкахъ, произведеніяхъ и словахъ выражаютъ желаніе и стремленіе, раздѣляемыя всѣмъ обществомъ. Тогда на мгновеніе человѣкъ кажется властителемъ своихъ судебъ. И изслѣдователь такого общества чувствуетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ созрѣвшей соціальной системой и міровоззрѣніемъ. Надо сказать, что такіе моменты рѣдки, но, стремясь понять ихъ, мы и читаемъ исторію. Всякіе другіе моменты человѣческой исторіи, по своей природѣ, или введеніе или эпилогъ. Такимъ образомъ, періодомъ исторіи мы считаемъ отрѣзокъ времени въ теченіе котораго подготовляется, осуществляется и исчезаетъ это гармоническое равновѣсіе, это примиреніе дѣйствительнаго съ желаемымъ.

Такимъ періодомъ были средніе вѣка—столѣтія, отдѣляющія античный міръ отъ современнаго. Они были чѣмъ-то бóльшимъ, чѣмъ переходныя столѣтія, хотя геній Гиббона и представилъ ихъ въ видѣ долгой ночи невѣжества и произвола, бѣдно освѣщенной заходящими лучами античной культуры. Средніе вѣка, правда, начинаются невольнымъ уходомъ отъ той силы, которую въ V в. представляла греческая духовная культура и римское политическое могущество, и они кончаются радостнымъ возвращеніемъ въ обѣтованную землю античнаго искусства и литературы. Но этотъ промежутокъ не былъ просто египетскимъ плѣненіемъ. Вожди Возрожденія столько же разрушили

сколько и создали. Они отказались отъ одной культуры, чтобы подготовить почву для другой. Но этотъ отказъ не долженъ мѣшать оцѣнить по достоинству средневѣковую культуру: мы не должны впадать въ ошибку, свойственную всѣмъ реформаторамъ, думающимъ, что они владѣютъ всей истиной, когда настаиваютъ на необходимости пренебрегаемыхъ другими сторонъ. Эразмъ Ротердамскій со своей точки зрѣнія правъ; но правъ былъ и Ѳома Аквинскій. Лютеръ былъ пророкомъ, но и св. Бернардъ не безъ слѣда прошелъ въ исторіи человѣчества.

Средневѣковая культура была несовершенной; ограниченная узкимъ кругомъ своихъ ревнителей, она часто не отвѣчала на многіе запросы и требованія. Но если ее измѣрять ея достиженіями и тѣмъ, что она передала современности, то надо будетъ признать ее достойной стать рядомъ съ ранними, и поздними Золотыми Вѣками. Она расцвѣтала въ грубой обстановкѣ дикихъ страстей, и жестокихъ честолюбій. Примитивная грубость человѣческій природы нерѣдко вулканически прорывала кору средневѣковой жизни, и средневѣковая исторія намъ часто описываетъ безудержную и дикую вражду, преслѣдованія за вѣру, преступленія и завоеванія, ханжески оправдываемыя религіознымъ воодушевленіемъ. Но всякая культура имѣетъ свою оборотную сторону, которую не трудно подчеркивать и которой не трудно возмущаться. Мы все-же не будемъ оцѣнивать эпоху по ея преступленіямъ и порокамъ. Вѣдь мы не говоримъ, что типичнымъ и важнымъ для аѳинянъ было то, что они возстали противъ Перикла, что

они пытались обезправить Сицилію, что они казнили Сократа. Мы скорѣе склонны преклониться передъ ними за то цѣнное и вѣчное, что они создали. Съ такой же мѣркой мы должны подходить и къ среднимъ вѣкамъ; мы должны судить о нихъ по ихъ философіи и законодательству, по ихъ литературѣ и зодчеству, по созданнымъ ими типамъ правителей государства и святыхъ. И тогда мы увидимъ, что средніе вѣка не являются эпохой варварства, изрѣдка освѣщаемой случайными и непродуманными героическими поступками. Величайшія средневѣковыя достиженія были плодомъ глубокой обдуманности и настойчивыхъ усилій жертвующей собой личности на служеніе человѣчеству и Богу. Другими словами, они выростаютъ на почвѣ и въ атмосферѣ культурнаго общества.

I. Паденіе Римской имперіи.

Средневѣковая исторія начинается распаденіемъ Западной Римской имперіи, укрѣпленіемъ отдѣльныхъ ея частей за германскими завоевателями. Изъ римскихъ провинцій, затронутыхъ катастрофой—самой молодой была Британія; но и она была римскимъ владѣніемъ въ теченіе болѣе 300 лѣтъ. Для Италіи, Испаніи и Галліи смѣна правленія обозначала отмираніе учрежденій, которыя, хотя и были съ трудомъ усвоены при своемъ введеніи, но съ теченіемъ времени пріобрѣли характеръ естественнаго порядка. Правда, значительная часть Европы лежала внѣ уступленныхъ теперь германцамъ областей: Римская имперія не распространила своихъ границъ ни на Ирландію, ни на Скандинавскія страны, ни на Россію и потерпѣла неудачу въ попыткахъ подчиненія Шотландіи и значительной части современной Германіи. Но романизированныя провинціи долго играютъ преобладающую роль въ европейской исторіи; и очаги средневѣковой культуры были зажжены на развалинахъ имперіи. Сколь значительно наслѣдіе Римской имперіи, присвоенное германскими завоевателями—этотъ вопросъ до сихъ поръ служитъ предметомъ споровъ; степень и характеръ римскаго вліянія различны въ разныхъ областяхъ и даже въ разныхъ частяхъ одной и той же области. Во всякомъ случаѣ, фактъ культурнаго заимствованія несомнѣненъ, и онъ вызываетъ на размышленія, подлинно ли въ борьбѣ двухъ порядковъ выжилъ наиболѣе достойный. Противорѣчія въ соціальномъ организмѣ, который палъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ—болѣзненны и очевидны. Естественно говорить объ уничтоженіи, какъ о приговорѣ судьбы.

Но надо еще доказать, что война можетъ убѣдительно обнаружить достоинства или недостатки. Въ наше время въ судахъ больше не разрѣшаютъ споровъ поединкомъ, и мы

должны были бы избѣгать признавать убѣдительнымъ въ историческихъ оцѣнкахъ націи или государства способы, признанныя абсурдными для разрѣшенія споровъ между отдѣльными лицами.

Изъ причинъ, приведшихъ къ паденію З. Римской имперіи прежде всего бросаются въ глаза военныя и политическія: недостатки арміи и системы управленія. Если спросить теперь, были ли эти недостатки показательными для подпочвенныхъ процессовъ, разлагающихъ общество, то мы должны будемъ углубиться въ анализъ фактовъ: ибо мы не можемъ a priori удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ.

Катастрофическій конецъ З. Римской имперіи непосредственно обусловливается удачными набѣгами варваровъ на Италію. Аларихъ и его вестготы (401—410 гг.) поколебали престижъ и потрясли силы правительства, прикрывавшагося именемъ Гонорія. Теодорихъ остготскій перерубилъ послѣднія корни императорской власти въ Италіи (489—493 гг.). А послѣ того, какъ Одоакръ былъ разбитъ Теодорихомъ, сдѣлалось вполнѣ яснымъ, что западныя провинціи не признаютъ больше императора, избраннаго въ Равеннѣ; но все же оставалось еще возможнымъ, что онѣ будутъ отвоеваны и реорганизованы Константинополемъ. И эта возможность исчезла, когда лангобарды перешли Альпы и спустились въ долину По (568 г.), такъ какъ Италія всегда была ключомъ Запада. Всѣ эти потрясенія были слѣдствіемъ одной причины. Всѣ три ворвавшіяся къ Италію орды пришли съ Дуная. Римская граница была недостаточно укрѣплена, и по ошибочной политикѣ императоровъ придунайскія провинціи были колонизованы германскими племенами, не менѣе опасными отъ того, что они назывались союзниками (foederati). Вестготское нашествіе—по существу рѣшающее—имѣло непосредственными причинами своего успѣха невозможность увеличить больше военную защиту и фактъ парализованія и безъ того недостаточной римской арміи личнымъ соперничествомъ вождей, стремившихся къ императорской власти. За пораженіемъ необходимо слѣдовало и крушеніе, такъ какъ вся машина римскаго управленія остановилась, когда ее лишили руководящаго центра въ Равеннѣ. До сихъ поръ зависимыя отъ Италіи западныя провинціи напоминали теперь ампутированныя части организма. Кое-гдѣ устраиваются попытки сопротивленія варварамъ подъ руководствомъ мѣстнаго вождя. Но по большей части провинціалы заключаютъ миръ на наиболѣе благопріят-

ныхъ — изъ возможныхъ — условіяхъ. Таковы основные факты.

Очевидно, что коренной ошибкой римлянъ было слишкомъ значительное распространенія ихъ владычества. Это было признано еще Августомъ, основателемъ имперіи; но уже и въ его время было поздно отступать; онъ могъ только предостерегать отъ дальнѣйшихъ завоеваній. Обнимая все побережье Средиземнаго моря и значительныя пространства къ югу, западу и сѣверу отъ него, имперія замыкалась тремя сухопутными границами колоссальнаго протяженія. Двѣ изъ нихъ, европейская и азіатская, были постояннымъ источникомъ безпокойства и требовали особенно бдительнаго военнаго охраненія. Чтобы интересы охраненія одной границы не отвлекали бы вниманія отъ другой, было цѣлесообразнымъ раздѣлить императорскую власть на двѣ коллегіальныя. Діоклетіанъ (284—305 гг.) первый выступилъ съ этой мыслью; послѣ его правленія идея раздѣленія носилась въ воздухѣ и была бы болѣе тщательно осуществлена, если бы опытъ не показалъ, что раздѣленіе приводитъ къ гражданской войнѣ соперничающихъ императоровъ. Въ 395 г. послѣ смерти Өеодосія Великаго рискованное раздѣленіе было испробовано еще одинъ разъ. Сыновья Өеодосія, Аркадій и Гонорій, подѣлили между собой имперію, но линія раздѣла скорѣе соотвѣтствовала интересамъ національнаго соревнованія, чѣмъ стратегическимъ соображеніямъ. Она шла отъ средняго Дуная, (недалеко отъ современнаго Бѣлграда) къ Дураццо на Адріатическомъ морѣ и оттуда къ заливу Большого Сирта. Эта граница была культурной границей, отдѣляя восточную половину—сферу вліянія греческой культуры—провинціи, которыя тяготѣли, какъ къ своимъ естественнымъ центрамъ, къ Александріи, Антіохіи и Константинополю, отъ западной, въ которой преобладающимъ языкомъ былъ латинскій, и провинціальныя аристократіи которой стремились подражать итальянской.

Это раздѣленіе, основанное на принципѣ, который напоминаетъ современное намъ отношеніе къ національному вопросу, дало лишь легальную форму давно подготовлявшемуся расколу. Но въ одномъ отношеніи оно было гибельнымъ. Защита дунайской границы была раздѣлена между двумя правительствами. И Восточная имперія, не считаясь съ интересами Западной, не признавая важности защиты Дуная, оставила открытой дорогу въ Италію. Стилихонъ—

великій полководецъ, правившій отъ имени Гонорія Западной имперіей, пытался предупредить эту опасность, устремившись на Балканы и даже принявъ участіе въ политическихъ интригахъ Константинопольскаго двора. Онъ добился лишь временнаго соглашенія съ вестготами и постояннаго недоброжелательства правительства Восточной имперіи. Онъ былъ предоставленъ самому себѣ въ борьбѣ съ первыми полчищами устремившихся въ Италію варваровъ; и отчужденіе двухъ правительствъ усилилось послѣ его преждевременной смерти. Западная имперія, лишенная единственно возможнаго союзника, изнемогала подъ одновременными ударами, падавшихъ на нее на всемъ протяженіи ея европейской границы.

Было высказано мнѣніе, что римское войско въ V вѣкѣ было значительно хуже и оборудовано и дисциплинировано, чѣмъ раньше. Это, быть можетъ, и вѣрно, но все же и это войско могло бы справиться съ самыми храбрыми полчищами варваровъ. Его конечное пораженіе обусловливалось скорѣе малой численностью и отсутствіемъ воодушевленія, чѣмъ слабостью организаціи.

Въ Римской арміи пятаго вѣка значительную роль играли варвары, которые составляли большую ея половину и считались украшеніемъ римскаго воинства. Многіе изъ этихъ наемниковъ открыто ненавидѣли римлянъ и сочувствовали ихъ врагамъ, для сраженія съ которыми они были наняты. Кромѣ того, всякая армія, изъ какихъ бы элементовъ она не состояла бы имѣетъ тенденцію обратиться въ наслѣдственную касту, уважающую авторитетъ только своего военачальника. Армія не имѣла никакихъ гражданскихъ связей, съ имперіей она вела постоянныя тяжбы. Всякій политическій кризисъ возбуждалъ въ ней мысль о возстаніи подъ руководствомъ своего вождя, для того ли, чтобы получить новыя подачки или же возвести своего предводителя на тронъ. Въ римской исторіи это зло старое; еще въ послѣдніе дни республики Марій, желая добиться большей силы арміи, сдѣлалъ военную службу профессіей. Но это зло замѣтно ухудшилось при пріемникахъ Діоклетіана, когда варвары стали численно играть въ арміи преобладающую роль. Худшія стороны такой арміи проявились въ 406—407 гг., когда за германскимъ нашествіемъ на Италію и Галлію послѣдовали военныя узурпаціи въ Британіи и на Рейнѣ. Римскій Западъ раздирался гражданской войной именно въ то время, когда объединеніе было болѣе всего необходимо.

И имперія должна была пережить странное явленіе: вестготы, еще нагруженные римской добычей, направляются по просьбѣ имперіи въ Галлію, чтобы тамъ сражаться противъ императорской арміи.

Вопросъ о численной слабости арміи давно остро стоялъ въ Римской имперіи, но все-же онъ не могъ быть удовлетворительно рѣшенъ. Про Діоклетіана говорятъ, что онъ увеличилъ армію вчетверо, и въ четвертомъ вѣкѣ она была неизмѣримо многочисленнѣе, чѣмъ при Цезарѣ и Августѣ: Константинъ переустроилъ планъ защиты границы, стремясь къ возможной экономіи людей. Но и при Гоноріи усиленная защита одной части границы требуетъ употребленія силъ, предназначенныхъ для другой. Трудность увеличенія численности была двоякая. Во-первыхъ, армія была наемная, а тяжесть податного бремени была такова, что его дальнѣйшее увеличеніе приводило лишь къ увеличенію недоимокъ. Во-вторыхъ, было и трудно найти желающихъ вступить въ армію. Старый принципъ всеобщей воинской повинности былъ оставленъ Валентиніаномъ I (364—375 гг.), и хотя принудительные наборы все еще производились, но правительство боялось ослаблять ими свои податные списки. Юридически каждый гражданинъ былъ обязанъ защищать мѣстныя укрѣпленія, но употребленіе оружія сдѣлалось столь чуждымъ населенію, и понятіе о военной службѣ, какъ о національномъ долгѣ было такъ основательно забыто, что Стилихонъ, когда варвары были уже въ Италіи, рѣшился на отчаянное средство—записать въ списки арміи рабовъ, предпочитая это средство безцѣльному общему призыву населенія къ оружію.

Мы встрѣчаемся здѣсь съ соціальной болѣзнью, которую нельзя отождествлять съ экономической слабостью. Несомнѣнно, имперія была сложной и требующей большихъ затратъ формой управленія, наложенной на общество, экономически чрезвычайно слабо развитое. Отдѣльные муниципіи изнывали подъ въ высшей степени обременительными налогами и не считающимися ни съ чѣмъ способами ихъ взиманія; и средній классъ фактически пересталъ существовать. Отчасти поэтому, а отчасти и по другимъ причинамъ народонаселеніе старыхъ провинцій перестало увеличиваться или даже начало уменьшаться. Но имперія была все же еще достаточно богата, и крупные землевладѣльцы могли бы собрать значительную армію среди подчиненнаго имъ населенія, если бы они себя чувствовали обязанными сдѣлать это. Основная

болѣзнь Римской имперіи была другая, она заключалась въ разрушеніи чувства соціальной связанности—чувства гражданства.

Было бы неправильно относить все это на счетъ паденія моральнаго уровня римскаго общества. Самый фактъ такого паденія будетъ врядъ-ли правдоподобенъ, если мы вспомнимъ, что все-же христіанство было преобладающей религіей, и что какъ бы мы не относились къ той формѣ христіанства, все-же надо будетъ признать, что оно гораздо больше обращаетъ вниманіе на этическія обязанности—въ узкомъ смыслѣ—чѣмъ любая изъ старыхъ религій. Моральный уровень гражданина Римской имперіи былъ выше, чѣмъ моральный уровень гота или вандала. Предразсудокъ—считать всякое побѣдоносное племя цѣломудреннымъ и умѣреннымъ, справедливымъ и сдержаннымъ, или же признавать, что всякое пораженіе въ борьбѣ является показателемъ отсутствія этихъ качествъ. Во многихъ отношеніяхъ греки, подчинившіеся Филиппу и Александру морально были выше побѣдителей Саламина и Платеи. Моральное сознаніе частной и общественной жизни, быть можетъ, и имѣетъ общій корень, но во всякомъ случаѣ, мы часто наблюдаемъ разцвѣтъ моральнаго сознанія въ общественной жизни, когда онъ заглушается въ частной—и наоборотъ. И это кажется и естественнымъ. Человѣческая природа рѣдко равномѣрно развивается во всѣхъ отношеніяхъ. Если все вниманіе человѣка направлено на устроеніе отношеній и связей съ непосредственно окружающими его, друзьями и семьей, то онъ легко забываетъ о болѣе широкомъ соціальномъ союзѣ, въ который его кругъ входитъ только частью. Для безразличнаго отношенія римскаго гражданина къ своему государству, которое требовало его привязанности не во имя національности или религіи, но во имя доводовъ разума и общаго блага, можно привести много основаній. Такая привязанность для него могла бы быть только основана на разсудочныхъ доказательствахъ. И хотя онъ и могъ добиться высокаго положенія въ рядахъ арміи или на гражданской службѣ, онъ никогда не имѣлъ возможности ни изучить ни, тѣмъ менѣе, принять участіе въ обсужденіи и направленіи политики, съ которой его личная судьба была тѣсно, хотя и не непосредственно, связана. Гражданинъ Римской имперіи сталкивался съ политическими идеями только въ литературѣ. А самые популярные писатели учили его сожалѣть о давно погиб-

шей, и глубоко несвоевременной, республикѣ. Археологическіе интересы, которые питались этой литературой, не пополнялись и не встрѣчались съ опытомъ повседневной жизни. Если онъ былъ обитателемъ города, то ему было запрещено выѣзжать изъ него, хотя бы для путешествія по имперіи, изъ боязни, какъ бы онъ не укрылся отъ сборщика податей. Если онъ былъ землевладѣльцемъ, то онъ жилъ въ экономически замкнутомъ союзѣ, т. е. въ союзѣ провинціальномъ до послѣдней степени. Психологическій типъ, который выросталъ при такихъ условіяхъ, былъ не лишенъ пріятныхъ и даже достойныхъ уваженія чертъ. Онъ часто былъ ученымъ, знатокомъ искусства и литературы, тонкимъ стилистомъ, занимательнымъ разсказчикомъ, саркастическимъ наблюдателемъ своего небольшого круга, примѣрнымъ мужемъ и отцомъ, любезнымъ къ подчиненнымъ и ласковымъ съ друзьями. Часто онъ находилъ въ религіи или философіи прибѣжище отъ мелочей повседневной жизни и возмущался матеріализмомъ своихъ современниковъ или же несправедливостью и жадностью администраціи. Но онъ не мечталъ перебросить мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую имперію въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее видѣлъ, отъ идеальнаго государства, Града Божьяго, или же всемірной республики, о которой его учителя говорили ему, какъ о предѣльной цѣли человѣческихъ желаній. Онъ скорѣе былъ склоненъ, какъ одинъ изъ героевъ Платона, найдя ближайшее убѣжище, скрыться въ немъ и терпѣливо переждать пока не пронесется мимо него буря насилія и зла.

Трудно не понять такое отношеніе, если вспомнить о безконечной несоизмѣримости индивидуальныхъ и соціальныхъ силъ. Но въ этомъ продуманномъ подчиненіи положенію вещей, обнаруживающихъ при этомъ продумываніи всю свою нелѣпость, въ этомъ убѣжденіи, что дѣлу нельзя помочь отдѣльными измѣненіями, въ этомъ лежала бо́льшая соціальная опасность, чѣмъ въ необдуманномъ индеферентизмѣ. Если выдающіеся представители общества отчаиваются въ будущемъ, настроеніе тупого подчиненія, не встрѣчая нигдѣ препятствій, охватываетъ все общество. Но и это не все. Мыслитель, не желающій считаться съ дѣйствительностью, платится не только своей судьбой и жизнью, но и своимъ духовнымъ богатствомъ. Такъ же какъ государство, не желающее считаться съ требованіями справедливости, погибаетъ, такъ и утопія, какъ бы она ни была

величественна, теряетъ приверженцевъ, когда создатель ея отказывается согласовать ее съ фактами, когда она не является больше отвѣтомъ на запросы повседневной жизни. Когда теорія отрывается отъ жизни, тогда теоретикъ изрекаетъ только общія мѣста, а средній человѣкъ лишь укрѣпляется въ своей вѣрѣ, что жизнь должна приниматься въ томъ видѣ, въ какомъ ее находятъ.

Приведенныя соображенія помогутъ намъ понять, почему Западная имперія наканунѣ своего раздѣленія уже приняла видъ полу-варварскаго государства. Въ тѣхъ областяхъ, которыя были заселены германцами, это можно объяснить безсиліемъ пріобщить къ старой культурѣ трудно подчиняющіяся новымъ вліяніямъ племена. Но даже въ глубинѣ старыхъ провинцій дѣло обстояло не многимъ лучше. Законъ и обычай будто-бы сговорились исказить и заглушить тѣ идеи и принципы, которые мы считаемъ типично римскими. Военное управленіе играетъ теперь преобладающую роль. Государственная власть разрушается ростомъ частной юрисдикціи; и помѣстные магнаты, съ многочисленнымъ, имъ лично подчиненнымъ кругомъ людей, пріобрѣтаютъ почти что феодальный характеръ. Гражданское равенство смѣнилось путанной системой сословныхъ привилегій и обязанностей. Законъ перестал быть послѣдовательнымъ развитіемъ общихъ принциповъ и сдѣлался совокупностью плохо продуманныхъ и еще хуже согласованныхъ эдиктовъ. Разложеніе такъ глубоко зашло, что для того, чтобы Европа смогла бы воспринять великіе уроки государственности, преподанные Римомъ, для этого прежде всего надо было смести жалкую власть, которая все еще прикрывалась великимъ именемъ Рима. Римскіе граждане V вѣка имѣли еще произведенія, изъ которыхъ они могли бы еще почерпнуть эти уроки, но для нихъ эти произведенія были только загадочными символами непонятнаго прошлаго. Долгое ученіе въ новыхъ школахъ мысли, подъ новыми формами правленія, было необходимо прежде чѣмъ европейское сознаніе смогло вновь войти въ соприкосновеніе съ духомъ стараго Рима.

Варвары своимъ разрушеніемъ оказали великую услугу культурѣ. Разрушивъ, они приготовили возможность возвращенія. Ихъ первыя попытки созданія были по стольку значительны, по скольку трудности и угловатости ихъ созидательной работы оживили уваженіе передъ болѣе высокой римской культурой. И все-же варварамъ въ концѣ концовъ

удалось въ государственномъ созиданіи достичь того, чего не достигъ Римъ. Новыя государства, которыя они основали, были меньше и слабѣе Западной Римской имперіи, но они предоставляли новыя возможности въ развитіи личности, а въ понятіи гражданства соединили активность съ отвѣтственностью. Конечно, глубоки были и недостатки этихъ государствъ, и ихъ не только было трудно созидать, но и жить въ нихъ было не легко. Идеалъ объемлющей міръ имперіи, поддерживающей всеобщій миръ и братство людей, продолжалъ носиться передъ воображеніемъ среднихъ вѣковъ, какъ утерянная возможность. Въ этомъ случаѣ—какъ это часто бываетъ—то, что считалось воспоминаніемъ, на самомъ дѣлѣ было стремленіемъ; и Европа направлялась на встрѣчу болѣе глубокой формѣ единства, чѣмъ та, которая была разрушена.

II. Варварскія королевства.

Варварскія государства, которыя были основаны на развалинахъ Западной Римской имперіи племенами и союзами племенъ, пришедшими изъ различныхъ частей Германіи,—развивались подъ вліяніемъ глубоко различныхъ условій. Мы имѣемъ всѣ основанія ожидать встрѣтить,—и мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ—безконечныя различія въ ихъ законахъ, въ ихъ соціальныхъ подраздѣленіяхъ, въ ихъ способахъ управленія. Но съ болѣе широкой точки зрѣнія они могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы не по расовому принципу, но по ихъ отношенію къ тому соціальному устройству, съ которымъ они боролись.

Основаніе нѣкоторыхъ королевствъ было прикрыто легальной фикціей. Вестготы, остготы, бургунды притязали на названіе союзниковъ имперіи. И въ разное время они были признаны Константинополемъ. Ихъ короли приняли или присвоили себѣ званія императорскихъ чиновниковъ, чеканили свою монету съ изображеніемъ царствующаго императора, датировали свои указы именами консуловъ, и во многихъ другихъ отношеніяхъ кичились своимъ фиктивнымъ подчиненіемъ и старались выдать его за легальное основаніе своей власти. Это мнимое подчиненіе не мѣшало имъ управлять своими новыми владѣніями чисто германскимъ способомъ, при помощи королевскихъ уполномоченныхъ, которые управляли государственными имѣніями, и военачальниковъ (герцоговъ, графовъ и т. д.), самодержавно правившихъ своими обла-

стями. И даже самый податливый изъ этихъ королей, не колеблясь, прибѣгалъ къ конфискаціямъ, если это было нужно для его войска. Какъ общее правило у крупныхъ землевладѣльцевъ отбирали одну или двѣ трети ихъ владѣнія для снабженія землей вновь пришедшихъ германскихъ поселенцевъ. Далѣе, мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что положеніе римскихъ провинціаловъ при новомъ порядкѣ вещей ухудшилось. Богатые должны были страдать отъ насилія правителей и продажности судей; мелкіе землевладѣльцы часто принижались и ихъ полу-свобода обращалась въ полное рабство. Но во многихъ отношеніяхъ завоеватели были очень терпимы и податливы. Они оставили римскимъ провинціаламъ ихъ гражданское право и даже кодифицировали его, чтобы предупредить могущія произойти новшества. Lex Romana Burgundiorum и вестготское Breviarium Alarici дошли до насъ, какъ памятники этой политики. Они признавали необходимость принудить какъ германцевъ, такъ и провинціаловъ уважать основные принципы собственности и свободы личности; Теодорихъ остготскій и Гундобальдъ бургундскій составили новые уголовные кодексы, въ первомъ случаѣ съ большими, во-второмъ съ меньшими заимствованіями изъ римскаго права. Такіе правители не ограничивались равнымъ отношеніемъ къ обоимъ классамъ своихъ подданныхъ, они часто оказывали предпочтеніе римлянамъ, поручая имъ важныя и отвѣтственныя должности. По странной случайности племена этой группы были аріанами, т. е. приверженцами ереси, ненавистной подчиненнымъ имъ римлянамъ. Но ихъ правители единодушно проявляли вѣротерпимость и даже покровительствовали ортодоксальнымъ епископамъ, которые съ своей стороны считали ихъ хуже язычниковъ. Такое отношеніе къ провинціаламъ было слѣдствіемъ элементарнаго благоразумія. По своей численности завоеватели значительно уступали провинціаламъ, и экономически они не могли бы существовать при другомъ отношеніи. Но лучшіе изъ германцевъ имѣли возможнось ознакомиться съ организаціей имперіи, или служа въ римской арміи, или какъ непосредственные сосѣди процвѣтающихъ провинцій въ годы, предшествовавшіе катастрофѣ, и это ознакомленіе всегда заставляло ихъ уважать или даже преклоняться передъ Respublica Romana. „Когда я былъ молодъ“—говорилъ король Атаульфъ вестготскій,—„я хотѣлъ стереть съ земли имя Рима и подчинить готамъ все, что принадлежало римлянамъ.

Варварскія государства и Франкская имперія.

Но опытъ научилъ меня. Готы — безудержные варвары, не умѣющіе подчиняться закону; а лишить государство законовъ — преступленіе. И вотъ я лично предпочитаю славу возстановителя римскаго имени въ ея прежнихъ границахъ". Для такихъ людей идеаломъ былъ союзъ государствъ, формально подчиненныхъ оффиціальной главѣ имперіи, и сохраняющихъ глубокую преданность всему тому, что было лучшаго въ римскомъ правѣ и культурѣ.

Вторую группу составляютъ королевства, которыя были основаны въ отдаленныхъ провинціяхъ и хронологически (сравнительно съ первыми)—позже. Племена, захватившія Англію, франки въ сѣверной Галліи, алеманны и баварцы на верхнемъ Рейнѣ и Дунаѣ, лангобарды въ Италіи, вандалы въ Африкѣ подверглись гораздо меньшему римскому вліянію. Вандаламъ, занявшимъ провинцію Африку, которая изъ всѣхъ провинцій была наиболѣе романизированной, мѣшала ихъ фанатическая преданность аріанству. Франки, быть можетъ, и походили бы на вестготовъ и бургундовъ, если бы судьба забросила колыбель ихъ государства въ долины Роны или Луары, а не въ нидерландскіе лѣса и болота. Лангобарды и саксы не обнаруживали также врожденнаго отвращенія къ римской культурѣ, но они заняли провинціи, уже опустошенныя войнами, и они быстро приступили къ созданію новаго соціальнаго и политическаго порядка, такъ какъ для нихъ прошлое было книгой за семью печатями. Въ Англіи римское право такъ основательно исчезло, что можно даже сомнѣваться, приходили ли саксы въ соприкосновеніе съ римскими провинціалами, оно терпѣлось, но не поощрялось франками; оно въ своей значительной части было уничтожено лангобардами и кажется было совсѣмъ неизвѣстно, ни алеманамъ, ни баварцамъ. Мы увидимъ впослѣдствіи важность этихъ фактовъ. Будущее Европы лежало не въ рукахъ готовъ или бургундовъ, но въ рукахъ болѣе невѣжественныхъ или, быть можетъ, труднѣе подчиняющихся чужимъ вліяніямъ племенъ, которыя скорѣе по счастливой случайности, чѣмъ по сознательному выбору, избавились отъ недостатковъ, не усвоивъ и достоинствъ римской культуры. Франки и саксы, какъ ихъ описываютъ Григорій Турскій и Достопочтенный Беда, были далеко не похожи на благородныхъ дикарей, жившихъ въ воображеніи Тацита и другихъ римскихъ писателей. Но въ суровой школѣ сѣверной природы они были воспитаны для созданія новаго государства.

Все, что касается исторiи этихъ государствъ, можетъ быть схематически передано такъ:

I. Тевтонская Англiя едва-ли входитъ въ европейскую исторiю до 800 года. Въ V и въ VI вѣкахъ рядъ мелкихъ поселенiй былъ основанъ на территорiи римской Британiи тремя племенами: англами, саксами и ютами, которые переселились сюда изъ Ютландiи и Шлезвигъ-Гольстейна. Ко времени прибытiя въ Британiю изъ Рима ея перваго христiанскаго проповѣдника св. Августина, изъ этихъ разбросанныхъ поселенiй образовалось нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ: Кентъ, Суссексъ, и Вессексъ на югѣ, Мерсiя и восточная Англiя въ средней полосѣ, Нортумбрiя на сѣверѣ. Усилiя каждаго отдѣльнаго князя были направлены на подчиненiе и укрѣпленiе всѣхъ этихъ княжествъ за его родомъ. Такого подчиненiя добились Этельбертъ Кентскiй, первый англо-христiанскiй князь, Эдвинъ Нортумбрiйскiй и его два преемника въ VII в.: Оффа—князь Мерсiи (757—796) и Эгбертъ Вессекскiй (802—839), блескъ правленiя котораго нѣсколько затемняетъ дальнѣйшiе успѣхи рода Альфреда.

II. Южная Галлiя была раздѣлена въ V вѣкѣ между вестготами и бургундами. Вестготы подчинились Римской имперiи въ 410 г. послѣ смерти Алариха I, приведшаго ихъ въ Италiю. Его преемники, Атаульфъ и Валлiя, умиротворили Галлiю и старались вновь прiобрѣсти Испанiю Равенскому монарху. Второму изъ нихъ (Валлiю), какъ и его наслѣдникамъ была уступлена часть Галлiи между Луарой и Гаронной (419 г.). Въ ужасной схваткѣ при Труа съ Атиллой, предводителемъ гунновъ, (451 г.) они оказали существенныя услуги римскому оружiю; но какъ до, такъ и послѣ этого главнымъ ихъ стремленiемъ было расширенiе границъ — силой или хитростью. Къ концу V вѣка ихъ власть распространялась отъ Луары до Пиренеевъ, отъ Атлантическаго океана до долины Роны и далѣе вдоль берега Средиземнаго моря до Альпъ. Въ Испанiи, которая съ 409 года оказалась въ рукахъ, вандаловъ, алановъ и свевовъ, они нашли болѣе удобную почву для своей дѣятельности. Въ промежуткѣ между 466 и 484 годами они подчинили себѣ весь полуостровъ кромѣ сѣверно-западнаго угла, въ которомъ удалось укрѣпиться ихъ противникамъ. Бургунды, выступившiе на историческую сцену съ меньшими притязанiями, создали себѣ меньшее, но все же сильное королевство. Переселенные (443 г.) побѣдоноснымъ римскимъ военачальникомъ въ Савойю изъ

долины Неккара и Майна они спустились въ долину Роны, призванные туда римскими провинціалами, которые просили ихъ охранить эту плодоносную страну какъ отъ германскихъ набѣговъ, такъ и отъ римскихъ сборщиковъ податей. Въ 500 году ихъ владѣнія простирались отъ Дурансы на югѣ, до средняго теченія Соны на сѣверѣ, отъ Альпъ и Юрскаго хребта до истоковъ Луары.

III) Менѣе счастливой, чѣмъ Галлія—была Италія. Въ V в. она была предметомъ постоянныхъ систематическихъ опустошеній, такъ какъ Римъ и Равенна были главной приманкой для всѣхъ завоевателей, искали ли они мѣстъ для поселенія или жаждали просто добычи. А въ теченіе послѣдующихъ двухъ столѣтій она была предметомъ спора между Восточной имперіей и германцами. Стратегическое значеніе Аппенинскаго полуострова, очарованіе, связанное съ именемъ Рима, и, наконецъ, болѣе молодая традиція, заставлявшая видѣть въ Равеннѣ естественный центръ управленія Западомъ, вотъ три важныхъ основанія, слѣдуя которымъ въ Константинополѣ продолжали настаивать на необходимости отвоеванія Италіи, хотя тамъ уже примирились съ потерей западныхъ провинцій. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ послѣ низложенія Ромула Августула (476), Италія всецѣло находилась въ рукахъ варваровъ, затѣмъ болѣе двухъ столѣтій императорская или папская Италія боролась съ Вестготской или Лангобардской Италіей. Для нея было бы лучше, если бы остготы или лангобарды въ самомъ началѣ прекратили бы эту борьбу рѣшительной побѣдой.

Остготы вошли въ Италію съ сѣверо-востока въ 489 г., руководимые Теодорихомъ — первымъ и послѣднимъ ихъ великимъ политикомъ. Они пришли со средняго Дуная, гдѣ они поселились послѣ того, какъ со смертію Аттилы и разложеніемъ его войска они оставили предѣлы имперіи. Теперь они искали болѣе удобныхъ мѣстъ для поселеній, и въ этихъ поискахъ они шли съ женами и дѣтьми и съ повозками, нагруженными домашнимъ скарбомъ. Имъ перерѣзалъ дорогу Одоакръ,—патрицій и предводитель итальянской арміи, фактическій король Италіи. Четыре года пришлось имъ сражаться съ этимъ самозваннымъ защитникомъ имперіи. Но сломивши его сопротивленіе, имъ уже нечего было бояться. Коренное населеніе не видѣло большой разницы между Одоакромъ и Теодорихомъ. Ихъ матеріальные интересы не затрагивались этой смѣной правителей, такъ какъ Теодорихъ отнялъ у нихъ

ту же часть ($^{1}/_{3}$) воздѣланной земли, которую требовалъ и Одоакръ. И это подчиненіе Теодориху не было даже измѣной Восточной имперіи, такъ какъ въ ея интересахъ было видѣть Теодориха на мѣстѣ Одоакра. Теодорихъ правилъ Италіей тридцать три года (493—526 гг.). Терпимый и просвѣщенный правитель, онъ не жалѣлъ усилій, чтобы придать своему правленію легальный характеръ и защитить итальянцевъ отъ насилія. Два выдающихся римлянина, Либерій и Кассіодоръ, были его ближайшими совѣтниками и защитниками его политики передъ своими соотечественниками. Но не было произведено попытокъ слить остготовъ съ итальянцами. Остготы сохранили характеръ враждебнаго народа, расквартированнаго на чужой землѣ и по большей части подчиненнаго собственнымъ законамъ. Но и къ римскимъ законамъ относились съ уваженіемъ. Римскій уголовный кодексъ одинаково примѣнялся Теодорихомъ къ обѣимъ національностямъ, и личная месть за преступленіе строго преслѣдовалась. Къ несчастью, подчиненные Теодориха были менѣе дисциплинированы, чѣмъ онъ самъ. Остготское воинство сохранило свою привязанность къ беззаконію; королевскіе чиновники и судьи были подкупными; коренное населеніе должно было страдать отъ этого, и часто беззащитные его элементы закабалялись. Римляне не могли забыть аріанства своихъ новыхъ повелителей, хотя ортодоксія терпѣлась и ей даже покровительствовали. Естественно, что духовенство и остатки римской аристократіи стремились къ возстановленію императорской власти. И правильно или ошибочно Теодорихъ въ послѣдніе годы своего правленія подозрѣвалъ ихъ всѣхъ въ измѣнѣ. И онъ варварски жестоко расправился съ предполагаемыми руководителями заговора, среди которыхъ былъ сенаторъ Боэцій, замученный имъ послѣ долгаго заключенія. Боэцій увѣковѣчилъ свое имя и навсегда очернилъ Теодориха своимъ произведеніемъ „Утѣшеніе въ философіи“, написаннымъ имъ въ ожиданіи казни. По всей вѣроятности онъ былъ христіаниномъ, но, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ философіи Платона и стоиковъ, онъ у нихъ искалъ разрѣшенія своихъ сомнѣній. Въ средніе вѣка его книга считалась откровеніемъ, но и теперь она можетъ быть съ интересомъ прочитана, и этотъ интересъ объясняется глубокой искренностью ея автора. Слѣды остготовъ исчезли въ Италіи; съ именемъ Теодориха только связывается нѣсколько мозаикъ и полуразрушенный мавзо-

лей въ Равеннѣ. Отъ этого вѣка насилій и полу-искреннихъ идеаловъ ничего не сохранилось въ духовной сокровищницѣ человѣчества, кромѣ предсмертныхъ мыслей несломленнаго испытаніями страдальца. Быть можетъ, въ этомъ можно видѣть справедливость исторіи.

Теодорихъ умеръ въ 526 году, передавъ свою корону сыну своей единственной дочери. Восемь лѣтъ спустя умеръ и этотъ мальчикъ-король, успѣвшій прославиться своей развратностью. Вслѣдъ за нимъ была убита и его мать; этимъ хотѣли очистить путь къ престолу одному честолюбцу, и въ то время, какъ происходили эти династическія смуты, Юстиніанъ перебросилъ свою вновь вышколенную армію подъ руководствомъ Велизарія, самаго замѣчательнаго полководца своего времени, уже успѣвшаго прославиться отвоеваніемъ Африки у вандаловъ (536 г.). Интриги его завистниковъ больше, чѣмъ сила сопротивленія не объединенныхъ остготовъ, лишили его возможности быстро окончить войну рѣшительной побѣдой и продолжили ее на долгое время. Но въ 553 г. послѣдніе очаги сопротивленія были затушены кровью. Опустошенная и обезлюженная Италія получила разработанную іерархически военную и гражданскую организацію имперской провинціи. Новая организація была съ особой благодарностью принята ортодоксальнымъ духовенствомъ, главнымъ образомъ, потому, что значительная власть въ помѣстной администраціи предоставлялась епископамъ. Съ внѣшней стороны было много блеска и торжественности въ новой организаціи, но по существу возстановленная имперія была не на много культурнѣе—въ истинномъ значеніи этого слова, чѣмъ варварскія государства, которыя она смѣнила, и которыя ее смѣнили. Отъ Юстиніана Италія получила и Corpus juris, самый цѣнный подарокъ римскаго генія европейской культурѣ. Для будущаго было достаточно то, что Италія выучилась уже тогда смотрѣть на Corpus, какъ на совершеннѣйшую систему права. При посредствѣ итальянскихъ школъ болѣе поздняго времени (Равенна, Болонья) Corpus оказалъ свое вліяніе на законодательство всѣхъ европейскихъ странъ и заложилъ основы научной юриспруденціи. Но въ VI вѣкѣ обстановка была далеко не подходящей для его примѣненія.

Въ 568 г., лишь по истеченіи пятнадцати лѣтъ послѣ возстановленія имперіи, лангобарды спустились съ средняго Дуная, по слѣдамъ Теодориха, воодушевленные славой его успѣховъ. Въ нѣсколько лѣтъ они сдѣлались владѣтелями

сѣверной Италіи, той равнины, которая съ тѣхъ поръ и называется Ломбардіей. Послѣдующія $^3/_4$ столѣтія обнаружили всю слабость Византіи. Власть лангобардскихъ королей,—ихъ столицей была Павія,—распространилась на западъ на Лигурію и Тоскану, на востокъ вплоть до Эмиліи и Фріули. Къ югу отъ нихъ за линіей крѣпостей, связывавшей Римъ съ Равенной по обѣ стороны Аппенинъ,—властвовали полу-независимые герцоги Сполето и Беневенто, (внѣ ихъ владѣній находились только Неаполь и оконечность Бруттійскаго полуострова); и, кромѣ этихъ областей, подчиненіе Восточной имперіи сохраняли рыбаки венеціанскихъ лагунъ и область, которую мы впослѣдствіи будемъ называть „папской". Сохраняя за собой обрывки своихъ прежнихъ владѣній, Византія лишь способствовала политическому раздробленію Италіи. Лангобардскія графства южной Италіи были оторваны отъ родственнаго имъ государства сѣверной и на ихъ развалинахъ много времени спустя была создана южно-итальянская монархія, постоянно враждебная политическимъ наслѣдникамъ лангобардскихъ королей. Во многихъ отношеніяхъ лангобарды удачно управляли подчиненнымъ имъ населеніемъ. Они усвоили латинскій языкъ, они забыли аріанство для ортодоксіи, они приспособились къ жизни въ городахъ, они покровительствовали итальянскому искусству и ремеслу. Хотя они и ввели типично германскую систему управленія, все же ихъ правленіе свободно выдерживаетъ сравненіе съ хитросплетеніями византійской политики. Въ имперской Италіи мы наблюдаемъ странное зрѣлище военнаго деспотизма, смягчаемаго захваченной крупными землевладѣльцами или епископами — съ ихъ плохо обоснованнымъ стремленіемъ къ свѣтской власти — юрисдикціонной и административной властью. Въ Лангобардской Италіи дѣло обстояло не хуже. Лангобарды, правда, были иноземцами,—но вѣдь ими же были и греки. Греки обращались съ итальянцами, какъ съ низшими людьми. Лангобарды же перемѣшались съ завоеваннымъ ими кореннымъ населеніемъ; и лангобардскіе законодатели (Ротарисъ и Ліутпрандъ) не знаютъ расовыхъ привилегій.

IV) Намъ остается разсмотрѣть сѣверную Галлію. Въ ней были заложены основы Франкской монархіи; и мы отложили франковъ до конца этого отдѣла, такъ какъ на ихъ долю выпало пожать плоды варварскихъ завоеваній и колонизацій. Къ концу VIII вѣка изъ всѣхъ западныхъ провинцій Римской

имперіи имъ не удалось укрѣпиться въ качествѣ единственной или преобладающей силы лишь въ Африкѣ, Испаніи и Британіи; но, съ другой стороны, къ этому времени имъ удалось проникнуть въ центральную Европу глубже, чѣмъ это предполагали руководители Римской имперіи со временъ Тиберія. Разселеніе франковъ было медленнымъ процессомъ, прерываемымъ періодами застоя и слабости; мы можемъ прослѣдить этотъ процессъ лишь въ его основныхъ чертахъ.

Давно извѣстные римлянамъ, какъ кочующіе грабители, франки перенесли рядъ тяжелыхъ пораженій въ эпоху военныхъ императоровъ отъ Проба до Юліана. Многіе изъ нихъ были насильственно поселены въ качествѣ рабовъ-колонистовъ на лѣвомъ берегу Рейна; другіе (салическіе франки) присвоили себѣ значительную часть Батавіи — болотистой мѣстности у устьевъ Шельды и Рейна; третья группа — рипуары — занимали земли между Рейномъ и Маасомъ въ сосѣдствѣ съ Кельномъ и Бонномъ. Салліи и рипуары считались — во всякомъ случаѣ со времени Аэція, подъ предводительствомъ котораго они вмѣстѣ съ вестготами сражались противъ гунновъ при Troyes (451) — союзниками (foederati) имперіи. Ихъ наступательное движеніе было задержано римскимъ правителемъ области, лежащей между Соммой и Луарой, и ихъ силы были раздроблены подчиненіемъ салическаго племени ряду мелкихъ отдѣльныхъ царьковъ. Но въ 481 г. со вступленіемъ на престолъ Хлодвига начинается періодъ укрѣпленія власти и расширенія границъ. Въ 486 г. онъ низлагаетъ римскаго правителя Сіагрія и узурпируетъ его власть. Въ 496 г. онъ присоединяетъ чисто тевтонскую область, лишь незадолго до этого основанную алеманнами и теперь извѣстную подъ именемъ Швабіи. Побѣда надъ алеманнами послужила поводомъ къ обращенію Хлодвига въ христіанство. По преданію, въ рѣшительный моментъ битвы, Хлодвигъ обратился къ Богу уступая просьбамъ своей благочестивой жены: „Я призывалъ своихъ боговъ, но они забыли меня. Я обращаюсь къ Тебѣ; въ Тебя я буду вѣрить, если Ты спасешь меня“.

Онъ сдержалъ свое слово и былъ крещенъ св. Ремигіемъ, епископомъ Реймскимъ; онъ сдѣлался членомъ ортодоксальной церкви; а вмѣстѣ съ тѣмъ и надеждой всего галльскаго духовенства, со злобой подчинявшагося еретическимъ вождямъ вестготовъ и бургундовъ. Хитрый и корыстный дикарь — король Турнэ, онъ хорошо использовалъ преимущества союза съ ортодоксальной церковью. Въ 500 г. онъ пошелъ

походомъ на бургундовъ, желая ихъ сдѣлать своими данниками. Эта затѣя ему не удалась, такъ какъ бургундскій король поспѣшилъ перейти въ ортодоксію и примирить съ собой галло-римское населеніе. Но по отношенію къ Алариху II вестготскому, который былъ такъ недальновиденъ, чти преслѣдовалъ православныхъ епископовъ—франки добились легкаго и рѣшительнаго успѣха. „Меня сердитъ — обратился Хлодвигъ къ своему войску,—что эти аріане правятъ въ Галліи". Аквитанцы привѣтствовали его, какъ избавителя, а Аларихъ послѣ перваго же пораженія предпочелъ искать пріюта въ своихъ испанскихъ владѣніяхъ. Однимъ ударомъ граница франковъ была передвинута отъ Луары къ Пиренеямъ (507 г.). Послѣдніе годы жизни Хлодвига прошли въ успѣшной борьбѣ съ соперничающими франкскими династіями и наиболѣе опасными представителями собственнаго рода. Онъ умеръ послѣ 30-лѣтняго правленія, окруженный ореоломъ святости: „Господь каждодневно умножалъ владѣнія его, ибо былъ онъ чистъ сердцемъ, и дѣянія его благолѣпны были въ глазахъ Господа". Онъ былъ похороненъ въ галло-римской части своихъ владѣній, въ Парижѣ, избранномъ имъ своей столицей; это объясняется тѣмъ, что область, подчиненная Сіагрію, а впослѣдствіи извѣстная подъ именемъ Нейстріи или Западной Франціи—была естественнымъ центромъ Франкскаго государства, и еще тѣмъ, что Хлодвигъ былъ неравнодушенъ къ традиціямъ и пышности римской культуры. Въ Аквитаніи онъ любилъ принимать видъ представителя императорской власти, проѣзжая по улицамъ Тура въ пурпурной тогѣ консула, которую онъ получилъ отъ восточнаго императора Анастасія. Въ Константинополѣ надѣялись, что онъ расправится съ Теодорихомъ вестготскимъ также, какъ онъ расправился съ Аларихомъ. Эта была первая изъ многихъ попытокъ использовать франкскаго короля въ цѣляхъ императорской дипломатіи. Церковь и имперія стремились разжечь честолюбіе и расширить планы меровингскихъ и каролингскихъ завоевателей.

Но франки еще болѣе, чѣмъ ихъ соперники придерживались варварскаго обычая поровну дѣлить королевство между сыновьями умершаго короля, какъ его частную вотчину. Послѣдовательно примѣненная эта система наслѣдованія должна была бы раздробить королевство и довести его до того положенія, въ которомъ была Германія въ XIV в. У франковъ за раздѣленіемъ обычно слѣдовали братоубійственныя междоусобія,

и королевство вновь объединялось подъ властью побѣдителя, но этимъ путемъ силы націи растрачивались на гражданскую войны. Наслѣдники Хлодвига сдѣлали немногое для увеличенія доставшагося имъ королевства, и это немногое было сдѣлано въ первыя пятьдесятъ лѣтъ вслѣдъ за его смертью. Бургундія, Баварія, и Тюрингія были подчинены, Провансъ былъ отданъ остготами, какъ плата за оказанную противъ Юстиніана помощь, саксы были принуждены къ уплатѣ дани. Съ 561 г. по 688 г. власть и сила франковъ непрерывно падаетъ. Дагобертъ I (628—638 гг.), послѣ Хлодвига наиболѣе извѣстный изъ Меровинговъ, могъ лишь усмирить непокорныхъ и усилить защиту восточной границы. Онъ освободилъ саксовъ отъ дани, онъ былъ не въ силахъ помѣшать франкскому же искателю приключеній, купцу Само, объединить славянъ Чехіи и сосѣднихъ ей странъ въ сильную и аггрессивную федерацію. И уже въ его время восточные франки (австразійцы) не желаютъ быть управляемыми изъ Нейстріи и требуютъ себѣ въ короли сына Дагоберта. Послѣ смерти Дагоберта всѣ три королевства (Нейстрія, Австразія и Бургундія) добиваются самостоятельнаго управленія, хотя и остаются подчиненными одному королю.

Въ каждой изъ этихъ частей фактическимъ правителемъ былъ майордомъ (maior palatii)—вице-король, постоянно опекавшій своего повелителя. Послѣдніе Меровинги были лишь куклами, появлявшимися передъ своими подданными въ торжественныхъ случаяхъ, а остальное время проводившими въ почетной ссылкѣ въ своихъ помѣстьяхъ. Исторія франковъ съ 638 г. по 718 г. заполнена борьбой отдѣльныхъ знатныхъ родовъ Нейстріи и Австразіи, добивавшихся власти единаго майордома. Въ концѣ концовъ единство было возстановлено побѣдой австразійца—Карла Мартела. Уже его отецъ достигъ преобладающаго положенія, сыну оставалось сосчитаться съ послѣдними претендентами.

Карлъ Мартелъ является истиннымъ основателемъ каролингской династіи, хотя и его предки играли значительную роль въ австразійской и обще-королевской политикѣ. Онъ не былъ основателемъ феодальной системы. Но онъ широко использовалъ возможность укрѣпить королевскую власть поддержкой вассаловъ, одаряемыхъ съ тѣмъ, чтобы они приходили на помощь своему господину, жертвуя—если это надо—своею жизнью и своимъ имуществомъ. Для того, чтобы снабдить своихъ вассаловъ фьефами, онъ секвестировалъ

многія церковныя помѣстья. Но искупилъ свое святотатство въ битвѣ у Пуатье. Въ 711 г. арабы, отторгнувъ Африку отъ Византійской имперіи, проникли въ Испанію и низложили Родерига, послѣдняго короля вестготовъ. Съ его смертью погибло и дѣло его племени. Хотя вестготы давно уже приняли ортодоксію и находились въ тѣсномъ союзѣ съ испанскими епископами, ихъ все же ненавидѣли провинціалы, низведенные ими до рабства и жестоко притѣсняемые ими. Въ теченіе десяти лѣтъ войска калифа подчинили ему Испанію и направили свои взоры на южную Галлію.

Франкскій герцогъ Аквитаніи не былъ въ состояніи ни защитить своего герцогства, ни добиться продолжительнаго мира. Тѣснимый арабами, онъ наконецъ рѣшился обратиться къ майордому, своему недавнему врагу. Обращеніе было услышано; Карлъ съ значительнымъ франкскимъ ополченіемъ встрѣтился съ арабами подъ стѣнами Пуатье. Семь дней стояли другъ противъ друга обѣ арміи, и ни одна изъ нихъ не рѣшалась начать наступленіе; на восьмой—невѣрные завязали сраженіе. Франкское ополченіе состояло изъ пѣхотинцевъ въ кольчугахъ и со щитами; тщетно арабы пытались пробиться сквозь ихъ тѣсно-сомкнутый строй, напоминающій желѣзную стѣну. Когда нападеніе было отбито, франки, преодолѣвая сопротивленіе начали наступленіе. Эмиръ Абдеррахманъ палъ въ этой битвѣ, и когда ночь прервала сраженіе, то обѣ арміи расположились лагеремъ на полѣ брани; но на слѣдующее утро арабы поспѣшили вернуться за Пиренеи (окт. 732 г.). Распространеніе ислама встрѣтило первое непреодолимое препятствіе; правда, Испанія и не была отвоевана франками, но ихъ признали спасителями сѣверной Европы. Не такъ давно было высказано мнѣніе, что внутреннія противорѣчія магометанской Испаніи оказали лучшую услугу христіанству, чѣмъ эта побѣда, такъ какъ арабы продолжали владѣть Септиманіей и устраивали набѣги на Провансъ. Но для современниковъ не было сомнѣнія, въ томъ, что франки достойны благодарности со стороны церкви, и особенно самъ Карлъ въ своемъ двойственномъ положеніи некоронованнаго короля. Майордомъ глубоко понималъ цѣнность поддержки церкви. Онъ покровительствовалъ дѣятельности англійскихъ миссіонеровъ—Виллиброрда и Бонифація, проповѣдывавшихъ христіанство среди германскихъ языческихъ племенъ (фризовъ, гессовъ, тюринговъ), подчиненія которыхъ онъ добивался. Онъ разрѣшилъ Бонифа-

цію признать себя слугой Святого престола. Правда, онъ не хотѣлъ заключить политическій союзъ съ Римской церковью противъ лангобардовъ. Войны на сѣверѣ мѣшали ему; войны съ фризами, саксами, непокорными баварцами, аллеманами и аквитанцами. Но перейти отъ союза съ церковью къ союзу съ Римомъ было естественнымъ шагомъ, выполненнымъ его наслѣдниками. Незадолго до своей смерти (741 г.) онъ раздѣлилъ свою власть между двумя сыновьями Карломаномъ и Пипиномъ, отдавь Австразію первому, а Нейстрію второму. Но Карломанъ вскорѣ постригся въ монахи (747 г.), и младшій сынъ, Пипинъ, одинъ продолжалъ дѣло своего отца. Оба брата пользовались услугами Бонифація для реорганизаціи и реформы духовенства въ ихъ владѣніяхъ; Пипинъ разрѣшилъ ему отобрать отъ всѣхъ франкскихъ епископовъ клятву подчиненія Святому престолу и призналъ его архіепископомъ майнцкимъ и примасомъ германской церкви. Три года спустя майордомъ получилъ разрѣшеніе отъ папы Захарія низложить послѣдняго меровингскаго короля и принять королевскій титулъ; папа справедливо считалъ, что титулъ долженъ соотвѣтствовать власти (751 г.). Такъ окончилась династія Хлодвига, а вмѣстѣ съ ней и варварскій періодъ франкской исторіи. Въ ближайшія 60 лѣтъ исторія Европы — это исторія каролингскихъ завоеваній и каролингскихъ попытокъ политическаго переустройства.

И теперь растущее сближеніе съ папствомъ пріобрѣтаетъ новый характеръ. Съ начала VIII вѣка Восточная имперія перерубила послѣднія нити, связывавшія ее съ Италіей признаніемъ иконоборческой ереси и преждевременнаго и запоздалаго протеста противъ растущаго матеріализма и политеизма католическаго христіанства. Папа и лангобарды объединились на защиту иконъ въ имперской Италіи. Григорій III отлучилъ иконоборцевъ (731 г.). Лангобардскій король Айстульфъ захватилъ Равенну, послѣднюю важную опору Византіи на полуостровѣ (751 г.). Слишкомъ поздно папство поняло, что ортодоксальная Лангобардія опаснѣе греческой ереси. Айстульфъ считалъ Римъ, какъ и другія владѣнія имперіи, принадлежащими ему по праву завоеванія. Впервые возникаетъ споръ между свѣтской властью, стремящейся объединить Италію и Римскимъ епископомъ, настаивающимъ на своихъ суверенныхъ правахъ, какъ на исторически оправдываемомъ и необходимомъ дополненіи его сана. Папа Стефанъ II посѣтилъ, не напрасно, франкскаго короля, требуя

у него помощи и защиты. Пипинъ два раза переходилъ Альпы и заставилъ лангобардовъ отказаться отъ притязаній на Римъ, и возвратить то, что было отвоевано отъ Имперіи. Эти области франкскій король передалъ папѣ, какъ законному представителю императорской власти (756 г.). Дареніе Пипина, произведенное вопреки требованію Византіи, значительно расширило ту свѣтскую власть, которой пользовались предшественники Стефана въ Римѣ и прилегающей къ нему области. Этимъ дареніемъ франки невольно поддержали самаго страшнаго своего будущаго противника, способствуя созданію почвы для тѣхъ стремленій, о которыхъ въ то время едва мечтали. Ибо именно вопросъ о свѣтской власти вызвалъ ожесточенную борьбу Священной Римской имперіи съ папствомъ, и она же была главнымъ препятствіемъ для вожаковъ Risorgimento.

Подобно своему отцу Пипинъ усиленно стремился объединить завоеванія первыхъ Меровинговъ, но безъ его успѣха. Онъ прогналъ арабовъ изъ Нарбонны; онъ вновь присоединилъ Аквитанію и восемью тяжелыми походами добился покорности отъ ея герцоговъ. Но ни саксы, ни баварцы не хотѣли признать его власти. А то, чего ему удалось добиться въ Аквитаніи, было вновь подвергнуто серьезной опасности, когда при своей смерти онъ, слѣдуя обычаю, раздѣлилъ свое царство между своими сыновьями Карломаномъ и Карломъ (768 г.). Соперничество двухъ братьевъ не лишило все же Карла возможности подавить новое возстаніе въ Аквитаніи; и онъ вскорѣ, переживъ раннюю кончину никѣмъ не оплаканнаго Карломана (771 г.), легко добился признанія себя единымъ королемъ. И теперь Карлъ находился въ положеніи чрезвычайно благопріятномъ для созданіи политической системы, которая не только повторяла, но и превосходила планы его предшественниковъ. Наслѣдникъ территоріи, простиравшейся въ одномъ направленіи отъ Атлантическаго океана до горъ Чехіи, а въ другомъ—отъ Сѣвернаго моря и Ламанша до Альпъ и Пиринеевъ, наслѣдственный покровитель Римской церкви, руководитель духовенства, настойчиво преслѣдующій идеалъ созданія христіанской республики и стремящійся утвердить единство христіанскаго міра силой свѣтской власти, глава военной касты вассаловъ, одушевленной желаніемъ и стремленіемъ къ завоеваніямъ—Карлъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточныя средства и возможность, чтобы добиться того, о чемъ напрасно мечталъ Теодорихъ,

сдѣлаться главой германскихъ народовъ, намѣстникомъ имперіи во всѣхъ западныхъ провинціяхъ. И человѣкъ, на долю котораго выпала эта возможность не былъ среднимъ человѣкомъ. Недостаточно образованный, даже для своего времени, онъ обладалъ яснымъ умомъ и безудержнымъ любопытствомъ; военачальникъ, непреклонная воля котораго и исключительная настойчивость умѣла приводить свое ополченіе черезъ трудности и пораженія къ конечной побѣдѣ; мечтатель, чье воображеніе возгаралось, когда оно приходило въ соприкосновеніе съ великими христіанскими или языческими идеями древняго міра; практическій политикъ, у котораго врожденная любовь къ порядку и уваженіе къ справедливости счастливо соединялись съ организаторскими способностями и съ умѣніемъ извлекать лучшее изъ своихъ подчиненныхъ. И во всякомъ случаѣ не отсутствіе какихъ-либо природныхъ качествъ можетъ помѣшать поставить Карла на ряду съ самыми выдающимися дѣятелями исторіи. Но если то, что Карлъ сдѣлалъ, кажется не достаточно великимъ, то это должно быть отнесено насчетъ окружающихъ его условій мѣста и времени, въ которыхъ ему приходилось работать. Великое государственное строительство возможно только тогда, когда оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи накопленный опытъ предыдущихъ поколѣній и тѣ особыя качества, которыя свойственны древней и вмѣстѣ съ тѣмъ сильной культурѣ.

Политика Карла во время его единовластія (771—814 гг.) напоминаетъ голову Януса: одной стороной она обращена назадъ, другой—впередъ. Типичный австразіецъ, онъ преданъ древнему франкскому идеалу завоеваній, но эти завоеванія пріобрѣтаютъ у него новый характеръ, и, выполняя планы своихъ предшественниковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширяетъ размахъ ихъ самыхъ смѣлыхъ мечтаній. Въ своей дружбѣ къ папѣ, въ свой заботѣ о церковныхъ реформахъ онъ является сыномъ своего отца; но связь сына съ церковью воодушевлена новыми цѣлями, которыя во многихъ отношеніяхъ порываютъ связь съ прошлымъ. Его управленіе въ значительной степени опредѣляется старымъ представленіемъ о королевскомъ долгѣ: онъ хорошій хозяинъ своихъ помѣстій, онъ благодѣтель бѣдныхъ, укрыватель беззащитныхъ, борецъ за справедливость. Но въ то же время онъ и дальновидный преобразователь, прилаживающій старыя традиціи управленія къ потребностямъ новой политической

системы. Если бы мы хотѣли слить всѣ эти противорѣчія воедино, мы могли бы сказать, что онъ является наслѣдникомъ старой варварской монархіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ основателемъ новой имперіи.

Исторія его завоеваній читается, какъ остовъ потеряннаго эпоса,—такъ они разнообразны, и такъ скудны подробностями современныя ему источники.

1) Въ 773 г. Карлъ перешелъ Альпы по просьбѣ папы Адріана, такъ какъ лангобардскій король Дезидерій захватилъ нѣкоторые города, подаренные папѣ Пипиномъ и даже угрожалъ Риму. Павія была голодомъ принуждена сдаться. Дезидерій былъ постриженъ въ монахи. Карлъ присоединилъ всю территорію Ломбардіи, за исключеніемъ Сполето (подчинившагося папѣ) и Беневента. Онъ принялъ титулъ короля лангобардовъ, но ограничился лишь оставленіемъ ополченія въ нѣкоторыхъ городахъ и назначеніемъ нѣсколькихъ франкскихъ графовъ; въ остальномъ онъ не пытался ни смѣстить лангобардскихъ властей, ни измѣнять способы управленія. Онъ посѣтилъ Адріана въ Римѣ, подтвердилъ дареніе Пипина и заключилъ договоръ вѣчной дружбы съ папствомъ.

2) За этимъ слѣдовалъ періодъ войнъ съ саксами, періодъ крестоваго похода противъ германскихъ язычниковъ и возобновленія старыхъ и все еще оспариваемыхъ притязаній на подчиненіе. Первый походъ противъ саксовъ былъ предпринятъ въ 772 г., окончательно ихъ подчинить удалось не раньше 785 г. Саксы по своему политическому развитію мало отличались отъ описаній Тацита въ его „Germania“, мелкія группы управлялись отдѣльными вождями, объединившимися въ выборѣ общаго военачальника во время войны, въ остальное время ихъ связывало лишь племенное чувство родства и почитаніе общихъ племенныхъ божествъ. Но это было воинственное племя, и въ это трудное для себя время оно нашло выдающагося вождя,—извѣстнаго Видукинда. Въ концѣ концовъ онъ подалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ, принявъ христіанство. Карлъ былъ его воспріемникомъ и Видукиндъ обратился въ вѣрнаго подчиненнаго своего духовнаго отца. Въ теченіе немногихъ лѣтъ вся Саксонія покрылась сѣтью миссіонерскихъ церквей, и саксы сдѣлались примѣрными ревнителями новой вѣры, а саксонскіе епископы считались богатѣйшими и вліятельными церковными вождями. Наслѣдники Видукинда въ X вѣкѣ оживили

императорскую политику Карла и присвоили себѣ императорскую корону германской націи. Но саксы упрямо придерживались своихъ законовъ и своего языка, а ихъ настойчивый отказъ подчиняться власти другихъ племенъ былъ камнемъ преткновенія даже для наиболѣе одаренныхъ монарховъ средневѣковой Германіи.

3) Въ теченіе 786—787 гг. Карлу угрожалъ заговоръ, направленный противъ его власти въ Италіи. Тассилонъ, вассальный герцогъ Баваріи, стремясь къ независимости, по настоянію своей жены, дочери незадолго передъ тѣмъ низложеннаго короля Дезидерія, вступилъ въ союзъ съ лангобардами; Арегисъ, лангобардскій властитель Беневента, желая подчеркнуть свою независимость, принялъ титулъ короля. Оба властителя собирались совмѣстно выступить, но ихъ планы были разрушены прежде, чѣмъ они успѣли созрѣть; значительныя ополченія Карла, появившіяся на границахъ ихъ владѣній, заставили ихъ подчиниться.

Лангобардское герцогство не было длительнымъ пріобрѣтеніемъ франковъ, но Баварія была послѣ второго возстанія (788 г.) окончательно присоединена. Присоединеніе большой и богатой области сдѣлало восточную половину Франкскаго королевства, границы которой совпадали съ средневѣковой Германіей, столь же важной, какъ и романизованная Галлія.

4) Естественными мѣрами дли защиты Баваріи была предпринятая Карломъ борьба съ аварами, племенемъ родственнымъ гуннамъ, заселившимъ средній Дунай, послѣ ухода лангобардовъ въ Италію. Авары наводнили Баварію и Фріуль въ качествѣ союзниковъ Тассилона (788 г.); они были жестоко наказаны тремя разрушительными походами (791—796 г.г.), окончательно сломившими ихъ власть и оставившими лишь жалкіе остатки ихъ племени. Ихъ земли были присоединены, но не заселены; ибо въ Германіи еще много было болѣе привлекательныхъ земель для франкскихъ колонистовъ. Остатки аваръ были поселены къ Восточной маркѣ (Austria), созданной Карломъ для защиты Баваріи отъ славянъ.

5) Вниманіе Карла было привлечено Испаніей впервые въ 777 г., когда онъ былъ призванъ эмирами сѣверной Испаніи (къ сѣверу отъ Эбро) освободить ихъ отъ власти Кордовскаго калифата. Въ слѣдующемъ году онъ совершилъ свой неудачный походъ черезъ Ронсевальскій переходъ къ стѣнамъ Сарагоссы,—походъ, увѣковѣченный въ Chanson

de Roland, въ самомъ древнемъ и самомъ извѣстномъ эпосѣ каролингскаго цикла, сказочномъ отъ начала до конца, за исключеніемъ факта существованія нѣкоего Роланда (правителя Бретонской марки), погибшаго при отступленіи франковъ. Значительные успѣхи были достигнуты Карломъ въ Испаніи лишь въ послѣдніе годы его царствованія. Наварра присоединилась къ франкамъ и христіанству; старшій сынъ Карла взялъ приступомъ Тортозу при устьѣ Эбро (811 г.) и основалъ Испанскую марку.

Это длинное перечисленіе отмѣчаетъ только важнѣйшія войны правленія Карла. Чтобы заполнить картину, мы должны себѣ представить въ видѣ фона рядъ мелкихъ столкновеній внутри и внѣ имперіи: противъ славянъ, датчанъ, грековъ, бретонцевъ, арабовъ, лангобардовъ Беневента. Эти долгіе годы войнъ укрѣпили положеніе Франкской имперіи, какъ единой великой державы къ западу отъ Эльбы и Адріатическаго моря. Оно не включало въ себѣ Скандинавскія страны, ни Британскіе острова, франки никогда не подчинили себѣ сѣверныхъ морей. Имъ не удалось изгнать арабовъ и византійцевъ изъ западной части Средиземнаго моря; Испанія, Сицилія и даже части Италіи оставались не завоеванными; объ отвоеваніи Сѣверной Африки не было и рѣчи. И все же по своимъ размѣрамъ Франкское государство было достойнымъ преемникомъ Западной Римской имперіи. Въ Рождество 800 г. папа Левъ III возложилъ на Карла въ базиликѣ св. Петра въ Римѣ императорскую корону; и подданнымъ Карла казалось, что этимъ торжественнымъ обрядомъ часовая стрѣлка исторіи была передвинута на 400 лѣтъ назадъ. Эпоха варварства была закончена величайшимъ изъ варваровъ, но начатая имъ новая эпоха была не эпохой возрожденія стараго, но эпохой развитія новаго.

III. Имперія и новыя монархіи (800—1000) гг.

Императорская политика Карла Великаго составляетъ предисловіе къ исторіи второй половины среднихъ вѣковъ. Карлъ Великій удерживаетъ еще въ равновѣсіи тѣ растущія силы, которыя въ будущемъ вступятъ въ непримиримыя противорѣчія. Въ его политикѣ еще уживаются другъ съ другомъ мысли, которыя въ слѣдующіе вѣка будутъ признаны

несовмѣстимыми. Онъ въ одно и то же время и самодержецъ, и глава правящей аристократіи, и демократическій государь, который ищетъ поддержки въ народныхъ собраніяхъ. Подчиненныхъ себѣ, каково бы ни было ихъ соціальное положеніе, онъ считаетъ своими безусловными и непосредственными подданными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ примиряется съ существованіемъ племенныхъ герцогствъ, онъ возстановляетъ Лангобардское королевство и вновь создаетъ Аквитанское, отдавая ихъ во владѣніе своимъ сыновьямъ. Онъ способствуетъ развитію феодализма, укрѣпляя королевскими санкціями притязанія магнатовъ на власть надъ подчиненными имъ людьми, но въ то же время онъ и принимаетъ мѣры, направленныя къ ограниченію и стѣсненію развитія феодализирующихъ тенденцій. Онъ возвеличиваетъ и порабощаетъ церковь. Онъ готовъ исполнять волю Бога, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она провозглашается духовенствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распоряжается епископствами и аббатствами, какъ феодальными владѣніями, онъ приказываетъ папѣ, онъ измѣняетъ богослуженіе, онъ притязаетъ на право опредѣленія догмы и выработки вѣры. И, наконецъ, самое большое противорѣчіе, это противорѣчіе между двумя сторонами его власти: королевской и императорской.

Франки оставили въ наслѣдство средневѣковой Европѣ двѣ политическія системы. Съ одной стороны, они улучшили систему варварской государственности, съ другой, они предначертали идеалъ власти, превосходящей власть королевскую и объединяющей воедино всѣ христіанскія государства. Съ одной стороны, они создали примѣръ, которому будутъ подражать Эгбертъ, Генрихъ Птицеловъ и Гуго Капетъ,—съ другой, они предвосхитили и болѣе широкія стремленія Оттоновъ и Гогенштауфеновъ. Поэтому намъ и важно ясно себѣ представить, чѣмъ былъ каролингскій король и чѣмъ хотѣлъ быть каролингскій императоръ.

Власть короля слагается изъ трехъ элементовъ: общаго подчиненія подданныхъ, болѣе личной связи вассаловъ, находящихся въ его mund'ѣ и изъ зависимости, въ которой находилось подчиненное населеніе государевыхъ имѣній. Эти имѣнія были главнымъ источникомъ его доходовъ. Король, до IX вѣка, является крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ пока онъ не растратилъ свою вотчину значительными пожалованьями наслѣдственныхъ бенефицій. Воздѣлы-

ваніе этихъ имѣній составляетъ значительную часть государственнаго хозяйства. Во главѣ ихъ стоятъ управляющіе, дѣятельность которыхъ точно опредѣлена королевскими капитуляріями и которые обязаны отчетности королевскому казначею—сенешалу.

Далѣе, король является источникомъ правосудія, охранителемъ общественнаго порядка, покровителемъ промышленности и торговли. Сообразно съ этимъ онъ получаетъ значительные доходы отъ судовъ, часть пеней, накладываемыхъ за преступленія, съ дорожныхъ и рыночныхъ пошлинъ, взимаемыхъ въ портовыхъ и пограничныхъ городахъ. При выполненіи своихъ правъ и прерогативъ, онъ пользуется штатомъ помощниковъ, главная часть которыхъ исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разныя обязанности и въ его частномъ хозяйствѣ; это: камерарій, завѣдывавшій королевскими сокровищами; конетабль (Comes stabuli), главный конюшій; сенешалъ; главный управляющій государевыми имѣніями, протонотарій, начальникъ канцеляріи, въ которой изготовляются, какъ королевскія письма, такъ и государственныя грамоты и капеланъ, на обязанности котораго лежитъ разрѣшеніе различныхъ церковныхъ споровъ; и наконецъ намъ надо еще упомянуть о дворцовыхъ графахъ, (comes palatii) которые предсѣдательствуютъ въ королевскомъ аппеляціонномъ судѣ. Король по обычаю обязанъ управлять сообразно съ совѣтомъ и съ согласія старѣйшинъ—эта германская традиція не могла быть искоренена римскимъ вліяніемъ. Избранный совѣтъ вліятельной знати обсуждаетъ съ королемъ всѣ важные государственные вопросы. Ихъ рѣшенія утверждаются народнымъ собраніемъ (Campus Martius) которое созывается ежегодно весной или лѣтомъ. На этомъ собраніи обсуждаются и утверждаются военные походы, на немъ также обнародываются королевскіе указы (capitula).

Средній подданный, на которомъ лежитъ главная тяжесть военной службы, не принимаетъ активнаго участія въ обсужденіяхъ „Майскихъ полей“, но указы, измѣняющіе старое обычное право отдѣльныхъ племенъ, входившихъ въ составъ государства (саліевъ, рипуаріевъ, саксовъ и т. д.) не вступаютъ въ силу до тѣхъ поръ, пока они не будутъ утверждены народными собраніями тѣхъ племенъ, которыхъ эти измѣненія касались. И такія измѣненія бывали не часты. Королевская законодательная власть была ограничена народнымъ убѣжденіемъ, считавшимъ свое обычное право свя-

щеннымъ, неизмѣняемымъ. Капитуляріи были, главнымъ образомъ, административными указами; а общее право, дѣйствующее всюду и для всѣхъ, было идеаломъ, который изъ всѣхъ средневѣковыхъ государствъ былъ осуществленъ въ одной Англіи. Королевскій законъ есть только дополненіе; и неотъемлемое право всякаго свободнаго человѣка жить по закону своей области, помѣстья своего господина, или своего свободнаго города.

Въ мѣстномъ управленіи, кромѣ племенныхъ герцоговъ мы встрѣчаемъ графовъ, округа которыхъ часто являются подраздѣленіями старыхъ племенныхъ областей. Графъ, должность котораго часто является наслѣдственной—королевскій уполномоченный во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Онъ взимаетъ государственныя повинности, предводительствуетъ ополченіемъ, охраняетъ порядокъ и предсѣдательствуетъ въ судѣ. Его судъ это старый германскій сотенный судъ, въ которомъ все свободное населеніе сотни должно выносить приговоръ; но это все свободное населеніе теперь представляется въ лицѣ нѣсколькихъ присяжныхъ (scabini), избранныхъ за ихъ почтенность и знаніе права. Почти независимое намѣстническое положеніе графа часто даетъ имъ возможность притѣснительно увеличивать предоставленныя имъ права. И для ихъ обузданія королемъ ежегодно назначаются объѣзжающіе графства королевскіе посланцы (missi dominici); на ихъ обязанности лежало объѣздить нѣсколько графствъ, передать графамъ королевскіе приказы, обнародовать новые законы и прежде всего выслушать и удовлетворить жалобы всѣхъ притѣсненныхъ. Этотъ институтъ королевскихъ посланцевъ, исчезнувшій раньше другихъ каролингскихъ институтовъ, былъ единственной защитой противъ графскихъ злоупотребленій и главнымъ препятствіемъ феодализаціи публичной власти. Когда онъ исчезъ, каролингское графство очень скоро приняло характеръ наслѣдственннаго фьефа, эксплуатируемаго въ интересахъ своего хозяина.

Имперія не была создана для того, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить эту систему королевскаго управленія; короли и императоры по общему признанію занимали точное и опредѣленное положеніе въ христіанскомъ государствѣ. Традиціи римскаго чиновничества дошли до Карловой монархіи въ сильно измѣненномъ и выродившемся подъ восточными вліяніями видѣ. Въ Галліи и Италіи Карлъ, правда, имѣлъ подданныхъ, ко-

торые еще жили по обрывкамъ римскаго права; но принципы великихъ римскихъ юристовъ, произведенія которыхъ должно считать высшимъ достиженіемъ римскаго генія были ему совсѣмъ неизвѣстны. Даже для лучшихъ представителей VIII вѣка Римская имперія была уже не тѣмъ, чѣмъ она была для Атаульфа или Теодориха — совершеннѣйшимъ произведеніемъ государственности,—но скорѣе Божественнымъ созданіемъ премудро сотвореннымъ до Рожденія Христа, дабы пріучить народы къ всеобщему подчиненію Его церкви. Идеаломъ каролингскихъ императоровъ былъ не Августъ, но Константинъ Великій, христіаннѣйшій изъ монарховъ, покровитель церкви противъ язычниковъ и еретиковъ, обогатившій ее дареніями и надѣлившій ее правами. Какъ бы мы ни смотрѣли на отношенія императора къ папѣ, онъ самъ считалъ себя первымъ слугою церкви. И, сообразно съ этимъ, своимъ первымъ долгомъ считалъ созданіе единства церкви и подчиненіе ей всѣхъ языческихъ народовъ. Конечно, этотъ отвлеченный идеалъ не оказывалъ значительнаго вліянія на фактическое направленіе политики. Карлъ Великій не предпринялъ значительныхъ войнъ послѣ своей коронаціи; онъ не колебался заключить миръ съ Восточной имперіей и даже обмѣняться любезностями съ багдадскимъ калифомъ. Онъ считалъ, и въ этомъ его поддерживалъ лучшій изъ его помощниковъ, что его главная обязанность заключается въ покровительствѣ, объединеніи и упорядоченіи тѣхъ государственныхъ союзовъ, которые уже номинально были подчинены церкви. Подчиненіе себѣ другихъ христіанскихъ королей было также трудно ожидать отъ него, какъ и требовать отъ него отказа отъ собственныхъ королевскихъ правъ; хотя онъ и настаиваетъ, что другіе короли должны уважать въ немъ земное олицетвореніе духовнаго единства.

Внутри своихъ собственныхъ границъ императорское званіе внесло скорѣе измѣненіе въ духъ, чѣмъ въ форму управленія, Императорская власть увеличила королевское достоинство и его отвѣтственность. Императоръ признавалъ себя обязаннымъ болѣе тщательно слѣдить за осуществленіемъ церковныхъ законовъ и за улучшеніемъ мірскихъ. Его подданные должны были теперь чувствовать, что этимъ подданствомъ императору они становились вѣрными слугами Бога, обязанными соблюдать Божескій законъ, какъ составную часть закона имперіи. Императоръ со своей стороны дол-

женъ былъ быть нравственнымъ учителемъ, воспитателемъ, покровителемъ духовенства и защитникомъ вѣры.

Если мы отъ этихъ благородныхъ мечтаній обратимся къ фактической исторіи каролингской имперіи, то насъ удивитъ разительная противоположность между этими мечтаніями и дѣйствительностью. Вскорѣ послѣ смерти Карла Великаго, франкское государство было расщеплено по старому меровингскому обычаю. Все, что осталось отъ былого единства, это лишь императорскій титулъ, связанный съ однимъ изъ престоловъ и ученіе, что короли обязаны въ братскомъ согласіи выступать на защиту противъ всѣхъ враговъ государства и церкви. Современники приписываютъ вину этого распаденія слабости Людовика Благочестиваго и своекорыстію его сыновей. Несомнѣнно, что эти причины ускорили процессъ распаденія Карловой монархіи; но подъ поверхностью внѣшнихъ явленій дѣйствовали другія, болѣе безличныя и болѣе упорныя силы.

1) Первая изъ этихъ силъ это ростъ національнаго отчужденія. Къ сѣверу отъ Альпъ населеніе имперіи дѣлилось на германское, главная часть котораго жила къ западу отъ Рейна, и на романское, границы котораго приблизительно совпадали съ границами современной Франціи; отъ этихъ обѣихъ группъ рѣзко отдѣлилась Италія, какъ по своему географическому положенію, такъ и по племенному составу населенія, языку и политическимъ традиціямъ. Въ Верденскомъ договорѣ (843 г.), которымъ начинается процессъ политическаго разложенія, еще не вполнѣ считаются съ особенностями этихъ трехъ группъ. Восточное франкское королевство вполнѣ германское; западное включаетъ въ себя галло-романскія области, подчиненныя Хлодвигомъ. Но между ними лежало ублюдочное королевство, принадлежавшее королю съ титуломъ императора и включавшее въ себя Италію, югъ Франціи (Провансъ, Бургундію) долину Мозеля и значительную часть Нидерландовъ. При каждомъ перераспредѣленіи владѣній между послѣдующими каролингами все больше считались съ національными признаками. И послѣ 888 года, только Бургундія и Провансъ напоминали о существованіи средняго королевства. Италія сдѣлалась независимой; сѣверныя области (Лотарингія) оспаривались другъ у друга западными и восточными франками. И новые монархи усваиваютъ характеръ *національныхъ* правителей, и не безъ основанія первому королю восточныхъ франковъ былъ присвоенъ впослѣдствіи эпитетъ—„Нѣмецкій“.

2) Но національное чувство было скорѣе лишь недовѣріемъ къ представителямъ другого племени и языка. Было, правда, достаточно основаній для отдѣленія національностей одной отъ другой, но процесъ расчлененія этимъ не заканчивается и послѣ выдѣленія отдѣльныхъ національнастей, онѣ вновь подраздѣляются на племенныя и феодальныя группы. Такъ, въ Германіи укрѣпляется выдѣленіе саксовъ, швабовъ, баварцевъ, тюринговъ, франконцевъ. А къ западу отъ Рейна, гдѣ римскому правленію удалось разрушить племенныя связи, сѣверъ рѣзко отличается отъ юга, и въ каждой изъ этихъ двухъ половинъ феодализмъ начинаетъ играть первенствующую роль. Съ половины IX вѣка мы наблюдаемъ произвольное зарожденіе независимыхъ и обособленныхъ феодальныхъ владѣній, которыя играютъ столь значительную роль въ исторіи Франціи. Но на феодализмѣ мы еще впослѣдствіи остановимся.

3). И, наконецъ, послѣдняя, хотя и не самая маловажная изъ причинъ: исчезновеніе моральнаго воодушевленія, вызваннаго Карломъ Великимъ. Его понятіе „имперіи“ было слишкомъ глубокимъ для его времени. Его находили недостаточно убѣдительнымъ. Слишкомъ остро чувствовались тѣ жертвы, которыя должны быть сейчасъ принесены, и недовѣрчиво относились къ тому, что эти жертвы должны принести въ будущемъ. Жизнь для потомства встрѣчаетъ не много сторонниковъ въ мало-культурномъ обществѣ. Въ немъ живутъ для настоящаго, подавляются его трудностями, вѣрятъ въ преобладающее значеніе судьбы, рока или Провидѣнія; и считаютъ человѣческое предвидѣніе пустой самоувѣренностью. Идея имперіи нашла себѣ защитника въ небольшой группѣ клириковъ, но и имъ не удалось найти многихъ послѣдователей. И когда послѣдній каролингскій императоръ былъ низложенъ (887 г.), много печалованій было въ церковныхъ кругахъ, но никто изъ свѣтскихъ не поднялся чтобы воспрепятствовать процессу разложенія. Этимъ послѣднимъ императоромъ былъ Карлъ Толстый; ему удалось подчинить себѣ долгими трудами всѣ владѣнія своего рода; но въ три короткихъ года было разрушено все то, чего ему удалось добиться. По словамъ аналиста, „полчище корольковъ раздѣлило между собой Европу“. Эти новые властители всѣ вышли изъ крупныхъ феодаловъ. У западныхъ франковъ это былъ Эдъ (Eudes), графъ Парижа, который присвоилъ себѣ королевскую корону; восточные избрали Арнульфа, герцога Каринтіи; Италію оспа-

ривали другъ у друга маркграфы Сполето и Фріуля; Бургундія была подѣлена двумя княжескими родами.

Но въ теченіе ближайшихъ ста лѣтъ вновь окрѣпла идея имперіи, провозвѣстницей которой была Германія и которая была признана въ Италіи и нашла сторонниковъ и во Франціи. Былъ рядъ новыхъ и основательныхъ соображеній для новаго провозглашенія уже оставленной системы. Національныя церкви, подорвавшія франкскую монархію расширеніемъ церковныхъ привилегій и вліяній, не имѣли основаній быть довольными создавшимся положеніемъ вещей. Тяжесть налоговъ при Августѣ была пустякомъ въ сравненіи съ беззаконнымъ грабительствомъ вновь сложившагося феодализма. Избранные монархи, правившіе по милости своихъ главныхъ подданыхъ, были безсильны. Низшіе соціальные слои также не имѣли основанія быть довольными новымъ порядкомъ, при которомъ притѣснялся мелкій держатель, порабощался крестьянинъ и разорялся купецъ. Свобода аристократіи обозначала для всѣхъ другихъ слоевъ—несчастье. Эти крупные феодалы съ узурпированной властью непрерывно воевали другъ съ другомъ, но хуже всего было то, что ихъ борьба и споры и ихъ преслѣдованіе своекорыстныхъ интересовъ оставили Европу на произволъ дикихъ завоевателей. Въ IX и X столѣтіяхъ средневѣковыя государства должны были перенести то же самое испытаніе, которое въ V вѣкѣ не въ силахъ была вынести Римская имперія. Съ сѣвера и востока, новыя толпы варваровъ, какъ бы чувствуя усиливающую слабость государствъ, стали прорываться сквозь границы въ поискахъ добычи и новыхъ мѣстъ для поселенія.

Прежде другихъ пришли норманны изъ Норвегіи и Даніи. Какъ и саксы IV вѣка они были прекрасными мореходами. Быстро въ своихъ ладьяхъ переносились они съ мѣста на мѣсто,—скорѣе, чѣмъ за ними могли слѣдовать сухопутныя силы. Большія рѣки служили для нихъ естественными путями сообщенія; и если ихъ и разбивали въ сраженіяхъ, то на своихъ ладьяхъ они вновь находили безопасныя убѣжища. Заключать съ ними мирный договоръ или предлагать выкупъ—было совершенно безполезно. Викинги то появлялись отдѣльными бандами, то образовывали болѣе значительные союзы, которые вновь расщеплялись, чтобы уступить мѣсто новымъ соединеніямъ. Договоръ съ однимъ изъ вожаковъ ни мало ни связывалъ другого и откупиться отъ одного изъ нихъ лишь значило ускорить прибытіе второго. Эти морскіе разбойники

начали опустошать Британію и Фризію еще до смерти Карла Великаго; но послѣ перваго раздѣленія имперіи, ихъ набѣги распространились на всю прибережную линію отъ Эльбы до Пиринеевъ. Въ началѣ привлекаемые надеждой грабежа, они вскорѣ перешли къ завоеваніямъ; и когда въ концѣ IX вѣка наступаетъ внезапный перерывъ въ потокѣ вооруженной иммиграціи съ сѣвера, то норманскія поселенія въ Англіи и Нормандіи—по обѣ стороны Ламанша—крѣпко обосновались въ видѣ союзныхъ колоній и заставили себя признать мѣстными правителями.

Ощутительнѣе всего опустошенія норманов чувствовались въ Галліи, которая сдѣлалась главнымъ центромъ ихъ нападенія, послѣ того, какъ они опустошили Фризію и близъ лежащіе округа. У Германіи и Италіи были другіе враги. Въ 862 г. новая опасность въ лицѣ венгровъ выросла на границѣ Баваріи. Венгры, азіатское племя, уже съ начала IX вѣка двигались съ Уральской возвышенности. Современники отожествляютъ ихъ съ гуннами Аттилы. И дѣйствительно у нихъ было много общаго. Венгры были кочевники татарской расы, жившіе охотой и войной, искусные въ наѣздничествѣ и стрѣльбѣ изъ лука, дикіе и жестокіе. Скорость ихъ передвиженія и громадность разстоянія, на которое они распростанили свои набѣги—почти невѣроятна. Въ 889 году они пробиваются сквозь Восточную марку (Austria) и достигаютъ Ломбардской равнины. Въ 919 году они опустошаютъ всю Саксонію и доходятъ до Средняго королевства. Въ 926 г. мы ихъ встрѣчаемъ въ Тосканѣ и вблизи Рима. Въ 937 г. они доходятъ до стѣнъ Капуи. И до окончательнаго ихъ пораженія при Лехѣ въ (955 г.) они держали въ страхѣ двѣ трети христіанской Европы. Италія, наименѣе объединенная изъ всѣхъ новыхъ государствъ еще раньше была опустошена сарацинскими пиратами, господствовавшими въ западной части Средиземнаго моря. Единственное государство, способное съ ними помѣриться на морѣ была Византійская имперія, и греческій флотъ охранялъ южный берегъ Италіи, но былъ безсиленъ спасти Сицилію которая по частямъ и была завоевана мусульманами (827—965 гг.). Прибрежные города, какъ Амальфи, Гаэта, Неаполь и Салерно платили дань или же принуждены были допустить въ свои стѣны сарацинскій гарнизонъ; въ 846 г. Остія и папская часть Рима (включавшая базилику святого Петра) подверглись ограбленію. Разбойничьи поселенія утвердились даже на Гарильяно

и въ Гардъ-Френе, на границѣ Италіи и Прованса. Меньше чѣмъ въ другихъ странахъ эти набѣги чувствовались въ Англіи. Здѣсь Альфреду и его преемникамъ удалось въ теченіе столѣтія, протекшаго послѣ договора въ Ведморѣ между западными саксами и датчанами (878 г.) установить королевскую власть съ широкими притязаніями хотя и слабо скрѣпившую отдѣльныя части, но все же давшую имъ болѣе прочную и болѣе высокую организацію, чѣмъ та, которая существовала въ Англіи со времени Римской имперіи. Въ Германіи Саксонской династіи, начавшейся съ Генриха Птицелова (919—936 гг.), удалось сдѣлать королевскую власть наслѣдственной и добиться подчиненія другихъ племенныхъ герцогствъ. Во Франціи, парижскіе графы, уже давно правившіе подъ именемъ вырождающихся Каролинговъ, получили, наконецъ, въ лицѣ Гуго Капета королевскую власть по избранію (987 г.) Мы наблюдаемъ здѣсь, общую для всей западной Европы, тенденцію къ объединенію власти, и вслѣдъ за ней выступаетъ и вторая—возстановленіе имперіи. Новыя королевскія династіи оказали этой второй тенденціи хорошую услугу, ибо даже самая слабая среди нихъ, французская, все же служила символомъ единства, центромъ, около котораго могли группироваться духовенство и всѣ другіе сторонники мира. Но все же оставалось еще многаго желать; національная монархія обозначала національныя войны и право національной церкви произвольно самоуправляться сообразно со своими національными традиціями. Съ каждымъ годомъ росло отчужденіе церквей; политическое единство исчезало, и религіозное—вскорѣ послѣдовало за нимъ. Королевскій титулъ въ этомъ отношеніи игралъ незначительную роль; сколь бы ни была торжественна коронація короля, фактическимъ источникомъ его власти было то положеніе, которое, независимо отъ своего высокаго титула, онъ занималъ, какъ глава племенной или феодальной группы, какъ глава людей, которые по горькому замѣчанію св. Одона будучи притѣсненными искали себѣ господина, съ помощью котораго они могли бы стать притѣснителями. Королевская власть потеряла все свое очарованіе и достоинство; она была извращена и подчинена службѣ мелкимъ цѣлямъ. Чувствовалась необходимость въ императорской власти, чтобы возстановить болѣе высокую форму справедливости, чтобы выдвинуть болѣе высокія государственныя задачи.

Идея имперіи нашла въ Германіи нѣсколькихъ теоре-

тиковъ и ихъ усиліями образовалась группа ея сторонниковъ. Это можетъ показаться страннымъ, если вспомнить, что Германія играла руководящую роль въ разрушеніи каролингской имперіи и что Генрихъ Птицеловъ, этотъ возстановитель Германской монархіи, былъ еще очень далекъ отъ идеи имперіи. Но дѣло въ томъ, что своеобразное устройство Германскаго королевства и своеобразіе задачъ, вызванныхъ колонизаціоннымъ движеніемъ на востокъ дѣлали императорскую политику прямой необходимостью. Хотя Генрихъ Птицеловъ тщательно ограничивалъ свою политику стремленіемъ возстановить Германское королевство, его сынъ (Оттонъ I) и продолжатель его политики, былъ вынужденъ ходомъ событій пересѣчь Альпы и добиться какъ захвата Италіи, такъ и полученія императорской короны изъ рукъ папы.

Генрихъ Птицеловъ, избранный на королевство лишь послѣ 19 лѣтней смуты, сумѣлъ обуздать царящую анархію и укрѣпить свое положеніе рядомъ договоровъ съ непокорными герцогствами. Швабія, Баварія и Лотарингія обратились въ подчиненныя княжества, правители которыхъ должны были подчиняться рейхстагамъ, изрѣдка пріѣзжать ко двору и еще рѣже оказывать военную поддержку. При этомъ новомъ порядкѣ, феодализирующіе принципы, поддерживаемые этими герцогами и находившіе свое главное проявленіе въ существованіи независимой военной силы, предназначенной какъ для самозащиты, такъ и для преслѣдованія собственной внѣшней политики, еще болѣе укрѣпились и нашли свою легальную форму. Внутри отдѣльныхъ герцогствъ, власть Генриха Птицелова была незначительна и заключалась, главнымъ образомъ, въ роли покровителя церкви. Генрихъ притязалъ на право назначенія епископовъ, — но осуществленія этого права въ Баваріи удалось добиться только его сыну—и на исключительное право одаренія церковныхъ учрежденій привиллегіями. Церковные соборы, постановленія которыхъ утверждались королемъ, имѣли болѣе существенное значеніе, чѣмъ рейхстаги, на которыхъ присутствовали какъ свѣтскія, такъ и духовныя власти. И его общая политика болѣе благопріятствовала духовенству, чѣмъ другимъ. Подчиненіе Лотарингіи (925 г.) и Богеміи (929 г.) такъ же, какъ и пораженіе, нанесенное венграмъ при Унструтѣ (933 г.) имѣли общенаціональное значеніе; но лишь за 9 лѣтъ до сраженія при Унструтѣ, Генрихъ не мѣшалъ венграмъ опустошать Баварію и Швабію, защи-

тивъ свое собственное герцогство (Саксонію) отдѣльнымъ договоромъ. Въ эти годы онъ усиленно строилъ укрѣпленные бурги и значительно расширилъ территорію Саксоніи, присоединивъ къ ней Бранденбургъ, Лузацію, Стрелицъ и Шлезвигъ. Эти завоеванія можно было бы считать національными достиженіями, при предположеніи, что королевская власть останется наслѣдственной въ его родѣ; но германскій король избирался. Что же касается церкви, то съ ея точки зрѣнія не было большей заслуги, чѣмъ завоеваніе и подчиненіе язычниковъ славянъ и датчанъ. Въ глазахъ церкви этотъ саксонскій король былъ провозвѣстникомъ христіанства въ дикихъ лѣсахъ Европы. Благодаря всему этому, главной опорой власти Генриха, какъ и его наслѣдниковъ, была церковь; и главной задачей королей этой династіи было укрѣпленіе союза церкви и королевской власти.

Первыя годы правленія Оттона I (съ 936 г.) заполнены его борьбой съ претендентами на его престолъ, легко находившими поддержку то въ одномъ, то въ другомъ государствѣ. Баварія стремилась отложиться и образовать независимое государство; Франконія грозила тѣмъ же, если у нея отнимутъ право веденія самостоятельныхъ войнъ; Лотарингія стремилась къ возстановленію стараго Средняго королевства. Эти стремленія къ отложенію находили поддержку то въ братѣ, то въ сынѣ короля. И даже, когда Оттону I удалось поставить во главѣ этихъ герцогствъ людей, лично ему подчиненныхъ, то и тогда его власть не на много окрѣпла. Ибо Оттонъ, стремясь къ усиленію королевской власти, усиленію, необходимому для поддержанія цѣлостности государства, этимъ самымъ нарушалъ старыя феодальныя права и связи; и вновь поставленные имъ герцоги обыкновенно перенимали притязанія ихъ предшественниковъ и становились выразителями племенныхъ тенденцій. Теперь было болѣе необходимо, чѣмъ когда-либо моральная поддержка церкви, но въ самый критическій періодъ его царствованія (939—995 гг.) глава германской церкви, архіепископъ майнцскій Фридрихъ употребилъ всю силу своего вліянія и личнаго авторитета на поддержаніе герцогскихъ притязаній. И въ другомъ отношеніи Оттонъ нашелъ въ церкви главнаго противника своимъ притязаніямъ. Утвержденіе христіанской церкви признавалось имъ однимъ изъ лучшихъ способовъ для закрѣпленія и увеличенія славянскихъ завоеваній своего отца. Онъ предполагалъ,—и получилъ на это уже со-

гласіе Рима,—создать архіепископство Магдебургское, поставивъ его во главѣ славянскихъ областей. Этому воспротивились епископы Майнца и Гальберштадта, не желая поступаться своими правами (965 г.). И такимъ образомъ дважды было рѣзко подчеркнуто, что власть Оттона I надъ церковью недостаточно сильна, чтобы онъ могъ бы ее использовать согласно своимъ цѣлямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ходъ событій заставилъ Оттона I вмѣшаться въ итальянскія дѣла. Итальянское королевство было захвачено въ 926 г. Гуго Прованскимъ, искателемъ приключеній изъ каролингскаго рода. Въ 937 г. послѣ смерти Рудольфа II Бургундскаго, Гуго намѣревался было захватить и его владѣнія. Этому воспротивился Оттонъ, взявъ подъ свое покровительство законнаго наслѣдника Бургундіи, Конрада; объединеніе Италіи и Бургундіи въ однѣхъ рукахъ создавало опаснаго сосѣда германскому королевству. Желая обезпечить свои притязанія на будущее время, Гуго добился брака сына своего Лотаря съ сестрою Конрада. Нѣсколько времени спустя Оттонъ вновь вмѣшивается въ итальянскія дѣла, принимая подъ свое покровительство врага Гуго—маркграфа Беренгара Фріульскаго, который приноситъ ему вассальную клятву вѣрности. Въ 950 г. эти отношенія внезапно пріобрѣтаютъ большое политическое значеніе: въ этомъ году умираетъ Гуго и Лотарь, и имъ въ Италіи наслѣдуетъ Беренгаръ. Новый итальянскій король отказывается отъ своей клятвы и вассальныхъ обязанностей, а неуваженіе къ правамъ вдовы Лотаря даетъ Оттону и второй поводъ къ войнѣ. Кромѣ того, Оттона вынуждаютъ къ войнѣ и братъ его Генрихъ, герцогъ баварскій и его сынъ Ліутольфъ, герцогъ швабскій. Ихъ обоихъ привлекаютъ постоянныя междуусобія въ Италіи и надежда на легкость добычи. Въ 915 г. герцогъ баварскій захватываетъ Аквилею, а въ 951 г. герцогъ швабскій переходитъ Альпы съ явнымъ намѣреніемъ, добившись руки вдовы Лотаря, получить ея права на наслѣдство. Оттонъ, конечно, не могъ безучастно смотрѣть, какъ подчиненные ему герцоги дѣлятъ итальянскую добычу. Онъ собираетъ войско и идетъ за Ліутольфомъ. Беренгаръ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, герцоги подчиняются своему королю. И въ 957 г. Оттонъ свободно распоряжается итальянскимъ королевствомъ.

Возможно, что, если представился бы удобный случай, онъ бы тогда же отправился въ Римъ для полученія импе-

раторской короны. Но папа, въ чьихъ рукахъ лежало исключительное право короновать императора, былъ въ то время ставленникомъ заговорщической группы, во главѣ которой стоялъ сенаторъ Альберихъ и цѣлью которой было созданіе свѣтскаго государства съ папой во главѣ. Оттонъ не былъ призванъ въ Римъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ рѣшилъ не принимать на себя тяжелыхъ обязанностей итальянскаго короля и возстановить въ своихъ правахъ Беренгара, потребовавъ у него возобновленія клятвы вѣрности. Вѣроятно, что это возстановленіе Беренгара было задумано, какъ временная мѣра. Въ Германіи не прекращавшіеся заговоры колебали положеніе Оттона, и Беренгаръ долженъ былъ охранить Италію отъ герцогскихъ вожделѣній, до тѣхъ поръ, пока его властелинъ не сможетъ вновь заняться итальянскими дѣлами. Послѣдующія событія оправдываютъ это предположеніе. Въ теченіе немногихъ лѣтъ Оттону удалось справиться съ опасностями, угрожавшими его положенію въ Германіи. Возстаніе герцоговъ окончилось для нихъ неудачей; венграмъ было нанесено рѣшительное пораженіе при Лехфельдѣ (955 г.), и ихъ набѣги на Германію прекратились; смерть освободила Оттона и отъ самыхъ опасныхъ его соперниковъ—архіепископа майнцскаго Фридриха и отъ собственнаго сына, герцога Ліутольфа. Въ 960 г., наконецъ, пришло и долгожданное приглашеніе изъ Рима. Папа Іоаннъ XII, юноша 22 лѣтъ, сынъ Альбериха, не унаслѣдовавшій отъ отца его способностей, обратился къ Оттону съ просьбой защитить его свѣтскія владѣнія отъ Беренгара. Оттонъ не могъ мечтать о лучшемъ поводѣ. Спустившись въ Италію онъ изгналъ своего вассала, принялъ въ 961 г. въ Павіи итальянскую корону и оттуда направился въ Римъ. Здѣсь, въ 962 г., онъ былъ коронованъ папой, какъ глава „Священной Римской имперіи германской націи". Такимъ образомъ прерогативы власти Карла Великаго были тѣсно сплелись съ германской монархіей. Изъ этого запутаннаго ряда событій можно сдѣлать нѣкоторые существенные выводы. Императорская власть, которой такъ часто злоупотребляли во вредъ Германіи, была возстановлена въ интересахъ чисто германской политики. Не въ примѣръ своему сыну и внуку, Оттонъ I никогда не подчинялся очарованію Италіи. Со времени Карла Великаго считалось твердо установленнымъ, что только папа можетъ давать императорскую корону и что только итальянскій король можетъ быть императоромъ.

Оттонъ не особенно высоко цѣнилъ свои итальянскія владѣнія, хотя обстоятельства и заставляли его проводить большую часть своего царствованія въ Италіи. Одно время онъ думалъ отвоевать Апулію и Калабрію отъ грековъ, Сицилію отъ арабовъ. Но борьбѣ съ Восточной имперіей онъ предпочелъ брачный союзъ и ничего не предпринялъ для завоеванія Сициліи. Корону итальянскаго короля, онъ цѣнилъ лишь какъ необходимую ступень къ императорской коронѣ. И онъ относился далеко не безразлично къ своимъ правамъ и обязанностямъ по отношенію къ церкви, налагаемымъ на него императорскимъ титуломъ. Онъ выбиралъ епископовъ, которые исполняли и важныя свѣтскія обязанности въ его системѣ управленія, обращая вниманіе и на ихъ духовныя качества; онъ былъ другомъ Клюнійскаго движенія—реформы монастырей. Но отправляясь въ Римъ, онъ, конечно, и не думалъ о чисткѣ Авгіевыхъ конюшенъ папства. Іоаннъ XII былъ явно порочен, но какъ папа, который законно могъ вручить императорскую корону, онъ былъ достаточно хорошъ. И только когда онъ, раскаявшись въ приглашеніи Оттона, измѣнилъ ему, онъ былъ низложенъ и долженъ былъ уступить мѣсто болѣе достойному. И преемникъ Іоанна XII не былъ даже священникомъ. Главной цѣлью Оттона было найти въ папѣ вѣрнаго союзника; и этотъ принципъ оставался руководящимъ принципомъ монарховъ саксонской династіи, вплоть до вступленія на престолъ его внука.

Оттонъ не былъ безразличенъ ни къ блеску, ни къ широкимъ притязаніямъ своего новаго титула. Онъ демонстративно подчеркивалъ свое благожелательное покровительство юнымъ монархамъ Бургундіи и Франціи; онъ настоятельно требовалъ подчиненія Польши и Чехіи. Онъ устраивалъ торжественные рейхстаги, чтобы отпраздновать свой новый титулъ и усиленно добивался своего признанія византійскимъ дворомъ. Но по существу онъ оставался въ своихъ стремленіяхъ національнымъ германскимъ королемъ. Онъ былъ глубоко реалистиченъ и всегда добивался конкретныхъ достиженій; и вся его политика сосредоточивалась вокругъ задачъ, стоящихъ передъ Германіей. Расширеніе восточныхъ границъ, союзъ съ церковью, усмиреніе герцоговъ—вотъ главные успѣхи его политики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главныя ея цѣли. Но ему удалось добиться большаго, чѣмъ онъ желалъ; и еще до его смерти, имперія пріобрѣла большее значеніе, осуществивъ болѣе высокую форму правленія, чѣмъ когда-либо до этого.

*

Имперія, созданная Оттономъ I, пережила безумства его сына и внука, и это обстоятельство обнаруживаетъ всю искусность его политики. Въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ его смерти (973 г.), во главѣ имперіи стояли мальчики и женщины. Въ Римѣ, въ Германіи, на западной и восточной границахъ всѣ подавленные заговоры и униженные соперники еще разъ попытались добиться побѣды. Вдовствующая императрица Аделаида и ея невѣстка Феофано оспаривали до 991 г. другъ у друга руководительство управленіемъ. Съ этого времени до 998 г., вдовствующая императрица, освобожденная отъ своей соперницы ея смертью, одна оказывала первенствующее, хотя и все падающее вліяніе. Но не въ ихъ силахъ было справиться съ трудностью положенія. Аделаида, хотя она и оставалась вѣрна принципамъ національно-германской политики своего супруга, искажала ихъ неудачнымъ выборомъ помощниковъ. Феофано, женщина выдающихся способностей и дарованій, презирала однообразность осложненій германской политической жизни и внушила какъ своему мужу, такъ и своему сыну, что единственная достойная дѣятельности императора страна—это Италія; и не Ломбардія, а Римъ и южная Италія. Только церковь Ломбардіи и Германіи поддерживали связность имперіи. Герцоги стали вновь обнаруживать стремленія къ выдѣленію, и мѣры, принимаемыя къ ихъ обузданію Оттономъ I, оказались въ рукахъ его сына и внука,—когда имъ приходилось имѣть дѣло съ возстаніемъ, или съ замѣщеніемъ свободнаго герцогства—не дѣйствительными.

Вину за хаотичность политическихъ плановъ Оттона II и Оттона III обыкновенно возлагаютъ на Феофано, эту блестящую представительницу византійской культуры и византійской политической мысли. Но вліяніе, опредѣлившее политическую систему этихъ двухъ императоровъ, было болѣе значительно, чѣмъ усиліе одной женщины. Они оба родились при блѣдномъ и колеблющемся свѣтѣ средневѣковаго ренессанса, въ эпоху, когда пробудилось интелектуальное любопытство, когда съ живымъ воодушевленіемъ изучались философія и римская литература, когда риторъ и діалектикъ стали играть значительную роль въ духовной жизни. Философія заключалась, главнымъ образомъ, въ правилахъ школьной логики, доходившихъ черезъ вторыя, а иногда и третьи руки отъ Аристотеля; наука была причудливымъ сочетаніемъ эмпирическихъ наблюденій и суевѣрій; римская литература, ши-

роко использованная, какъ источникъ метафоръ и сравненій, возбуждала суевѣрное и непонятное преклоненіе передъ древнимъ Римомъ. Оттонъ II и его сынъ были покорными учениками этой новой образованности. Они не могли достаточно надивиться энциклопедичности Герберта, самаго популярнаго и, несомнѣнно, самаго блестящаго представителя тогдашней образованности. Оттонъ II со своимъ дворомъ часами внимательно выслушивали споры Герберта съ его противникомъ о подраздѣленіи философіи. Оттонъ III просилъ Герберта пріѣхать къ нему и спасти его отъ „саксонской деревенщины“, онъ писалъ своему любезному наставнику латинскія оды, совѣщался съ нимъ въ государственныхъ дѣлахъ и, въ концѣ концовъ, возвелъ его на папскій престолъ. Гербертъ былъ, дѣйствительно, глубокимъ и тонкимъ политикомъ и ему удалось поднять авторитетъ папскаго престола. Но эти его политическія способности никогда не нашли бы случая проявиться, если бы своей энциклопедичностью онъ не смогъ бы удовлетворить духовныхъ интересовъ Оттона III.

И Оттонъ II и Оттонъ III при первой возможности оставляли Германію для Италіи, и оба они терпѣли въ ней рядъ глубокихъ разочарованій.

Оттонъ II, который, страннымъ образомъ, объединялъ хаотическую мечтательность, съ чувствомъ реальности, унаслѣдованнымъ отъ отца, носился съ мыслью отвоевать южную Италію и Сицилію. Планъ этотъ не былъ неосуществимымъ, какъ это потомъ показали Гогенштауфены. И въ 980 г. это отвоеваніе было очень важно для христіанской Европы. Въ это время западной части Средиземнаго моря вновь стали угрожать сарацины. Въ Сѣверной Африкѣ утвердилась новая династія магометанскихъ искателей приключенія—Фатимидовъ, которымъ удалось подчинить себѣ Египетъ (969 г.). Еще за пять лѣтъ до этого они захватили Сицилію, въ 976 г. они обратили свои взоры на Италію. Югъ Аппенинскаго полуострова, былъ въ это время раздѣленъ между Восточной имперіей и владѣтелемъ Капуи, Пандульфомъ Желѣзноголовымъ, который на развалинахъ лангобардской и византійской власти утвердилъ деспотическое правленіе. Но и онъ не въ силахъ былъ, въ открытомъ сраженіи, вынести натискъ арабовъ, а послѣ его смерти и раздѣленія его владѣній, между его сыновьями, раздѣленія, сопровождавшагося тяжелыми междуусобіями, это сдѣлалось и совсѣмъ невозможнымъ. До вмѣшательства Оттона II казалось очевиднымъ,

что южная Италія (къ югу отъ Горильяно) должна будетъ подчиниться каирскимъ калифамъ. Оттонъ не былъ крупнымъ полководцемъ. Его военная опытность была пріобрѣтена имъ въ мелкихъ сраженіяхъ съ датчанами и славянами и въ походѣ на Францію, побѣдоносно начатымъ, но окончившимся пораженіемъ (978 г.). Увѣренный въ себѣ, онъ повелъ значительное войско въ Апулію, намѣреваясь сначала расправиться съ греками, а потомъ и съ арабами. Безъ труда, захватилъ онъ Бари и Тарентъ; но лишь только онъ вступилъ въ Калабрію, какъ былъ на голову разбитъ сицилійскимъ эмиромъ. Въ окрестностяхъ Колонны (982 г.) онъ оставилъ лучшую часть своего войска и едва избѣжалъ плѣна, укрывшись на проходящемъ купеческомъ кораблѣ. Въ слѣдующемъ году, въ хлопотахъ организаціи новаго похода, который долженъ былъ искупить его униженіе, онъ умеръ. Съ арабами въ южной Италіи должны были расправиться греки, а Сицилія оставалась арабскимъ владѣніемъ до прихода нормановъ въ 1062 г.

Планы и политика Оттона II привлекательнѣе его личности; обратное нужно сказать объ его сынѣ. Оттонъ III, ребенокъ при смерти отца, освобождается отъ опеки бабушки въ 996 г. И въ этомъ году, онъ, 16-лѣтній монархъ, совершаетъ свой первый походъ въ Италію. Онъ отправляется туда, чтобы освободить папу отъ насилій римской партіи Іоанна XII, которая при новомъ руководителѣ вновь подняла голову. Мальчикъ-монархъ расправляется съ заговорщиками съ излишней жестокостью. Но его нельзя обвинять въ отсутствіи благородства или въ неумѣніи находить себѣ помощниковъ и, призванный назначить новаго папу, онъ останавливается на своемъ двоюродномъ братѣ Бруно, юношѣ немногимъ его старше, но одаренномъ государственными способностями и раздѣляющимъ его планы. Бруно хотѣлъ утвердить власть Святого престола надъ отдѣльными національными церквами. Конечно, эта программа, отчасти, была создана въ интересахъ имперіи, но еще болѣе въ интересахъ церкви и дисциплины. Къ несчастію Оттона, Бруно умеръ раньше, чѣмъ ему удалось оказать значительное вліяніе на него и утвердить его характеръ, расшатанный льстивымъ воспитаніемъ. Гербертъ, занявшій папскій престолъ послѣ смерти Бруно, подъ именемъ Сильвестра II, лишь поддерживалъ своего ученика въ его дѣтски-необдуманныхъ предпріятіяхъ. Въ то время, какъ новый папа увеличивалъ свои права и усили-

валъ положеніе папскаго престола, молодой императоръ пытался оживить въ Римѣ славу цезарей. Онъ выстроилъ себѣ на Авентинѣ дворецъ. Онъ перенялъ пышность церемоніала византійскаго двора. Онъ заставилъ на своемъ тронѣ и коронѣ вырѣзать, возвеличивающія его сказанія. Въ 1000 г. онъ совершилъ торжественное паломничество въ Аахенъ, гдѣ спустился въ открытый для него склепъ Карла Великаго; и другое паломничество въ Гнезенъ, въ Польшу къ останкамъ своего друга, святого Адальберта, замученнаго язычниками. А между тѣмъ были забыты всѣ государственныя дѣла; славянскія государства стряхнули съ себя подчиненіе Германіи, восточная граница оставалась незащищенной. И даже населеніе Рима, къ которому Оттонъ былъ особенно привязанъ, не понимая странностей своего государя, возстало среди этихъ неурядицъ. Это заставило Оттона очнутся. Начиная сознавать несоотвѣтствіе своихъ плановъ съ дѣйствительностью, Оттонъ оставляетъ Римъ, чтобы, безцѣльно пространствовавъ по Италіи, умереть глубоко разочарованнымъ на 21 году отъ роду.

Было бы глубоко несправедливо обвинять Священную Римскую имперію Оттона I, въ неудачахъ его двухъ преемниковъ. Ихъ неудачи, скорѣе, показываютъ тѣ искушенія, которымъ ихъ подвергала императорская корона. Ни Оттонъ II, ни Оттонъ III не дооцѣнивали значенія имперіи. Но непонятая ими идея имперіи легко пережила ихъ промахи.

Характернымъ для Оттона I,—какъ это и было для Карла Великаго, — и его большой заслугой было привнесеніе въ идею національной монархіи, мысли о ея священныхъ задачахъ и признаніе должности монарха религіозной обязанностью. Для того чтобы схватить важность этой заслуги достаточно сравнить германскую монархію 1000 года, т. е. Священную Римскую имперію, уже искаженную неудачнымъ правленіемъ двухъ монарховъ, съ капетингской монархіей во Франціи, или съ монархіей дома Эгберта въ Англіи. Отличіе не только въ размѣрахъ и внѣшнемъ блескѣ. Священная Римская имперія воплощала въ себѣ болѣе достойную и отчетливѣе сознающую свои національныя обязанности королевскую власть.

IV. Феодализмъ.

Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію вопроса о происхожденіи и значенія феодализма, необходимо отчетливо себѣ

представить, что такое феодализмъ въ своемъ сложившемся видѣ въ XII и XIII в., когда онъ являлся основой мѣстнаго управленія, судебнаго устройства, организацій военной силы и исполнительной власти. Въ это время по ученію юристовъ, земля „держалась" посредственно или непосредственно отъ короля. Самъ король является крупнымъ землевладѣльцемъ, владѣнія котораго разбросаны по всему королевству; эти имѣнія доставляютъ ему главную часть его обычныхъ доходовъ. Короля окружаетъ группа главныхъ держателей—это представители церкви, какъ епископы и аббаты, или же свѣтскіе люди, какъ герцоги, графы, бароны. Эти лица—какъ духовныя, такъ и свѣтскія — обязаны своимъ „держаніемъ" къ исполненію ряда повинностей. Главная изъ нихъ это военная повинность, по которой каждый изъ нихъ обязанъ выставлять опредѣленныя отряды; но кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они обязаны снабжать своего господина деньгами (auxilia), пріѣзжать на королевскіе совѣты и засѣдать въ королевскомъ судѣ. Часто обязанности „держанія" обусловлены договоромъ, но договоръ не исчерпываетъ ихъ отношеній къ королю. Въ широкомъ и неточномъ смыслѣ, они обязаны королю почтеніемъ (obsequium) и вѣрностью (fidelitas). Они должны дѣлать все отъ нихъ зависящее для поддержанія его интересовъ и сохраненія его достоинства. Король, со своей стороны, обязанъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, собирать ихъ на совѣтъ, а также обязанъ уважать тѣ ихъ права и охранять тѣ ихъ владѣнія, которыми онъ ихъ одарилъ. Эта личная, и съ трудомъ поддающаяся точному опредѣленію, связь не можетъ быть односторонне нарушена безъ важныхъ на то основаній, какъ предательство, отказъ отъ исполненія обязанностей, злоупотребленіе правами.

Эти главные держатели имѣли на своихъ помѣстьяхъ рядъ „держателей" 2-ой степени, которые были связаны съ ними сходнымъ договоромъ и сходнымъ личнымъ отношеніемъ. Связь держателей 2-ой степени со своимъ непосредственнымъ господиномъ можетъ ослаблять ихъ подданическую связь съ королемъ. Происходитъ ли, дѣйствительно, такое ослабленіе и имѣетъ ли оно какія-нибудь существенныя послѣдствія, зависитъ отъ положенія и силы короля. Если подданическая связь не окончательно нарушена, король можетъ возлагать и на держателей 2-ой степени исполненіе опредѣленныхъ обязанностей, можетъ призывать ихъ въ свое войско, можетъ судить ихъ въ своемъ судѣ, можетъ

требовать отъ нихъ подати съ согласія своего совѣта, состоящаго изъ ихъ сеньоровъ; съ другой стороны, сохраненіе подданической связи проявляется и въ томъ, что эти держатели 2-ой степени отказываются повиноваться своимъ сеньорамъ когда они идутъ войной на короля, или затѣютъ междуусобную войну. Тамъ, гдѣ эта подданическая связь окончательно нарушена, тамъ главные держатели являются вполнѣ самостоятельными, и феодальное государство принимаетъ видъ федераціи съ наслѣдственнымъ руководителемъ во главѣ, который иногда рѣшаетъ споры отдѣльныхъ членовъ этой федераціи и иногда ведетъ ихъ на войну.

Вокругъ основной феодальной іерархіи группируются добровольно или насильно всѣ слои населенія. Въ деревняхъ можно еще найти свободное крестьянство, обязанное тому или другому сеньору лишь денежными или натуральными повинностями. Какъ и держатели 2-ой степени, они почти во всемъ подчинены власти своихъ сеньоровъ, хотя тамъ, гдѣ сильна королевская власть королевскіе судьи ихъ защищаютъ отъ насилій. Но значительнѣйшую часть крестьянскаго населенія составляютъ крѣпостные, обязанные своимъ сеньорамъ барщиной. Феодальное право стремится приравнять крѣпостныхъ къ рабамъ, отрицая за ними право прибѣгать къ защитѣ королевскихъ судовъ, и ставя ихъ владѣнія въ зависимость лишь отъ воли сеньоровъ. Въ дѣйствительности, сеньоры должны отказаться отъ исполненія всей полноты своихъ правъ. Хотя они и имѣли право требовать возвращенія всѣхъ бѣглецовъ, но часто было трудно ихъ найти, а одностороннимъ правомъ опредѣленія высоты повинностей было трудно пользоваться, такъ какъ часто это приводило къ возстаніямъ. И хотя сеньоръ являлся единственнымъ судьей въ вопросахъ, связанныхъ съ держаніемъ земли, онъ находилъ, все-таки, для себя удобнѣе держаться старыхъ обычаевъ и опредѣленныхъ повинностей, переходящихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Поэтому положеніе крестьянъ, хотя и тяжелое, было все же болѣе опредѣленное, и менѣе зависимое отъ воли господина, чѣмъ мы можемъ это предполагать, изучая лишь произведенія средневѣковыхъ юристовъ. Если мы отъ деревни обратимся къ городамъ, то мы найдемъ, что ихъ населеніе было подчинено или опредѣленному сеньору, или королю; что въ нѣкоторыхъ городахъ населеніе составляло полу-освободившуюся общину крѣпостныхъ; что въ другихъ горожане по своимъ правамъ

приближались къ свободнымъ крестьянскимъ держателямъ; что въ меньшинствѣ, но въ растущемъ меньшинствѣ, горожане добились права выступать коллективно и добились того, что ихъ сеньоры признали ихъ „коммуной" („communes") или свободнымъ городомъ. Въ этихъ случаяхъ, городамъ удается установить демократическое самоуправленіе подъ властью выборныхъ магистратовъ. Иногда эти города продолжаютъ еще платить точно опредѣленную повинность своему сеньору, но обычно они добиваются спеціальнаго покровительства короля и занимать положеніе „главныхъ держателей" (une seignorie collective populaire). Трудно себѣ представить болѣе антифеодальное по духу и организаціи учрежденіе, чѣмъ свободный средневѣковый городъ, но и городъ можетъ утвердить свое положеніе, только занявъ опредѣленное мѣсто въ феодальной іерархіи. Только церкви удалось противостоять общей тенденціи феодализировать всю земельную собственность и найти для каждаго человѣка его сеньора. Но и церковь должна была сдѣлать значительныя уступки духу времени. Лишь цѣною долгой и острой борьбы удалось епископамъ и другимъ духовнымъ лицамъ установить различіе между своимъ положеніемъ и положеніемъ другихъ главныхъ вассаловъ. Но все же представленіе, что владѣніе церковныхъ учрежденій было обычнымъ феодальнымъ владѣніемъ, которое держалось на основаніи обычнаго феодальнаго договора, осталось неискоренимымъ. Болѣе успѣшной, хотя и не менѣе трудной, была борьба противъ положенія, считавшаго приходского священника вассаломъ того сеньора, на земляхъ котораго онъ жилъ и требовавшаго отъ него исполненія его вассальныхъ обязанностей, цѣной которыхъ онъ получалъ, правда, вассальное право передавать по наслѣдству, свою должность своему сыну.

Таковъ былъ феодализмъ. Онъ является отрицаніемъ всего того, что мы считаемъ существеннымъ для опредѣленія современнаго государства и гражданства. Онъ всегда на дѣлѣ, если не всегда въ теоріи, подчиняетъ обязанности гражданина-подданаго обязанностямъ, налагаемымъ произвольнымъ частнымъ договоромъ. Этотъ договоръ иногда заключается съ главой государства, но въ большинствѣ случаевъ онъ заключается съ согражданиномъ. Исполненіе этого договора, хотя и является долгомъ чести, но онъ, все-таки, оставляетъ возможность сеньору проявлять произволъ; онъ ослабляетъ, если не разрушаетъ господство

законовъ. Съ другой стороны, цѣль этой системы возложить главную тяжесть національной обороны и надзоръ за королевской властью на наслѣдственно замкнутую группу землевладѣльцевъ. Уровень сознанія общественныхъ обязанностей чрезвычайно низокъ; государство принимаетъ видъ или абсолютнаго или олигархическаго, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, основой общества считается привиллегированное землевладѣніе. При феодальномъ строѣ власть короля исполнительная, судебная и административная, часто дарится какъ феоды и оказывается въ рукахъ тѣхъ же вассаловъ, надъ владѣніями которыхъ она должна проявляться. И такимъ образомъ государственная служба находитъ при феодализмѣ худшую форму своего проявленія; она выполняется группой наслѣдственныхъ должностныхъ лицъ, которые только съ большимъ трудомъ могутъ быть обузданы или устранены отъ своихъ обязанностей, которые не обязаны никакой отчетностью при взиманіи ими судебныхъ пеней или торговыхъ пошлинъ и которые совершенно лишены какихъ бы то ни было государственныхъ принциповъ. Если бы эта система дошла до своихъ послѣднихъ логическихъ выводовъ, если бы феодальный строй не терпѣлъ бы ограниченій отъ возстаній низшихъ слоевъ и централизующихъ монархическихъ тенденцій высшихъ, то онъ бы выродился въ такое состояніе партикуляризма и анархіи, по сравненію съ которымъ, Германія XV столѣтія или Италія XVIII-го могли бы быть признаны совершеннѣйшими государствами.

Но, какъ это ни странно, недостатки феодальной системы являются лучшимъ доказательствомъ того, что эта система была для своего времени естественнымъ и необходимымъ продуктомъ соціальнаго развитія. Феодализмъ, столь запутанный, столь противорѣчащій основнымъ принципамъ, какъ римскаго, такъ и варварскаго правосознанія, не могъ бы добиться всеобщаго признанія, не могъ бы быть признанъ естественнымъ порядкомъ, если бы онъ не выросъ бы постепенно, если бы онъ не развился изъ старыхъ обычаевъ и учрежденій. Соціальная организація, столь неповоротливая и неустойчивая, врядъ ли могла бы пережить нѣсколько столѣтій, если бы она своимъ существованіемъ не разрѣшала бы рядъ острыхъ и неотложныхъ задачъ. Мы обращаемся теперь, поэтому, къ разсмотрѣнію прецедентовъ феодализма и тѣхъ условій, которыя обезпечили его устойчивость.

Еще до паденія Римской имперіи мѣстное управленіе

выскользнуло изъ рукъ центральной власти. Крупные землевладѣльцы, съ явнаго или безмолвнаго согласія, признавались отвѣтственными за взимаемыя съ населенія ихъ помѣстій подати, за исполненіе этимъ населеніемъ воинской повинности; въ ихъ рукахъ была также и значительная судебная власть. Когда Галлія перешла къ Меровингамъ, эти частные суды продолжали существовать; они были даже официально признаны (Хлотаремъ II въ 614 г.) и сдѣлались частью государственнаго устройства. И значительное число крупныхъ помѣстій было одарено спеціальными хартіями или привилегіями (immunitas), которыя запрещали королевскимъ чиновникамъ входить въ эти помѣстья, чтобы производить въ ихъ предѣлахъ арестъ, держать судъ или взимать налоги. Владѣтели этихъ имѣній были обязаны выдавать лицъ, совершившихъ тяжкія преступленія, но въ другихъ случаяхъ сами вершили судъ.

Системы иммунитетныхъ привилегій сильно развились при Каролингахъ съ двумя, однако, значительными измѣненіями. 1) Начиная съ Каролинговъ иммунитеты рѣдко жалуются свѣтскимъ и наоборотъ, но становятся обычнымъ явленіемъ во владѣніяхъ епископовъ и монастырей. 2) Лица, стоящія во главѣ такихъ церковныхъ имѣній, обязаны были передавать свою административную и судебную власть свѣтскимъ лицамъ (advocati), ставимымъ, или центральною властью, или избираемымъ какимъ-либо другимъ признаннымъ способомъ. Цѣлью этихъ измѣненій было использовать частные суды въ государственныхъ цѣляхъ, обезвредить опасность частныхъ привилегій и создать годное орудіе королевской политики. Но эта цѣль была осуществлена лишь отчасти. Въ серединѣ IX вѣка, когда всѣ церковныя учрежденія были одарены иммунитетами, Каролинги выпустили изъ своихъ слабыхъ рукъ право назначенія адвокатовъ. Церковныя имѣнія остались привилегированными, и они освободились отъ королевскаго надзора надъ ихъ внутреннимъ управленіемъ. Они сдѣлались церковными сеньеріями; и если власть этихъ сеньоровъ была чѣмъ-нибудь ограничена, то это ограниченіе происходило или отъ власти сосѣднихъ свѣтскихъ владѣтелей, или отъ подвластнаго имъ населенія. Отчасти изъ уваженія къ обычаю, отчасти, слѣдуя своимъ интересамъ, церковные сеньоры не порывали съ королевскою властью даже и въ X вѣкѣ, когда эта власть находилась въ самомъ безотрадномъ положеніи. Но за оказы-

ваемую поддержку церковь требовала отвѣтныхъ услугъ; старыя привилегіи постоянно подтверждались и даже были дополнены передачей права высшаго уголовнаго суда, права „жизни и смерти“ (haute justice, Blutbann). Такимъ образомъ былъ созданъ классъ церковныхъ сеньоровъ, которые въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ сохраняли положеніе и владѣли властью, анологичной власти свѣтскихъ феодаловъ.

Церковный иммунитетъ уже въ IX в. сдѣлался цѣлью стремленій и свѣтскихъ землевладѣльцевъ; но положеніе полунезависимыхъ государей было ими достигнуто нѣсколько иными путями; говоря кратко, надо различать двѣ ступени въ развитіи привилегій свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Прежде всего, они добиваются положенія королевскихъ держателей, получающихъ свои земли за службу и вѣрность; а затѣмъ, они добиваются даренія или узурпируютъ большую или меньшую часть королевской власти надъ зависимымъ отъ нихъ населеніемъ.

1) Личная связь между свободнымъ воиномъ и его господиномъ, которая подчиняетъ воина воли господина и обязываетъ его къ неограниченной службѣ, встрѣчается въ очень многихъ примитивныхъ соціальныхъ союзахъ и не находится ни въ какой зависимости отъ расоваго ихъ состава. Тацитъ отмѣчаетъ, какъ одну изъ характерныхъ особенностей германской жизни его времени свободнаго воина (comitatus), живущаго въ домѣ своего господина, сопровождающаго его въ походахъ и считающаго самымъ ужаснымъ безчестіемъ вернуться живымъ съ битвы, въ которой палъ его господинъ. У Меровингскихъ королей сохранился пережитокъ этого учрежденія въ видѣ отряда приближенныхъ тѣлохранителей (antrustiones). При Каролингахъ мы встрѣчаемъ такихъ приближенныхъ въ войскѣ, въ королевскомъ домохозяйствѣ и во во всѣхъ частяхъ королевскаго управленія. Они были довѣренными короля и играли значительную политическую роль. Они назывались vassi, имя, раньше употреблявшееся для обозначенія всякаго рода зависимыхъ людей, но теперь ограниченнаго лишь свободными, свободнослужащими королю или другому сеньору и подчиненными его юрисдикціи. Столь велико было значеніе этихъ приближенныхъ, что въ VIII и IX вѣкѣ, сила отдѣльнаго сеньора, обычно, измѣрялась числомъ подчиненныхъ ему vassi, которыхъ онъ могъ взять съ собой въ походъ,

Различныя соображенія заставили франкскихъ королей и сеньоровъ одарять этихъ приближенныхъ землею, а съ другой стороны не отдавать землю въ держаніе никому, кто бы не принесъ клятвы вассальной вѣрности. Земля является единственной формой оплаты, которая находится въ распоряженіи сеньора, и вмѣстѣ съ тѣмъ она является матеріальной гарантіей вѣрной службы, такъ какъ въ противномъ случаѣ она всегда могла быть отобрана. Въ эпоху, когда правосознаніе является слабой гарантіей исполненія частныхъ обязательствъ, было естественнымъ для землевладѣльца стремленіе связать своихъ держателей личнымъ подчиненіемъ, и было достаточно основаній заставить ихъ въ случаѣ нужды помогать своему господину оружіемъ. Помѣстья, даруемыя вассаламъ, назывались бенефиціями (beneficia); они предвосхищаютъ характерныя черты феодальнаго землевладѣнія (фіефъ) позднѣйшаго времени; хотя надо и отмѣтить нѣкоторыя существенныя, ихъ отличающія черты. Бенефицій (de jure) не былъ наслѣдственнымъ; послѣ смерти своего владѣтеля онъ возвращался въ руки сеньора; кромѣ того, служба, налагаемая бенефиціальнымъ владѣніемъ, не была такъ точно опредѣлена, какъ въ болѣе позднее время; военныя обязанности одаренныхъ бенефиціями вассаловъ не отличались ни по существу, ни по степени отъ военныхъ обязанностей свободныхъ людей; и, наконецъ, вассалы по своему положенію (status) не признаются еще высшимъ сословіемъ. Значеніе вассала всецѣло зависитъ отъ его экономической силы и отъ того положенія, которое онъ занимаетъ въ лѣстницѣ королевской администраціи. Только въ позднюю каролингскую эпоху, когда классъ свободныхъ землевладѣльцевъ, не подчиняющихся никакому сеньору, былъ почти искорененъ притѣсненіями и тяготами военной службы, тяжесть военной защиты страны легла исключительно на вассаловъ. Тогда-то, какъ исключительный военный классъ средневѣковаго общества, они и пріобрѣли то положеніе, которое является типичнымъ для военнаго сословія на раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія.

2) Было естественно распространить вассальную связь на всѣ государственныя должности; и было также естественно разсматривать эти должности, какъ бенефиціи, даруемые пожизненно или на время вѣрной службы. Сравнительно рано мы встрѣчаемъ случаи, когда покоренные князья даютъ вассальную клятву вѣрности, какъ это сдѣлалъ герцогъ Акви-

таніи и Баваріи и король Даніи, и соглашаются признать свои старыя владѣнія бенефиціями. Иногда и членъ королевской семьи даетъ клятву вѣрности и обязывается службой за даруемыя ему помѣстья. Болѣе общимъ и болѣе важнымъ для будущаго является то, что устанавливается практика разсматривать графовъ, какъ вассаловъ. Во всей Франкской имперіи графство было типичной единицей мѣстнаго управленія. Графъ набиралъ войско, взималъ королевскіе налоги, слѣдилъ за исполненіемъ законовъ, охранялъ миръ и былъ въ графствѣ высшимъ судьей съ правомъ жизни и смерти. При Каролингахъ графское управленіе провѣрялось королевскими посланцами (missi dominici), но съ раздѣленіемъ имперіи, эта сдерживающая графовъ власть исчезаетъ. Въ это же время должность графа становится наслѣдственной, какъ и бенефиціи. И графы начинаютъ своекорыстно пользоваться своимъ положеніемъ. Въ этихъ случаяхъ, графство обращается въ небольшое государство, которое относится юристами къ классу фіефовъ, но которое часто управляется, не считаясь съ интересами короля-сеньора. Такіе фіефы, какъ Анжу, Шампань, Фландрія, образовались изъ наслѣдственныхъ графствъ. Съ другой стороны, мы находимъ и противоположныя явленія: мы встрѣчаемъ крупныхъ вассаловъ, которые пожалованіемъ или узурпаціей пріобрѣтаютъ прерогативы графской власти на подчиненныя имъ земли; примѣрами могутъ служить владѣтельные епископы Трира (898 г.), Гамбурга (937 г.) или Меца (945 г.).

Главнымъ послѣдствіемъ этого коренного измѣненія въ положеніи земельной собственности и государственныхъ должностей было то, что централизованное государство Каролинговъ смѣнилось слабо-скрѣпленнымъ федеральнымъ государствомъ, каждая часть котораго составляла группу людей, связанныхъ съ своимъ наслѣдственнымъ руководителемъ. Рождающійся феодализмъ былъ часто грубымъ и всегда ограниченнымъ и близорукимъ въ способахъ своего управленія. Отдѣльный феодальный союзъ долженъ былъ вести непрерывную борьбу за существованіе съ сосѣдними союзами. Феодальная политика по существу агрессивна: ибо у каждаго сеньора была своя группа воиновъ вассаловъ, которые объединялись и сдерживались имъ лишь, если онъ находилъ для нихъ возможность борьбы и грабежа; и каждый сеньоръ не могъ считать себя въ безопасности, пока онъ не подчинилъ своего сосѣда, равнаго

ему по силамъ. Кромѣ того, такъ какъ дезинтеграція общества не дошла до своихъ крайнихъ предѣловъ, то каждый крупный фіефъ подвергался непрерывной опасности—внутренней войны и раздѣленія. Отношеніе крупныхъ сеньоровъ къ королю находило свое отображеніе въ отношеніи къ этимъ крупнымъ сеньорамъ ихъ вассаловъ. Крупный сеньоръ одарялъ своихъ вассаловъ землями, отдавалъ ихъ имъ въ наслѣдственное пользованіе, укрѣплялъ ихъ власть, а они обычно отказывались отъ подчиненія ему. Въ XI вѣкѣ крупный фіефъ былъ весь усѣянъ замками главныхъ вассаловъ сеньора; въ небольшомъ графствѣ Maine, мы встрѣчаемъ 35 такихъ замковъ-крѣпостей; и эти замки были непотухающими очагами возстаній и грабежей. Въ такомъ своемъ видѣ феодализмъ перестаетъ быть системой управленія, а становится „системой анархіи“.

Но было бы не вполнѣ правильнымъ представлять себѣ феодализмъ, лишь какъ тиранію военнаго класса надъ безоружнымъ населеніемъ. Какъ римская имперія, франкское государство быстро растеряло уваженіе и популярность благодаря слабости власти и невыносимости тяготъ, возлагаемыхъ имъ на населеніе. Землевладѣлецъ-сеньоръ требовалъ меньше, чѣмъ государство, и часто онъ былъ въ состояніи защитить своихъ держателей отъ королевскихъ поборовъ. Во время нападеній норманновъ и венгровъ въ его собственныхъ интересахъ было употребить всѣ силы къ защитѣ своихъ владѣній; и крестьянинъ искалъ защиты у сеньора, на землѣ котораго онъ жилъ или же просилъ сосѣдняго сеньора принять его, вмѣстѣ съ собственной землею подъ свою защиту. Крупное помѣстье сдѣлалось убѣжищемъ всѣхъ пострадавшихъ отъ соціальныхъ неурядицъ. Въ XI в. положеніе измѣнилось. Венгерское нашествіе было задержано Генрихомъ Птицеловомъ и Оттономъ Великимъ; норманны сами вошли и заняли опредѣленное положеніе въ системѣ европейскихъ государствъ. Мелкій феодалъ сдѣлался излишнимъ. Изъ охранителя, онъ выродился въ язву общества. Великой политической задачей времени было избавиться отъ него. Эта задача была поставлена, и она была разрѣшена различными способами.

Въ Франціи во главѣ движенія, поставившаго своею цѣлью борьбу съ ужасами междуусобій наложеніемъ опредѣленныхъ стѣсненій на борющихся—стояла церковь. Въ теченіе XI в. было болѣе или менѣе обычнымъ явленіемъ, что епископъ

поддерживалъ мирныя стремленія представителей различныхъ слоевъ населенія, провозглашая Божье перемиріе (Treuga Dei). Это перемиріе, въ исполненіи котораго приносилась всеобщая клятва, запрещало насиліе надъ клириками, крестьянами и другими лицами не принимавшими участія въ борьбѣ, охраняло вспаханныя поля, запрещало уводъ скота и устанавливало опредѣленные промежутки времени, на которые всякія военныя дѣйствія должны были прекращаться. По типичному Божьему перемирію, война должна прекращаться съ вечера каждой среды, до утра понедѣльника; отъ Рождественскаго поста до праздника Богоявленія; отъ начала Великаго поста, до конца Ѳоминой; отъ Вознесенія до Пятидесятницы. Божье перемиріе было признано, какъ въ Германіи такъ и во Франціи королевскою властью; и еще въ XII вѣкѣ церковные соборы указывали на нее, какъ на полезную мѣру. Но оно врядъ ли достигало своей цѣли. Оно не имѣло средствъ добиться своего осуществленія клятва объединяла слишкомъ различные и противоположны; по своимъ интересамъ слои населенія; и эта противоположность препятствовала согласному дѣйствію объединяемыхъ. Второй изъ этихъ недостатковъ раздѣлялъ, не раздѣляя перваго, германскій „земскій миръ“. Время отъ времени германскіе императоры принуждаютъ, или одну изъ своихъ областей, или же все королевство принять рядъ постановленій, которыя имѣютъ своимъ прообразомъ отчасти Treuga Dei, а отчасти просто уголовный кодексъ. Такъ, въ 1103 г. крупные сеньоры королевства должны были клятвенно обѣщать, что они въ теченіе ближайшихъ 4 лѣтъ не будутъ притѣснять клириковъ, купцовъ, женщинъ и евреевъ, что они въ теченіе этого же времени не будутъ ни сжигать, ни врываться въ чужія жилища, что они не будутъ ни убивать, ни ранить, ни требовать выкупа. Послѣднее постановленіе было по требованію сеньоровъ нѣсколько измѣнено; было постановлено, что если кто-либо встрѣтитъ своего личнаго врага на большой дорогѣ, то онъ можетъ напасть на него, но долженъ отказаться отъ его преслѣдованія, если ему удастся найти убѣжище въ чьемъ-либо жилищѣ. Общій „земскій миръ“ Фридриха Барбароссы 1159 г. и Фридриха II 1235 г. были важнѣйшими явленіями этого рода, но они уже значительно отличаются отъ первичнаго типа. Они были постоянными; ихъ цѣлью было полное искорененіе беззаконнаго самоуправства. Они были уголовными кодексами, которые могли

бы, если бы только ихъ удалось провести въ жизнь, начать новую эпоху германской исторіи. На самомъ дѣлѣ они остались только непроведеннымъ въ жизнь проектомъ реформы.

Не этими мѣрами—были ли онѣ болѣе добровольными, какъ Treuga Dei или же болѣе принудительными, какъ германскій земскій миръ—можно было справиться съ феодальными неурядицами. Въ XII и XIII вв., въ эту великую эпоху средневѣковаго государственнаго строительства прибѣгли къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ. Въ свободныхъ городахъ Франціи, Италіи, Нидерландовъ и Германіи торговымъ населеніемъ была создана форма общежитія, которая хотя и была несовершенной во многихъ отношеніяхъ, удачно поборола феодализмъ въ важнѣйшихъ центрахъ городской промышленности. Въ болѣе крупныхъ союзахъ—въ королевствахъ и княжествахъ, государственная власть, поддерживаемая церковью и третьимъ сословіемъ, приняла на себя борьбу съ феодализмомъ. Феодализмъ не былъ искорененъ, но онъ принялъ болѣе законныя формы, хотя въ нѣкоторыхъ областяхъ эта борьба осталась безрезультатной. Еще въ концѣ XV вѣка рыцари прирейнскихъ областей и Швабіи сохранили грабительскія традиціи ранняго средневѣковья, и повсюду феодальныя тенденціи оставались силой, враждебной національному объединенію. Но все же, крупные феодалы, дожившіе до эпохи Макіавелли и новыхъ формъ абсолютной монархіи, по своей государственной культурѣ значительно отличались отъ своихъ средневѣковыхъ предшественниковъ. Герцогство Бретань, Бургундія и германскія курфюршества могутъ возбуждать критику, главнымъ образомъ, съ той точки зрѣнія, что они препятствовали росту лучшихъ государственныхъ союзовъ, лучшихъ, т. е. болѣе крупныхъ, болѣе устройчивыхъ и болѣе приспособленныхъ осуществить великія идеи и создать прочную государственную традицію.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о рыцарствѣ и специфичномъ для него, столь иногда причудливомъ кодексѣ поведенія и нравственности, который выросъ и развился въ феодальной обстановкѣ, въ XI и слѣдующихъ вѣкахъ. Фактическое вліяніе рыцарства сильно преувеличено. Система рыцарской морали является, въ значительной степени, естественнымъ для воинственнаго вѣка явленіемъ. Отвага, вѣрность, правдивость, самоотверженность и великодушіе—всѣ эти качества требуются отъ воина, даже въ полуцивилизованномъ общежитіи. Болѣе высокія моральныя тре-

бованія рыцарства также мало осуществлялись какъ и основные принципы христіанства. Рыцарскіе государственные вожди среднихъ вѣковъ, отъ Готфрида Бульонскаго до Эдуарда III и Чернаго принца оказываются при свѣтѣ историческаго изслѣдованія не менѣе расчетливыми, чѣмъ тираны Возрожденія или же ученики Фридриха Великаго. Но все же, рыцарскій идеалъ обычно неправильно оцѣнивается. Нравственныя нормы, требуемыя этимъ идеаломъ, были произвольными и односторонними, но онѣ все же представляютъ собой подлинную попытку создать осуществимую систему поведенія, правда, предназначенную лишь для одного сословія, въ эпоху, когда религіозныя требованія были далеки отъ мысли считаться съ возможностью. Рыцарство выродилось въ нелѣпости и условности, но все же за нимъ остается заслуга попытки облагородить человѣческія отношенія и одухотворить мірскія занятія. Въ частности, женщина, благодаря рыцарству, заняла болѣе достойное положенія, чѣмъ то, которое она занимала въ древности. Но, конечно, ни Беатриче Данте, ни Лаура Петрарки, ни Миранда Шекспира, ни Гретхенъ Гете не могли быть ни созданы, ни, тѣмъ менѣе, поняты рыцарствомъ.

Рыцарство въ своей древнѣйшей формѣ является созданіемъ церкви. Церковную службу, при которой происходитъ посвященіе новаго рыцаря, можно впервые встрѣтить въ эпоху Оттона III, когда такое посвященіе производилось во время литургіи въ Римѣ. Но это торжественное священнослуженіе не вышло изъ предѣловъ Италіи до Крестовыхъ походовъ. Урбанъ II воодушевилъ рыцарей сѣверной Европы вѣрою, что они являются Dei militia, воинствомъ церкви; и интересно, что борьба съ невѣрными выдѣляется среди обязанностей вновь посвящаемаго рыцаря, хотя и не является единственною. Но защита истинной вѣры и церкви особенно подчеркивается; и можно добиться отличія, преслѣдуя еретиковъ, или защищая папу противъ неправаго императора. Не вполнѣ забыты и защита вдовъ, сиротъ и немощныхъ, но совершеннымъ рыцаремъ церкви былъ тампліеръ, рыцарь, подчиняющійся правиламъ религіознаго ордена и всѣ свои силы посвятившій отвоеванію Гроба Господня. И то, что святой Бернардъ, этотъ образецъ консервативнаго правовѣрія, создалъ уставъ ордена тампліеровъ, это было удивительнымъ новшествомъ, такъ какъ древняя церковь съ трудомъ мирилась даже съ войнами, которыя велись для самозащиты. Это

*

было кореннымъ измѣненіемъ отношенія къ войнѣ, это было признаніемъ необходимости военнаго класса. И это было привнесеніемъ моральнаго и идеальнаго элемента въ самое грубое человѣческое дѣло. Но эти стремленія были искажены при выполненіи. Въ желаніи быть осуществимой церковь пошла слишкомъ далеко, принизивъ свои цѣли и создавъ программу, подходящую лишь къ одной эпохѣ,—эпохѣ Крестовыхъ походовъ.

И въ своемъ развитіи, рыцарскія традиціи сильнѣе поддерживались рыцарской литературой, чѣмъ церковью. Интересно, что папы и соборы единодушно возстаютъ противъ турнировъ съ ихъ кровопролитіями и злоупотребленіями. Еще болѣе интересно, что даже угрозы отлученія отъ церкви не останавливали самыхъ преданныхъ церкви рыцарей, въ ихъ стремленіяхъ отличиться и развлечься въ этихъ инсценированныхъ схваткахъ. Также интересно и развитіе „Service des dames", которое, хотя и украшалось трубадурами и миннезингерами религіозными аллегоріями, все-же признавалось церковью — идолопоклонствомъ. Культъ „дѣвы", создавшій новое понятіе женщины, былъ также и протестомъ противъ вѣкового „романтизма". Иногда, какъ напримѣръ, Вольфрамомъ фонъ-Эшенбахомъ, дѣлаются попытки примирить рыцарскую поэзію съ религіей, созданіемъ образа совершеннаго рыцаря. Но элементы „courtoisie" преобладаютъ. И самые знаменитые трубадуры были свѣтскими, чтобы не сказать языческими. Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде съ его ожесточенными нападками на папство, болѣе типиченъ, чѣмъ Вольфрамъ съ его Парсифалемъ и святымъ Грааллемъ. Въ Провансѣ, въ эпоху Альбигойскаго Крестоваго похода въ обществѣ, глубоко-равнодушномъ къ офиціальному христіанству и глубоко-враждебномъ къ духовенству, проповѣдь рыцарства приняла самыя увлекательныя и любопытныя формы. У трубадуровъ оно приняло формы новаго язычества, искусственныхъ чувствъ, искусственнаго героизма, затушевывая грубыя стороны общества, обуреваемаго безудержной страстью къ жизни.

V. Папство до Григорія VII.

Если мы и вскрываемъ, что какое-либо учрежденіе выросло изъ малыхъ зачатковъ, что оно при новыхъ условіяхъ стремилось къ новымъ цѣлямъ и въ теченіе своей долгой

исторіи защищалось очевидно ложными доводами, то эти обстоятельства не должны умалять въ нашихъ глазахъ значеніе этого учрежденія. Нельзя сомнѣваться, что зрѣлый человѣкъ лишь развиваетъ задатки, заложенныя въ ребенкѣ, но все же онъ значительно и отличается отъ него. Мы не должны приписывать преувеличеннаго значенія изученію происхожденія, но мы не можемъ и пренебрегать имъ. Какъ ни тонки нити связывающія настоящее съ прошедшимъ,— ихъ изученіе является установленіемъ непрерывности человѣческаго развитія, а это самый важный, самый трудный и самый пренебрегаемый, изъ основныхъ принциповъ исторіи. Конечно, корни, какъ бы они ни были значительны и глубоки, не достаточны для опредѣленія характерныхъ признаковъ растенія, выростающаго изъ нихъ. Но съ другой стороны, несомнѣнно и то, что какъ растеніе, такъ и учрежденіе никогда не могутъ сбросить оболочку своей незрѣлости. Они никогда не достигаютъ полной приспособленности тѣмъ условіямъ, при которыхъ они достигаютъ своего полнаго развитія. Папство въ зенитѣ своей силы и авторитета было частью ново и частью старо. Когда мы пересматриваемъ теорію папства въ томъ его видѣ, въ которомъ она представлялась Григорію VII или Иннокентію III, то она производитъ такое же впечатлѣніе симметріи, логической послѣдовательности и законченности, какое производитъ готическая церковь на входящаго. Но лишь только онъ пойметъ основной планъ зодчаго, онъ навѣрное найдетъ, что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ просто унаслѣдовалъ старыя формы, и что его созданіе включаетъ въ себя элементы болѣе древней простѣйшей конструкціи. Онъ найдетъ, что широкіе упоры не соотвѣтствуютъ лежащимъ на нихъ легкимъ аркамъ, что старая колонна приспособлена для поддержанія новыхъ сводовъ. И сквозь искусность зодчаго все же можно различить новое отъ приспособленнаго и обновленнаго стараго. Также обстоитъ дѣло и съ обоснованіемъ папской власти въ великую эпоху его могущества. Постановленіе законовъ древняго Рима дополняется положеніемъ, извлеченнымъ изъ античной философіи; кельтскія или египетскія преданія приводятся для поясненія Никейскаго или Халкедонскаго символа вѣры; текстъ еврейскаго пророка толкуется африканскимъ проповѣдникомъ. Цѣлое, созданное изъ столь различнаго матеріала, въ дѣйствительности объединено единствомъ цѣли; но эта цѣль такъ скрыта и затемнена разнорѣчивостью от-

цѣльныхъ элементовъ, что мы принуждены спрашивать, какъ и почему объединился этотъ матеріалъ.

Болѣе, чѣмъ какое-либо иное учрежденіе папство страдало отъ предполагаемой необходимости оправдывать каждый шагъ своего развитія ссылкой на прецеденты и цитатами изъ Св. Писанія. Дважды въ теченіе 1600-лѣтняго развитія Св. Престолъ рѣзко измѣнилъ свое положеніе и принужденъ былъ тщательно опровергать обвиненіе въ непослѣдовательности. Одно изъ этихъ измѣненій молчаливо произошло въ концѣ XVII в., когда окончилась міровая роль папства. Это была значительная перемѣна, но все же не такая значительная, какъ происшедшія въ концѣ XI вѣка—при Григоріи VII, который перестроилъ всю теорію папской власти. Григорій VII не былъ ни тонкимъ юристомъ, ни глубокимъ богословомъ, онъ смотрѣлъ на прошлую исторію папства съ воодушевленіемъ художника, а на ея будущее со страстнымъ радикализмомъ Макіавелли или Гоббса. Для него всѣ христіанскіе народы составляли одно государство, государство, управляемое своимъ монархомъ, власть котораго должна быть абсолютной, въ противномъ же случаѣ она безсмысленна. И кто же—вопрошалъ онъ—кромѣ наслѣдника перваго апостола можетъ притязать на столь ужасную власть? Смѣлость его притязаній оправдывается тѣми высокими цѣлями, которымъ онъ хотѣлъ служить. Чтобы примирить съ собой современниковъ необходимо было выставить эти новыя притязанія, какъ возобновленія старыхъ правъ, какъ явные выводы изъ несомнѣнныхъ положеній. А это привело къ тщательной, частью сознательной, частью безсознательной, подтасовкѣ предыдущей исторіи. Предшественники Григорія VII на папскомъ престолѣ, если и притязали на значительную власть, то все же на власть, поддающуюся ограниченіямъ, на власть, которая если и была значительной, то все же могла защищаться ссылкой на хорошо извѣстные обычаи. Новая власть тщательно выискивала прецеденты, для того, чтобы парадоксально доказать, что папская власть выше всякихъ прецедентовъ.

Съ Григоріемъ VII измѣняется положеніе Зап. церкви; а въ ней издавна въ той или другой формѣ Римская епископія заняла руководящее положеніе. Такое положеніе Римской церкви тѣмъ болѣе удивительно, чѣмъ яснѣе мы себѣ представимъ какъ мало среди Римскихъ епископовъ было государственно одаренныхъ людей. Въ теченіе первыхъ тем-

ныхъ IX вѣковъ многіе изъ нихъ оказались неспособными поддерживать достоинство и право, связанное съ ихъ положеніемъ. И при этомъ поразительно, что Римскій престолъ все же оказался способнымъ занять и удержать за собой руководящее положеніе среди западныхъ епископій, не оказывая значительныхъ услугъ ни распространенію, ни организаціи церкви.

Мы можемъ довольно отчетливо представлять себѣ исторію, не зная многихъ раннихъ папъ, за исключеніемъ Льва I и Григорія I. Среди руководящихъ отцовъ Западной Церкви нѣтъ ни одного папы. Единственный значительный богословъ, занимавшій Св. Престолъ до 1000 г.—это Григорій I; но и о его произведеніяхъ самая большая похвала это сказать, что они даютъ новую жизнь нѣкоторымъ мыслямъ Августина. Ранніе папы гораздо больше привлекаютъ наше вниманіе, какъ организаторы, какъ политическіе дѣятели, чѣмъ какъ мыслители. Но и то, чего имъ удалось достигнуть въ дѣйствительности, едва ли можетъ оправдать, возбуждаемое ими преклоненіе. Единственная значительная миссія, организованная Римомъ, это отправленіе Августина въ Англію. Другіе миссіонеры ранняго средневѣковья воодушевлялись на свою дѣятельности не въ Римѣ, а въ Ирландіи, Галліи или Германіи. Обратимся ли мы къ развитію богословія или же церковной организаціи, мы безъ труда установимъ, что крупные богословскіе споры и великіе соборы происходили въ Восточной имперіи. Случалось, хотя и рѣдко, что Римъ достигалъ права говорить отъ имени Зап. церкви, но и воспоминаніе объ этихъ немногихъ папахъ, которые добивались временнаго признанія своего превосходства—не таково, чтобы наполнить гордостью Зап. церковь. И въ дѣйствительности другіе причины, чѣмъ заслуги отдѣльныхъ папъ, создали и укрѣпили за Римомъ положеніе религіозной столицы Европы.

Чѣмъ же объясняется это ослѣпительное развитіе папства? Еще Гоббсъ указывалъ на одно изъ объясненій, называя папство „призракомъ Римской имперіи". И дѣйствительно, послѣдніе римскіе императоры считали необходимымъ одарять спеціальными милостями епископовъ своей древней столицы. Но эта политика императоровъ начинается слишкомъ поздно, когда авторитетъ имперіи на Западѣ начинаетъ уже падать. И императорскими милостями папство не добилось существенной власти, ибо отдѣльнымъ папамъ пришлось те-

рять свой авторитетъ и независимость подчиняясь Новому Риму на Босфорѣ. Ихъ принуждали играть позорную роль въ распряхъ Восточной церкви, ихъ отягощали многими свѣтскими обязанностями; и папы изъ-за этого всего—сдѣлались символомъ и орудіемъ чужой тираніи, одинаково ненавидимые какъ полчищами варваровъ, такъ и номинальными подданными имперіи.

По другому объясненію положеніе, занятое папствомъ, обязано своимъ происхожденіемъ успѣшнымъ подлогамъ. Мы не будемъ долго останавливаться на этомъ объясненіи. Одинъ или два—и не самые значительные папы, дѣйствительно, унизились до пользованія подлогами. Но значеніе этихъ подлоговъ безмѣрно преувеличивается. Самыми извѣстными изъ нихъ являются „Дареніе Константина“ и „подложныя“ декреталіи. „Дареніе Константина“—по всей вѣроятности римскаго происхожденія, но имъ мало пользуются въ Римѣ, и оно служитъ лишь для обезпеченія за папствомъ скромныхъ начатковъ его свѣтской власти. Больше значенія имѣли Лже-Исидоровскія декреталіи и на нихъ часто смотрятъ, какъ на поворотный пунктъ въ исторіи папства, какъ на фактъ, открывающій эпоху новыхъ притязаній. На самомъ дѣлѣ онѣ лишь повторяютъ и незначительно распространяютъ весьма древнія стремленія. Хотя онѣ и часто цитируются канонистами, но онѣ не являются необходимымъ звеномъ въ цѣпи обоснованія историческими доказательствами папскихъ притязаній. Онѣ лишь показательны для проявленія общаго стремленія въ церкви укрѣпить болѣе дѣятельное проявленіе папской власти. Не только духовенство отдѣльныхъ національныхъ церквей стремилось къ созданію власти перваго епископа, какъ оплоту противъ грубаго насилія государства надъ церковью, но къ этому же стремились и всѣ богословы, видя въ ней символъ корпоративнаго единства и обезпеченіе единства вѣроученія.

И ни одно объясненіе происхожденія папской власти не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, если оно пренебрегаетъ этимъ общимъ убѣжденіемъ въ необходимости видимаго главы Западной церкви. Эта необходимость отчасти была политическая. Національныя церкви, подверженныя общей опасности насилія свѣтской власти, искали спасенія въ объединеніи, а это объединеніе было для того времени понятно лишь въ формѣ подчиненія единому духовному главѣ. Но при этомъ возникала задача оправдать это про-

возглашеніе независимости, граничащее съ возстаніемъ. Оправданіе было найдено въ двухъ доказательствахъ: одномъ историческомъ, и другомъ догматическомъ; въ римской легендѣ о св. Петрѣ, и въ признанной необходимости сохраненія истиннаго церковнаго преданія. Каждое изъ этихъ доказательствъ заслуживаетъ нашего вниманія.

Св. Петръ, гласитъ легенда, былъ Христомъ избранъ на первенство среди апостоловъ: въ этомъ главный смыслъ словъ Спасителя: „Tu es Petrus". Св. Петръ основалъ Римскую церковь и создалъ римскую епископію. Лину — первому епископу, Петръ передалъ обязанности, порученныя ему Христомъ, и свое знаніе вѣроученія. Отъ Лина эти дары переходятъ въ неприкосновенномъ видѣ отъ одного къ другому римскому епископу. И такимъ образомъ Римская церковь должна занять такое же руководящее положеніе среди другихъ церквей, какое Петръ занималъ среди другихъ апостоловъ. Изслѣдовать историческое зерно этой легенды—трудная и неблагодарная задача. Достовѣрно объ отношеніи св. Петра къ вѣчному городу мы знаемъ лишь то, что онъ проповѣдывалъ и былъ казненъ въ немъ. Если въ то время и существовала должность епископа, то есть основанія предполагать, что эта должность была коллегіальной, и что коллегія епископовъ играла въ религіозной жизни общины много менѣе значительную роль, чѣмъ въ послѣдующее время. Не ранѣе II вѣка епископатъ становится монархическимъ, и епископъ главной властью внутри той церкви, которой онъ избирается. Это коренное измѣненіе епископской власти вполнѣ закончилось ко времени Иринея, который писалъ около 180 г.; ему мы обязаны древнѣйшимъ спискомъ римскихъ епископовъ—начинающимся съ Лина и кончающимся Элейтеромъ, двѣнадцатымъ отъ Петра епископомъ и современникомъ Иринея. Послѣднія имена списка, несомнѣнно, подлинныя, что же касается первыхъ, то они могутъ быть въ извѣстномъ смыслѣ историческими, какъ имена извѣстныхъ пресвитеровъ или выдающихся членовъ епископской коллегіи. Небезынтересно и то, что Ириней говоритъ объ епископахъ, а не о папахъ, этимъ именемъ начинаютъ пользоваться лишь въ III вѣкѣ. Болѣе важно, однако, то обстоятельство, что съ III вѣка, отъ котораго до насъ дошло значительно больше документовъ, Римская церковь по достоинству признается первой среди другихъ церквей (ecclesia principalis), хотя и

не имѣетъ еще ни права законодательства, ни аппелляціонной юрисдикціи. Признается лишь, что если споръ идетъ о церковномъ преданіи, то къ мнѣнію Рима относятся съ особеннымъ почтеніемъ, какъ къ церкви, хранящей память объ ученіи св. Петра. Когда догматическіе споры становятся и болѣе острыми, и болѣе основными, тогда выдвигается и роль преданія, а вмѣстѣ съ нимъ и значеніе его хранителей. Въ корнѣ всѣ притязанія Св. Престола основываются на томъ, что онъ одинъ хранитъ истинное преданіе. Но лишь много времени спустя послѣ III-го столѣтія сами притязатели продумываютъ всѣ выводы своихъ притязаній.

Если бы въ настоящее время намъ надо было бы придумать способъ сохранить въ неизмѣнномъ видѣ систему догматическихъ понятій и дисциплинарнаго права, то мы, конечно, не признали бы наиболѣе вѣрнымъ способомъ изустную ихъ передачу. Но именно этотъ способъ пользовался большимъ уваженіемъ въ прошломъ. Даже у евреевъ, съ ихъ крайнимъ уваженіемъ къ священнымъ книгамъ, писанію иногда предпочиталось изустное преданіе толкователей. Въ таинствахъ греческихъ мистическихъ культовъ сознательно избѣгали записывать ихъ наиболѣе значительныя формулы. Различныя соображенія способствовали такому положенію. При отсутствіи точныхъ принциповъ интерпретаціи аллегорическіе толкователи вкладывали въ простѣйшія слова разнузданно-фантастическій смыслъ. Мы пользуемся текстами, чтобы провѣрить преданіе. Но критицизмъ на раннихъ ступеняхъ своего развитія поступаетъ какъ разъ обратно, и какъ естественное слѣдствіе, цѣнитъ преданіе выше писанія. Есть и другія основанія, заставлявшія избѣгать записыванія преданія: во-первыхъ, меньшая гибкость литературной рѣчи, казавшаяся непреодолимой для адэкватнаго точнаго выраженія; во-вторыхъ, естественная боязнь хранителей религіи, какъ бы глубочайшія религіозныя истины не подверглись бы грубымъ насмѣшкамъ и критикѣ непосвященныхъ; въ-третьихъ, остатки первобытнаго суевѣрія, по которому обрядовыя формулы являются магическими словами, которыя потеряютъ свою силу, если они будутъ преданы гласности; и, наконецъ, естественное стремленіе священнослужителей допустить къ знанію великихъ таинствъ лишь ограниченный, избранный кругъ лицъ. Все это заставляло раннюю христіанскую церковь ревниво охранять свое преданіе, обычно называющееся arcana или secreta, которое

мы можемъ найти во всѣхъ древнѣйшихъ христіанскихъ церквахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: апостольское исповѣданіе вѣры, отличительный символъ Римской церкви, былъ сохраненъ исключительно изустнымъ преданіемъ вплоть до IV вѣка, и не сообщался вновь обращаемымъ въ вѣру до ихъ крещенія. Менѣе важный кодексъ наказаній, налагаемыхъ церковью былъ впервые записанъ Ѳеодоромъ Тарсскимъ, архіепископомъ Кэнтерберійскимъ въ концѣ VII вѣка; и это нововведеніе встрѣтило рѣзкое осужденіе на многихъ помѣстныхъ соборахъ. Но самымъ замѣчательнымъ является противодѣйствіе церкви записать существенныя части литургіи. Первые писанные ея тексты упоминаются въ IV вѣкѣ, и лишь много времени спустя различіе мѣстныхъ преданій было сглажено установленіемъ единаго текста. Можно было бы предполагать, что отсутствіе единообразнаго текста литургіи объясняется отсутствіемъ технической возможности (каковой является книгопечатаніе) распространенія единообразныхъ текстовъ; но одинъ любопытный фактъ указываетъ, что дѣло было скорѣе въ томъ, что преданіе литургіи гласности считалось нежелательнымъ. Часть литургіи прямо и называлась тайной (secretum) и произносилась священнослужителемъ полу-шепотомъ, чтобы она не была бы услышана молящимися. Равнымъ образомъ, ранніе богословы избѣгаютъ писать о такихъ основныхъ ученіяхъ вѣры, какъ ученіе объ искупленіи, или Троицы, замѣчая, что они извѣстны посвященнымъ.

Это стремленіе къ тайнѣ вызывало цѣлый рядъ затрудненій, заполняющихъ страницы ранней церковной исторіи. Возникали споры относительно отдѣльныхъ словъ вѣроученія, относительно того, какія писанія считать каноническими, относительно числа и природы смертныхъ грѣховъ, и тѣхъ наказаній, которыя за нихъ налагаются. Время отъ времени какой-нибудь любопытствующій толкователь подымалъ бурю, находя противорѣчіе въ традиціонныхъ формулахъ или же ошибку въ обычно приписываемомъ имъ смыслѣ. Единственнымъ способомъ разрѣшенія такихъ сомнѣній было установленіе точнаго текста путемъ сравненія съ преданіемъ древнихъ церквей. Это возможно было сдѣлать или созвавъ провинціальный синодъ или же вселенскій соборъ, Но рѣшеніе перваго изъ нихъ было недостаточнымъ, такъ какъ его постановленія имѣли лишь мѣстное значеніе и могли быть перерѣшены голосомъ всей церкви. Вселенскій же соборъ

было трудно собрать,—особенно трудно, когда обозначилось рѣзкое расхожденіе Восточной церкви отъ Западной. Было легче признать право рѣшительнаго слова за епископомъ, знаніе преданія котораго шло отъ апостоловъ. На Востокѣ было три такихъ епископа (въ Антіохіи, Іерусалимѣ и Александріи), но на Западѣ одинъ Римъ удовлетворялъ этому необходимому условію. И римскіе епископы имѣли нѣкоторыя основанія утверждать, что преданія ихъ церкви текутъ изъ болѣе цѣннаго источника и что они лучше охранялись, чѣмъ въ какой-либо иной апостольской церкви. Развѣ не былъ прочно установленъ фактъ, что Римъ не колеблясь отвергъ ересь Арія, въ то время какъ поколебались Антіохія, Іерусалимъ и Александрія.

При такомъ отношеніи къ преданію обращеніе къ Риму, какъ провозвѣстнику истинной вѣры—было столь необходимымъ, что приходится удивляться, какъ медленно и постепенно добился Римъ осуществленія своихъ притязаній. Побѣда логически очевидная была задержена отчасти гордостью, отчасти и иными соображеніями другихъ западныхъ церквей. Съ одной стороны, карѳагенская епископія призывала къ старому идеалу христіанства, къ конфедераціи автономно-управляющихся церквей, которыя могутъ обращаться одна къ другой за совѣтомъ, но которыя не признаютъ надъ собой другого главы кромѣ вселенскаго собора. Карѳагенъ поддерживали и другія африканскія церкви, и этимъ давали блестящій примѣръ, которымъ готовы были подражать менѣе значительныя религіозныя общины. Лишь завоеваніе Африки еретиками вандалами заставило африканскихъ христіанъ признать Римъ своей религіозной метрополіей. Съ другой стороны, и римскіе епископы не безъ основанія обвинялись въ уступкахъ практическимъ соображеніямъ. Иногда они ослабляли строгость наказанія, боясь отпаденія отъ церкви заблуждающихся. Иногда, подъ давленіемъ Константинополя они входили въ двусмысленные компромиссы съ еретиками. Но обстоятельства заставили мало по малу окончательно порвать съ этой политикой уступчивости. Распространеніе христіанства и переселенія германцевъ (часто аріанъ) заставили церковь крѣпче держаться за сохраненіе уже колеблющагося единообразія и союза.

Въ актахъ Сардикійскаго собора (343 г.) мы впервые находимъ полное признаніе за папой права третейскаго суда и, мы можемъ даже сказать, аппелляціонной юрисдикціи. На

этомъ соборѣ большинство состояло изъ представителей Западной церкви, и его постановленія никогда не были признаны Африканской церковью. Такъ сомнительны были его рѣшенія, что уже въ слѣдующемъ поколѣніи папы пытались утверждать, что они были постановлены на болѣе раннемъ и болѣе извѣстномъ Никейскомъ соборѣ (325 г.). Но и на Сардикійскомъ соборѣ за папами признали лишь одну точно опредѣленную прерогативу. Отнынѣ каждый епископъ осужденный на провинціальномъ синодѣ можетъ аппелировать къ папѣ; онъ можетъ тогда приказать вновь его судить, и можетъ требовать, чтобы среди судей засѣдали бы и его легаты, но онъ не можетъ судить его самъ своимъ судомъ. Еще болѣе существенно, чѣмъ это постановленіе, были тѣ слова, съ которыми соборъ обращался въ письмѣ къ папѣ Юлію: „Было бы справедливо и хорошо, если бы служители Бога въ каждой области могли бы обращаться къ своему главѣ, т. е. престолу св. Петра“. Это постановленіе охотно исполнялось церквами Испаніи и Галліи. Громадное количество запросовъ посылалось ихъ епископами папѣ, которые даютъ свои рѣшенія въ формѣ открытыхъ посланій, требуя признанія за ними связывающей силы закона. Папа Либерій (352—366 гг.) повидимому положилъ основу этой практикѣ, хотя древнѣйшія дошедшія до насъ „декреталіи“ и написаны папой Сириціемъ (385 г.). Шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ папы Сириція, когда Зап. имперія лежала въ смертельной агоніи, эти притязанія на право законодательства были формально подтверждены императоромъ Валентиніаномъ (445 г.) Но въ первое время послѣ Сардикійскаго собора новой прерогативой пользовались съ величайшей осмотрительностью. Папы этого времени принимаютъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы сдѣлать свои оракульные отвѣты неоскорбительными. Они увѣряютъ своихъ вопрошателей, что Римъ не вводитъ никакихъ новшествъ, что онъ и не притязаетъ на рѣшеніе какого бы то ни было вопроса, на который нельзя найти отвѣтъ въ преданіи, что онъ скорѣе выполнитъ обязанность, возложенную на него вселенскимъ соборомъ. Но они умѣли и осыпать обращающихся къ нимъ льстивыми привѣтствіями. Вотъ какъ начинается декреталія Иннокентія I (402—417 г.):

„Дорогой братъ! правила церкви, касающіяся жизни и поведенія, хорошо извѣстны пастырю съ вашими заслугами и достоинствомъ. Но если вы все же настойчиво спрашиваете

у насъ, каковы правила, предписываемыя Римской церковью, то мы уступаемъ вашему желанію и прилагаемъ при семъ правила дисциплины, расположенныя въ порядкѣ".

Съ другой стороны, не пропускается и случай подчеркнуть первенство Рима. Папа Сирицій (384—398 гг.) пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Мы несемъ тяготы всѣхъ притѣсняемыхъ; апостолъ Петръ говоритъ нашими устами". И во всякомъ проявленіи папской дѣятельности, какъ бы она ни была незначительна, проявляется это постоянное стремленіе къ самовозвеличенію. Въ гомиліяхъ Льва I (440—461 г.) ссылка на евангельскія слова „Tu es Petrus" звучитъ, какъ побѣдная труба; въ этихъ гомиліяхъ правитель Рима обращается къ римскому народу; и въ этомъ обычномъ для древняго Рима обращеніе идея имперіи принимаетъ новый видъ среди развалинъ той міровой имперіи, которую выстроили римляне-язычники прошлаго.

Въ общей разрухѣ, обусловленной варварскими переселеніями, преимущественное положеніе папы по отношенію къ другимъ западнымъ епископамъ значительно возросло благодаря различнымъ причинамъ: разрушенію Карѳагена, самаго непокорнаго критика Рима, растущему оскудѣнію другихъ церквей, особенно тѣхъ, которыя наиболѣе успѣшно обращали варваровъ въ христіанство, растущему невѣжеству, заставляющему забывать всѣ борющіяся христіанскія преданія и вычеркивающему изъ памяти древнюю исторію церкви. Это невѣжество было столь велико, что Иннокентій могъ утверждать, не опасаясь встрѣтить возраженій, „что никто не основывалъ ни одной церкви въ Италіи, Сициліи, Галліи, Испаніи или Африкѣ, кромѣ тѣхъ, кто были посвящены на пастырство св. Петромъ или его преемникомъ". Въ Италіи три церкви—Равенская, Миланская и Аквилейская — настойчиво отказывались признавать себя отпрыскомъ престола св. Петра. Но легенда укрѣплялась и ширилась, особенно, когда папы начинаютъ отправлять миссіонеровъ для обращенія язычниковъ и реформировать варварскія церкви.

Изъ событій, способствовавшихъ обращенію Римскаго вѣроученія въ основное для всего западнаго христіанства, важно отмѣтить завоеванія ортодоксальной франкской монархіи, оффиціальный отказъ бургундцевъ (516 г.) и вестготовъ въ Испаніи (586 г.) отъ аріанства; истребленіе вандаловъ и остготовъ военачальниками Юстиніана, миссіонерскую дѣя-

тельность Августина въ Англіи и Вильфрида, Виллиброрда и Бонифація въ Германіи и, наконецъ, подчиненіе франкской церкви Риму подъ вліяніемъ Бонифація и Пипина Короткаго (748 г.). Естественно, что моральное значеніе Рима усилилось въ сѣверныхъ странахъ при возрожденіи Западной имперіи, которая стремилась объединить императора и папу въ дѣлѣ расширенія предѣловъ христіанскаго государства. Кириллъ и Меѳодій, славянскіе апостолы, нашли необходимымъ отказаться отъ подчиненія греческой церкви и поручить вновь обращенныхъ славянъ покровительству Рима (866 г.). И изъ Рима отправился св. Адальбертъ въ свою, такъ печально кончившуюся, но все же славную миссію къ пруссамъ (997 г.), и папѣ (Сильвестру II) выпала на долю слава присоединенія венгровъ къ Западной церкви (1000 г.). Отмѣтимъ еще, что Канутъ, король Даніи и Англіи, пришелъ въ одеждѣ пилигрима (1027 г.), чтобы выразить почитаніе своихъ скандинавскихъ подданныхъ алтарю св. Петра. Папы жали, тамъ, гдѣ не сѣяли; и жатва была богата и славна.

Не менѣе важенъ былъ и тотъ политическій характеръ, который приняло папство съ возрожденіемъ имперіи. Еще при Григоріи Великомъ мы можемъ отмѣтить зачатки папской свѣтской власти. Съ естественной необходимостью папа, на которомъ, какъ и на другихъ епископахъ лежало выполненіе важныхъ свѣтскихъ обязанностей—перенялъ покровительство и управленіе Римомъ и окружающихъ его земель, когда византійскіе правители стряхнули съ себя эту тяжелую для нихъ обязанность. Естественно и понятно, что папы притязали и на право суда въ своихъ значительныхъ помѣстьяхъ, на право суда, которое присвоилъ себѣ каждый землевладѣлецъ, какъ способъ самозащиты противъ притѣсненій и все увеличивавшагося безвластія. Въ правленіе Пипина Короткаго былъ сдѣланъ и слѣдующій шагъ. Франкскій король, не желая впутываться въ итальянскія дѣла и стремясь поддержать Св. Престолъ противъ лангобардовъ, призналъ папу Стефана II законнымъ наслѣдникомъ бывшихъ императорскихъ владѣній. И Карлъ Великій, какъ король и императоръ, подтвердилъ дареніе своего отца. Но онъ все же не пожелалъ сдѣлать изъ папы независимаго монарха. Его идеаломъ былъ идеалъ восточныхъ императоровъ; онъ хотѣлъ видѣть себя во главѣ государства и церкви, а въ папѣ—патріарха всѣхъ церквей имперіи, избраннаго съ согласія императора, управляющаго

церковью съ императорскаго совѣта и пользующагося на земляхъ подчиненныхъ его престолу и широчайшими привиллегіями, когда либо дарованными какому бы то ни было епископу, но все же подчиненнаго во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ имперіи. Въ Римѣ, однако, создалось иное представленіе о папскихъ прерогативахъ. Еще задолго до этой эпохи папа Гелазій формулировалъ принципъ, болѣе важный для его отдаленныхъ преемниковъ, чѣмъ для него самого—принципъ двухъ властей—Церкви и Государства,—которыя обѣ восходятъ къ Богу, и каждая изъ которыхъ въ своей области неограничена и независима одна отъ другой. По этому принципу государство не можетъ вмѣшиваться въ епископскіе выборы—или же въ дѣла вѣры и церковной дисциплины; оно не имѣетъ права суда надъ клириками, слугами церкви, или же надъ церковными владѣніями, поскольку они предназначены на служеніе Богу и нищимъ. Этотъ взглядъ былъ открыто провозглашенъ Львомъ III, по волѣ котораго въ Латеранѣ была составлена мозаика, аллегорически изображающая отношенія папства къ имперіи: св. Петръ возсѣдаетъ на тронѣ, Карлъ и Левъ, колѣнопреклоненные стоятъ по его правую и лѣвую руку, получая отъ апостола паллій и знамя—символы своихъ должностей.

Ни одинъ изъ сильныхъ императоровъ не призналъ вполнѣ Гелазіевъ принципъ. Но и отвергнуть его было трудно, такъ хорошо подходилъ онъ къ обычному представленію о государствѣ. Въ эпоху послѣднихъ Каролинговъ онъ сдѣлался програмнымъ для обѣихъ церковныхъ партій (какъ консервативной, такъ и партіи церковныхъ реформъ). Новые монастыри, вновь основанные или же реорганизованные подъ вліяніемъ Клюнійскаго движенія, поручали себя особому покровительству папы, уклоняясь такимъ образомъ отъ несенія государственныхъ тяготъ. Національныя церкви привѣтствовали подложные Исидоровскія декреталіи, какъ хартію свободы церкви. Папа Николай I сталъ во главѣ этого новаго движенія и значительно развилъ его, настаивая на своемъ правѣ суда надъ „прелюбодѣйнымъ“ Лотаремъ II (863 г,). Николай I вскорѣ послѣ этого умеръ, не оставивъ другихъ примѣровъ своихъ притязаній на право высшаго суда, даже надъ королями, въ дѣлахъ вѣры и нравственности. Съ его времени до эпохи Гильдебранда не было ни одного папы, достаточно сильнаго, чтобы послѣдовать его примѣру. Приравненные своими свѣтскими владѣ-

ніями къ мелкимъ муниципальнымъ сеньорамъ, папы съ 867 г. по 962 г. — были въ лучшемъ случаѣ могущественными итальянскими князьями. Къ этому же положенію они вернулись послѣ эпохи Оттоновъ (962—1002 гг.). Но въ эти промежуточные сорокъ лѣтъ были просвѣты лучшаго будущаго; папа Григорій V вступилъ въ союзъ съ Клюнійскимъ движеніемъ (996—999 гг.); Сильвестръ II (999—1003 гг.)— искусный Гербертъ Аврилакскій—математикъ, риторъ, философъ и политикъ—раздѣлялъ романтическія мечтанія своего друга и ученика —Оттона III—подчиняя имъ и другихъ и пользуясь ими скорѣе въ интересахъ папства, чѣмъ имперіи. Сильвестръ видѣлъ въ своемъ воображеніи Св. Престолъ во главѣ федераціи христіанскихъ государствъ. Но судьба была не мягче къ нему, чѣмъ къ Оттону; онъ пережилъ юношу покровителя лишь на одинъ годъ.

VI. Гильдебрандовская церковь.

Современная жизнь такъ далеко ушла отъ средневѣковаго христіанства, что мы только съ большимъ усиліемъ можемъ понять св. Бернарда, Франциска Ассизскаго или же автора Imitatio Christi. Не говоря о трудностяхъ чуждаго намъ языка, намъ чужды и мысли, бывшія для нихъ избитыми; представленія, считавшіяся когда-то очевидными и основными, могутъ быть признаны теперь, въ лучшемъ случаѣ, не доказанными и не доказуемыми домыслами. Возможно, что и въ основѣ нашей вѣры лежитъ—съ точки зрѣнія логики—не лучшій фундаментъ. Но она, во всякомъ случаѣ, была создана для отвѣта на сомнѣнія, и для объясненія явленій, не знакомыхъ средневѣковью, и при этомъ созданіи, мы принуждены были отчасти разрушить, отчасти исправить средневѣковое представленіе о Богѣ и вселенной, о человѣкѣ и о нравственномъ законѣ.

Критика средневѣковой религіи была бы здѣсь неумѣстна. Но, если мы не схватимъ характерныхъ чертъ католическаго міровоззрѣнія, то мы не будемъ имѣть и ключа для пониманія того церковно-государственнаго строительства, которое заполняетъ XII и XIII вѣка. Планы великихъ папъ отъ Григорія VII до Бонифація VIII должны казаться намъ сотканными изъ нелѣпостей, чрезмѣрныхъ честолюбивыхъ стремленій, и безсмысленныхъ поступковъ, если мы не будемъ

изучать ихъ въ связи съ современными имъ богословскими ученіями, столь же далекими отъ первобытнаго христіанства, какъ и отъ культовъ и философскихъ ученій классической древности.

Основное положеніе этого богословія, это—существованіе личнаго Бога, Который, будучи всезнающимъ и всемогущимъ, не проявляется непосредственно человѣку, созданному Имъ для Своего почитанія, и не устроилъ міръ такъ, чтобы всѣ явленія всегда выражали Его волю и соотвѣтствовали бы Его цѣлямъ. Онъ создалъ человѣка грѣховнымъ и допустилъ наводненіе вселенной злыми духами сверхъ-человѣческой силы и коварства, искушающими человѣка къ разрушенію, и стремящимися низринуть Божественный порядокъ, частью котораго они являются. Онъ всеблагій и свою неограниченную благость проявляетъ, когда Его призываютъ въ молитвѣ. Его милость находитъ свое выраженіе въ чудесахъ, т, е. въ отстраненіи или же опроверженіи тѣхъ общихъ законовъ, которые Онъ Самъ наложилъ на Себя для устроенія вселенной и судебъ человѣческихъ. Онъ неисповѣдимъ и непостигаемъ; и заблужденія о Немъ—самый тяжкій грѣхъ противъ Его Величія. Цѣлью религіозной жизни является личное сліяніе съ Нимъ, инстинктивное постиженіе и добровольное признаніе Его воли, блаженное узрѣніе Его превосходствъ. Но это состояніе благости не можетъ быть достигнуто лишь самообузданіемъ; молитва размышленія, добрыя дѣла отдѣльнаго, оторваннаго и заблуждающагося человѣка могутъ лишь усилить состояніе безпросвѣтнаго невѣдѣнія. Путь познанія Бога лежитъ черезъ вѣру; а вѣра означаетъ безусловное признаніе Его двоякаго обнаруженія въ Св. Писаніи и Св. Преданіи Церкви. Это двоякое обнаруженіе сводится къ одному благодаря тому, что лишь церковь въ правѣ авторитетно толковать Св. Писаніе. Судьбы отдѣльнаго человѣка и міра лежатъ въ рукахъ церкви. Тотъ, кто не принимаетъ участія въ таинствахъ церкви, навѣки отринутъ отъ Бога. И безъ молитвъ церкви полчище злыхъ силъ, не сдерживаемое болѣе чудеснымъ вмѣшательствомъ Божіимъ, безгранично усилившись, погубило бы родъ человѣческій.

Учрежденіе, отягченное столь важными обязанностями, единственный органъ Божественной воли, отъ котораго одного зависитъ спасеніе, должно быть, конечно, выше всякой свѣтской власти. Было бы чудовищнымъ если его ученія были

бы измѣняемы, если бы его власть самоуправленія была бы ограничена необходимостью подчиняться благоусмотрѣнію свѣтскаго повелителя. Церковь относится къ государству, какъ голова къ членамъ, какъ душа къ тѣлу, какъ солнце къ лунѣ. Государство существуетъ для обезпеченія матеріальныхъ основъ христіанскаго общества, для охраненія церкви, для расширенія ея вліянія, для обузданія неподчиняющихся законамъ. Въ извѣстномъ смыслѣ государство создано Богомъ, но лишь въ томъ, что оно является необходимымъ условіемъ существованія христіанскаго общества. Логически—государство должно быть слугой церкви, и власть государства—власть, порученная ему церковью и выполняемая подъ ея руководствомъ.

Но какъ бы теорія ни была бы логически стройна, она должна все же, чтобы быть дѣйственной—стоять въ опредѣленномъ отношеніи къ фактамъ. Власть Гильдебрандовской церкви была подвержена важнымъ ограниченіямъ. По нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ отдѣльныя національныя церкви были склонны идти рука объ руку съ государствомъ противъ папства; и такимъ образомъ, напримѣръ, притязаніе куріи на обложеніе клира податями и пренебреженіе правами церковныхъ патроновъ были ограничены въ разное время конкордатами и свѣтскимъ законодательствомъ—(какъ англійскіе Statutes of Provisors and Praemunire). Но въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь выступала, какъ объединенное цѣлое, ей обыкновенно удавалось добиться осуществленія своихъ стремленій, спорныхъ съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ: такъ, напр., основной привилегіи клира—права исключительнаго церковнаго суда надъ преступными клириками, права, которое удалось отстоять, несмотря даже на противодѣйствіе столь сильнаго и хитраго монарха, какъ Генрихъ II Англійскій. Но въ послѣднемъ счетѣ успѣшность притязаній церкви зависѣла отъ того, что мы съ извѣстными оговорками можемъ назвать общественнымъ мнѣніемъ, которое было трудно расшевелить, не потому, что средній человѣкъ былъ критически или противоцерковно настроенъ, но потому, что онъ мало поддавался убѣжденію и оставался равнодушенъ ко всякимъ попыткамъ измѣненій, необходимость которыхъ оправдывалась длинной цѣпью дедуктивныхъ размышленій; по своей природѣ онъ былъ противникомъ рѣзкихъ новшествъ и онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ отчетливо сознавалъ, что государство, какъ послѣднее обезпе-

ченіе соціальнаго порядка, должно поддержать даже въ ущербъ богословской послѣдовательности. Поскольку его нельзя было убѣдить, что дѣло идетъ объ основныхъ моральныхъ ученіяхъ, или же объ его собственномъ спасеніи, было безполезно и даже опасно отлучать его короля отъ церкви или же накладывать на его страну интердиктъ. Изъ за отсутствія свѣтской поддержки церкви не удалось осуществить столь важныхъ притязаній, какъ свободу отъ національныхъ податей, или же юрисдикцію въ торговыхъ дѣлахъ. И еще поразительнѣе то, что ей пришлось отказаться отъ мысли учредить въ нѣкоторыхъ государствахъ инквизиціонные трибуналы, хотя не было основаній опасаться, что они будутъ страдать отъ недостатка дѣлъ.

И все же, не смотря на раздѣленность церкви и свѣтскій консерватизмъ, „свобода церкви“ была идеаломъ возбуждавшимъ общее почтеніе; и всякій, даже самый ярый, противникъ церковныхъ привилегій считалъ необходимымъ подчеркивать, что онъ не покушается на эту свободу. Въ противномъ случаѣ неуспѣхъ былъ обезпеченъ. Трижды за двѣсти лѣтъ этой свободѣ угрожала Священная Римская имперія; и три затяжныхъ конфликта окончились пораженіемъ самыхъ настойчивыхъ и сильныхъ государей, стоявшихъ во главѣ этой имперіи — Генриха IV (1056 — 1105 гг.), Генриха V (1106—1125 гг.) Фридриха Барбароссы (1152 — 1190 гг.) и Фридриха II (1212—1250 гг.). Въ первомъ изъ этихъ великихъ конфликтовъ вопросъ шелъ о реформированіи національной церкви и ея эмансипаціи отъ свѣтской власти. Генрихъ IV поплатился за желаніе сохранить свои прерогативы и обычаи позорнымъ, хотя и мнимымъ, подчиненіемъ въ Каноссѣ (1077 г.) и безпримѣрнымъ униженіемъ своихъ послѣднихъ дней, когда онъ въ качествѣ плѣнника собственнаго сына былъ принужденъ не только отречься отъ престола, но и подписать покаяніе въ неслыханныхъ грѣхахъ противъ вѣры и нравственности. Генрихъ V, продолжая политику отца, котораго онъ обошелъ и взялъ въ плѣнъ, былъ принужденъ послѣ многихъ трудностей заключить Вормскій конкордатъ (1122 г.)—т. е. отреченіе, которое только потому не явилось полнымъ пораженіемъ имперіи, что императорскія уступки впослѣдствіи толковались ближе къ слову, чѣмъ къ духу конкордата. Вторая борьба окончилась обезпеченіемъ свободы папскихъ выборовъ, окончательнымъ рѣшеніемъ основного вопроса, кто долженъ руководить цер-

ковью: папа или императоръ; и Фридрихъ Барбаросса былъ принужденъ послѣ схизмы, длившейся семнадцать лѣтъ, отказаться отъ притязаній, уходящихъ своими корнями къ Карлу Великому и заключить миръ съ Александромъ III, котораго онъ поклялся не признавать (Аньянскій миръ 1176 г.). Генрихъ VI, сынъ Барбароссы, присоединивъ своимъ бракомъ съ наслѣдницей норманскаго престола, Констанціей, Сицилію къ имперіи, заложилъ сѣмя новой борьбы, передавъ своему сыну Фридриху II опасное желаніе объединенія Италіи подъ властью Гогенштауфеновъ. Свобода церкви сдѣлалась теперь эвфемизмомъ для выраженія стремленія сохранить свѣтскую власть и создать федеративную Италію, подчиняющуюся, какъ своему сюзерену, папѣ. Фридрихъ II со своей болѣе дальновидной политикой, ближе подошелъ къ достиженію своей цѣли, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, но и онъ, утомленный постоянной смѣной успѣховъ и неудачъ, оставилъ въ наслѣдство своему сыну и внуку горькую жатву подготовленнаго имъ пораженія.

Моральная значительность титанической борьбы между высшими представителями государства и церкви все уменьшалась съ каждымъ ея новымъ поворотомъ; и все время папство находилось въ сильной зависимости отъ своихъ союзниковъ, преслѣдующихъ собственныя цѣли во имя церкви. Германскіе князья, норманны южной Италіи и Сициліи, ломбардскія коммуны—всѣ они, въ большей или меньшей степени способствовали пораженіямъ обоихъ Генриховъ и Фридриховъ. Въ два критическихъ момента правленія Генриха IV германскіе князья заставили его смириться; большинство ихъ упрямо не желало принимать участія въ итальянскихъ войнахъ Барбароссы, и Фридрихъ II, который пытался купить ихъ благорасположеніе изъ ряда вонъ выходящими уступками, долженъ былъ въ концѣ своего царствованія (1246—1250 гг.), когда положеніе въ Италіи казалось измѣняется въ его пользу, начать борьбу съ германскими мятежниками и претендентами на престолъ. Норманны неоднократно принимали участіе въ борьбѣ за инвеституру, давая пріютъ бѣглому папѣ или освобождая Римъ отъ германскихъ ополченій. Ломбардія, какъ мы это выяснимъ еще ниже, была главнымъ препятствіемъ, отдѣлявшимъ Фридриха Барбароссу отъ Рима, Фридриха II отъ Германіи. Карлъ Анжуйскій былъ послѣднимъ и самымъ дѣятельнымъ защитникомъ дѣла папства; и въ исторіи онъ является предше-

ственникомъ и провозвѣстникомъ не считающейся ни съ чѣмъ политики правителей эпохи Возрожденія. Но, какъ намъ ни ясна полезность этихъ союзовъ для папства, остается вопросомъ, почему радикально настроенныя коммуны, непокорные феодалы и претенденты на престолъ становились на защиту церкви, признавая всѣ тѣ стѣсненія, которыя изъ этой службы вытекали. Подлинной силой церкви было ея моральное вліяніе. Даже среди клира лишь небольшая горсть людей была искренне и всецѣло предана идеалу общества, который церковь пыталась воздвигнуть. И все же ея идеалы главенствовали: къ нимъ могли отрицательно относиться отдѣльные мыслители, еретическія секты, или же даже ортодоксальный міряинъ, прочувствовавшій на себѣ церковную придирчивость; но когда силы церкви мобилизовались, безразличное большинство оставалось въ сторонѣ, не желая вмѣшиваться. Пути Рима, конечно, не были путями первобытнаго христіанства, но если церковь и перетолковывала ученія писанія и преданія, то отъ кого же можно было научиться лучшему? Заблуждающаяся церковь лучше, чѣмъ отсутствіе всякой церкви. Въ XIII вѣкѣ, ког а насилія папской власти вызывали повсемѣстно жалобы, Фридрихъ II выступилъ защитникомъ общаго дѣла, борцомъ съ церковью, призывая папу къ суду общественнаго мнѣнія. Настало его время, говорилъ онъ не безъ основанія; когда императоръ потерпитъ пораженіе, пусть выступятъ короли и князья. Его убѣжденность произвела извѣстное впечатлѣніе; но современные ему монархи не могли или не хотѣли помѣшать папѣ облагать податями ихъ клиръ и вербовать ихъ подданныхъ на священную войну противъ свѣтскаго главы христіанъ, центръ и сущность преступленій котораго заключались въ томъ, что онъ противопоставилъ, такъ называемымъ правамъ церкви интересы государства.

Это не случайность, что высшее развитіе папскихъ притязаній совпало съ золотымъ вѣкомъ религіозныхъ орденовъ; что Гильдебрандовская политика приняла осязательныя формы, когда клюнійское движеніе, перешагнувъ границы Франціи, начало распространяться въ сосѣднихъ странахъ; что Александръ III былъ младшимъ современникомъ св. Бернарда, и что рѣшительная схватка имперіи съ папствомъ непосредственно слѣдовала за основаніемъ монашескихъ орденовъ св. Францискомъ и св. Доминикомъ. Монахи и послушники были воинствомъ церкви. Это не значитъ, что

средневѣковые ордена принялись за политическую пропаганду съ рвеніемъ и послѣдовательностью іезуитовъ XVI вѣка. Услуги, оказанныя клюнійцами, цистерціанами, доминиканцами и францисканцами воинствующему папству были менѣе явными и непосредственными. Время отъ времени, правда, и имъ поручались важныя обязанности сбора денегъ, проповѣди крестоваго похода, оказанія давленія на монарховъ, обращенія или преслѣдованія еретиковъ. Св. Бернардъ, основатель Клэрво и воплотитель монашескаго духа, былъ въ теченіе двадцати лѣтъ (1133—1153 гг.) руководителемъ папъ. Но даже и во времена св. Бернарда и даже тогда, когда правящимъ папой былъ его ставленникъ и ученикъ, существовало извѣстное различіе между защищаемыми имъ теоріями и дѣйствительной политикой куріи. Такъ, напримѣръ, онъ противъ своей воли организуетъ второй крестовый походъ, повинуясь ясно выраженному приказанію папы Евгенія III, а, съ другой стороны, папство сохраняетъ къ дѣятелямъ схоластики отношеніе, признаваемое имъ неумѣренно мягкимъ. Въ Римѣ былъ шире кругозоръ, чѣмъ въ Клэрво; тамъ больше считались съ дѣйствительностью и были лучше искушены въ политикѣ и дипломатіи; въ Клэрво же стояли за болѣе высокое представленіе о церковной жизни и упорно старались удержать церковь отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла. Тѣ качества, которыя помогли монаху сдѣлаться важнѣйшимъ руководителемъ общественнаго мнѣнія, помѣшали ему войти дѣятельнымъ факторомъ въ политическую жизнь. Монахъ остается провозвѣстникомъ и воплощеніемъ церковнаго идеала, который, хотя и безсознательно, но отъ этого не менѣе страстно опровергаетъ основы свѣтскаго государства. Основатели великихъ орденовъ, воодушевлялись ли они (какъ св. Бернардъ) уставомъ св. Бенедикта или же стремились (какъ св. Францискъ) буквально слѣдовать обязанностямъ, возложеннымъ Христомъ на Апостоловъ, хотѣли вернуться къ тому состоянію ранняго христіанства, для котораго государство и его глава лишь преходящія власти, лишь фактъ, съ которымъ надо считаться. Монашескій или бѣдствующій орденъ, признаваемый образцомъ христіанскаго общества, былъ добровольной ассоціацией, управляемой общей совѣстью въ томъ видѣ, какъ она проявлялась въ волѣ представительнаго органа и избраннаго главы. Безусловная покорность монаховъ и послушниковъ была добровольной, — слѣдствіе обѣта, приня-

маемаго на себя тѣмъ, кто почувствовалъ внутренній зовъ и подвергся предварительному суровому испытанію. Въ силу своего добровольнаго отреченія монахъ становился мертвымъ для міра, гражданиномъ небеснаго царства на землѣ. Нельзя было требовать отъ него выполненія мірскихъ обязанностей; отъ подчиненія государству онъ перешелъ къ подчиненію Богу. Религіозные ордена притязали на право быть свободными отъ всякаго подчиненія, кромѣ подчиненія церкви, руководимой папой. Далекіе отъ мысли признавать государство излишнимъ, они смотрѣли на него, какъ на божественное орудіе смиренія грѣховныхъ страстей мірянъ, они требовали, чтобы всѣ служители Бога, отъ архіепископа до послѣдняго церковнаго служки, пользовались тѣмъ же исключительнымъ положеніемъ, что и они, при условіи принятія троякаго обязательства: бѣдности, послушанія и цѣломудрія. И въ религіозныхъ орденахъ, какъ это и естественно, стремленіе къ реформѣ средневѣковаго клира нашло самыхъ рьяныхъ своихъ защитниковъ; и они же снабжали теоретическими основами каждое новое требованіе привилегій. Ордена были цвѣтомъ церкви пока они сохраняли духъ ихъ основателей. Но они отвѣтственны также и за преувеличенность притязаній, характеризующихъ церковную политику XIII и XIV вв.; и не безъ основанія Виклифъ— величайшій критикъ средневѣковой церковной теоріи—нападаетъ на бѣдствующіе ордена, какъ на воплощеніе всѣхъ отрицательныхъ сторонъ церкви его времени.

Обычно, какъ это и естественно, разсматривали монашество, какъ крайнюю противоположность свѣтской государственности, по отношенію къ которой оно было такъ непримиримо. Но въ дѣйствительности то и другое вскормлено общимъ недовольствомъ, вполнѣ понятнымъ при анархическихъ условіяхъ ранняго средневѣковья. Религіозные реформаторы, пораженные и мірскимъ зломъ и бьющимъ въ глаза неравенствомъ, должны были признавать, что міръ, столь безнадежно злой, можетъ предназначаться лишь для испытанія твердости вѣры. Человѣкъ долженъ перестрадать въ этой жизни, чтобы тѣмъ отчетливѣе себѣ представить всю цѣнность будущей жизни. Онъ окруженъ зломъ, дабы научился ненавидѣть его. Онъ находится въ обществѣ, дабы увидѣлъ всѣ тѣ безнравственные и не нравственные мотивы, которые вызваны этимъ обществомъ къ жизни. Политическіе реформаторы, въ концѣ концовъ, въ корнѣ своихъ стремленій были одуше-

влены той же вѣрой во всеблагое Провидѣніе, но дѣлали изъ этой вѣры другіе выводы. Богъ, создавшій человѣка и союзы людей, не пожелалъ, чтобы общество вѣчно оставалось несправедливымъ. Онъ восхотѣлъ, чтобы общество приближалось бы, хотя бы и несовершенно, къ идеѣ справедливости, открытой имъ. Государство — Божественное установленіе, и поэтому необходимо стремиться къ его лучшему устроенію. Свѣтскій государь, какъ представитель справедливости, слуга Бога и даже въ извѣстномъ смыслѣ его священникъ. Фридрихъ II, котораго современники признавали отступникомъ и кощунникомъ, выразилъ лишь въ особенно удачномъ видѣ эту традицію средневѣковаго королевства, когда называлъ себя—или же разрѣшалъ своимъ приближеннымъ называть—краеугольнымъ камнемъ церкви, намѣстникомъ Бога, новымъ Мессіей.

Съ другой стороны, еретики и раціоналисты, нападки которыхъ были для церкви опаснѣе открытой вражды государства, имѣли очень много точекъ соприкосновенія со своими противниками, какъ мы это легко можемъ установить изъ длительности и общаго характера ихъ споровъ. Въ глубинѣ средневѣковой исторіи шла параллельно съ борьбой папства и имперіи война доказательствъ и преслѣдованій, въ которой религіозные ордена выступали застрѣльщиками ортодоксіи. Беренгаръ Турскій, отрицавшій ученіе о пресуществленіи, и этимъ колебавшій основы церковной теоріи жилъ въ то время, когда возрождающееся папство подготовляло войну съ свѣтской властью; самъ Гильдебрандъ произнесъ окончательный приговоръ надъ основателемъ первой ереси. Въ эпоху Генриха V и Вормскаго конкордата происходило развитіе средневѣковаго пуританизма въ Лангедокѣ и Фландріи. Промежутокъ, отдѣляющій Вормскій конкордатъ отъ схизмы Фридриха Барбароссы, составляетъ время дѣятельности Абеляра, вынесшаго философію на улицу и заставившаго говорить о ней на рыночной площади, и Арнольда изъ Бресчіи, требовавшаго, чтобы церковь вернулась къ апостольской бѣдности. Въ дни юности Фридриха II происходитъ Альбигойскій Крестовой походъ—тщетная борьба насилія съ Аверроэсомъ и Аристотелемъ,—и попытки добровольцевъ-инквизиторовъ искоренить ереси въ Италіи и Германіи. И въ то время какъ этотъ же императоръ пытается договориться съ Иннокентіемъ V—папская инквизиція становится постоянной отраслью исполнительной власти церкви,

а бѣдствующіе ордена, поддерживающіе инквизиторовъ, въ это же время принимаютъ на себя и труднѣйшую обязанность отвратить университеты отъ культа Аристотеля къ вѣрѣ въ христіанскую схоластику, обосновываемую Альбертомъ Великимъ и Аквинатомъ. Оружіе въ этомъ безконечномъ и многостороннемъ спорѣ было столь же грубымъ, сколь и создавшій его вѣкъ. Съ одной стороны грубыя обвиненія и беззастѣнчивыя парадоксы, съ другой — безстыдная клевета, духовная цензура, мечъ, тюрьма, костеръ. И отношеніе въ средніе вѣка ко всякому ученію, несогласному съ ортодоксальнымъ было непреклоннымъ и рѣшительнымъ. Относиться недовѣрчиво къ взгляду церкви было грѣхомъ, равносильнымъ чародѣйству или идолопоклонству. Существованіе отступниковъ было оскорбленіемъ Бога, угрозой для спасенія остальныхъ; они были зараженнымъ членомъ, требующимъ рѣшительнаго отсѣченія. Но и эти отступники не были просто невѣрующими. Свободные мыслители, за немногими исключеніями, стремились найти раціональную основу общей вѣры, или удалить изъ нея нѣкоторыя положенія, которыя они по моральнымъ или же по историческимъ основаніямъ считали позднѣйшими вставками. Вина Беренгара заключалась въ томъ, что онъ напалъ на ученіе, которое оставалось подъ вопросомъ въ теченіе двухъ вѣковъ; вина Абеляра въ томъ, что онъ предложилъ собственныя теоріи по тѣмъ вопросамъ, относительно которыхъ ортодоксальная традиція безмолствовала или колебалась. Что же касается отдѣльныхъ сектъ, то онѣ обвинялись въ томъ, что стремились къ строгому проведенію одного изъ трехъ ученій, признаваемыхъ церковью въ болѣе мягкомъ видѣ. Они или, какъ ліонскіе бѣдняки, желали возвратить церковь къ первобытной простотѣ или, какъ альбигойцы, настаивали надъ Павловымъ противоположеніи духа и тѣла, доводя до крайности монашеское отвращеніе къ міру, обращая христіанскаго дьявола въ бога зла, господствующаго надъ міромъ матеріи; или же, наконецъ, они вмѣстѣ съ Іоахимомъ изъ Кораццо и Фратичелли развивали основную идею ортодоксальныхъ мистиковъ, вѣру въ внутренній свѣтъ, и учили, что буква убиваетъ, и что лишь духъ даетъ жизнь. И всѣ они были виновны не въ томъ, что они отрекались отъ христіанства, но въ томъ, что придавали христіанскому ученію смыслъ, запрещенный церковью. И несмотря на эти отличія они всѣ были объединены; несмотря на всѣ споры они стояли на

общей почвѣ. Нѣтъ болѣе ожесточенной вражды и болѣе несправедливыхъ обвиненій, какъ между людьми съ разныхъ сторонъ подходящихъ къ одной и той же вѣрѣ.

Въ оправданіе церкви надо сказать, что имѣла ли она дѣла съ королями или еретиками, особенности природы ея власти заставляли ее пользоваться оружіемъ, подчинить себѣ которое было не въ ея силахъ и къ которому она прибѣгала съ храбростью отчаянія. Трудно придумать большую противоположность, чѣмъ противоположность Гильдебрандовой программы тѣмъ пріемамъ, пользуясь которыми, она была несовершенно осуществлена. Чтобы провести целибатъ клира, черни Милана и южно-германскихъ городовъ не препятствовали грабить женатыхъ священниковъ. Чтобы положить конецъ симоніи, поддерживали провинціальный сепаратизмъ германскихъ князей, выдавали награды за клятвопреступныя обвиненія и дѣтей обязали предавать отцовъ. Чтобы остановить распространеніе Альбигойской ереси, блестящая культура Лангедока была отдана Иннокентіемъ III на разграбленіе грубымъ и жаднымъ феодаламъ сѣверной Франціи. Часто ошибка признавалась послѣ того, какъ она была совершена. Но никакой опытъ не могъ избавить церковь отъ убѣжденія, что у каждаго добровольца, вставшаго на защиту церкви, надо предполагать лучшія стремленія, пока не будетъ доказано обратное. Такое же незнаніе человѣческой природы проявляется въ навыкахъ управленія. Если мы даже и признаемъ за отсутствіемъ другихъ данныхъ истинность принциповъ, приводимыхъ въ оправданіе папской инквизиціи, цензуры епископскихъ судовъ или апелляціонной юрисдикціи куріи, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что всѣ эти учрежденія были такъ организованы и ведомы, что отъ нихъ можно было ждать самыхъ ужасныхъ злоупотребленій. Организація, которая была бы едва выносимой, если бы даже во главѣ ея стояли святые, стала несносной, когда она была поручена случайнымъ людямъ, плохо оплачиваемымъ, плохо контролируемымъ и плохо выбраннымъ. Въ значительной части преступленія и безумства средневѣковой церкви объясняются этимъ внѣдреніемъ сложной бюрократіи въ полу-культурное государство. Такая административная система должна потерпѣть неудачу, несмотря на всѣ ея притязанія; у ея основателей не было ни достаточнаго опыта, чтобы провести ее въ жизнь, ни людей, способныхъ своей исполнительностью и честностью исправить ея недостатки. И все же благодаря

грандіозности замысла, благодаря тому, что его защитники провозгласили свою готовность и умѣніе возродить государство и человѣка, въ ихъ лицѣ привѣтствовали пророковъ новаго устроенія; ихъ допустили восхвалять превосходство своихъ стремленій, заглушая другіе голоса; и они создали новое зло, не уменьшая стараго.

Но если церковь, какъ система управленія, была сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ для подчиняющихся ей мірянъ, то церковь, какъ средоточіе духовной жизни, обладала величіемъ и обаяніемъ, притягивающимъ наиболѣе удаленныхъ отъ нея. Мы можемъ сравнить средневѣковую религію съ горнымъ кряжемъ, на нижнихъ утесахъ котораго изслѣдователь запутывается въ непроходимой чащѣ кустарника и мха, подавляется недвижной и туманной атмосферой, не имѣя возможности увидѣть ни неба надъ собой, ни вселенной подъ ногами. Пройдя эту мѣшающую и безотрадную чащу, онъ поднимается къ открытымъ пастбищамъ, къ одинокимъ дѣвственнымъ снѣговымъ полямъ, къ страшнымъ ущельямъ и царящимъ вершинамъ, нашептывающимъ ему какую-то мистерію, которой онъ не можетъ ни противиться, ни придать отчетливую форму. Далеко подъ нимъ разстилаются безгранично обширныя и все же безконечно малыя долины, которыя, красивы ли онѣ или отвратительны, слишкомъ отдалены, чтобы казаться частью того новаго міра, въ которомъ онъ теперь находится; эти долины являются для него лишь украшеніемъ и фономъ строгихъ вершинъ, величественныхъ линій и контуровъ увѣнчанныхъ снѣгомъ горныхъ хребтовъ. На этихъ вершинахъ нравственнаго одушевленія средневѣковые мистики построили свои храмы и воспѣвали свое Benedicite, призывая природу свидѣтельствовать вмѣстѣ съ ними, что Богъ на небѣ близокъ имъ и что прекрасенъ міръ, существующій лишь для того, чтобы исполнить Его Слово. Много свѣтлаго было въ этомъ міровоззрѣніи, и его защитники были подлинными поэтами Средневѣковья, не меньшими отъ того, что выразили свои высокія представленія жизнью, а не словами. Они никогда не были и не стремились быть философами; люди, наиболѣе остро чувствующіе мистерію вещей, рѣдко интересуются вопросами „какъ“ и „почему“, но міръ ихъ мечтаній былъ притягивающимъ міромъ, и они стремились къ нему, какъ къ истинѣ, скрытой отъ другихъ завѣсой. Узрѣніе горныхъ вершинъ, даже и окутанныхъ облачнымъ туманомъ, окупаетъ тяготы восхожденія; и въ этомъ

оправданіе тому, почему мірянинъ преклонялся передъ формами и обрядами и правилами поведенія, предписываемыхъ видимой церковью; ибо они вѣрили, что такимъ образомъ найдутъ путь къ этой жизни или же, вѣрнѣе, къ этимъ высшимъ формамъ служенія, испытаннымъ выдающимися людьми, къ высшимъ формамъ, которыя, какъ это утверждало Св. Писаніе и свидѣтельствовали Житія святыхъ, были совершенной жизнью и свободой. Неудивительно, что они готовы были пойти и дальше: оставить свои земныя достоянія и забыть о будущемъ общества, повинуясь избраннымъ, время отъ времени появляющимся среди нихъ и, какъ Моисей, возвращающимся съ горы, съ преображеннымъ лицомъ, чтобы имъ сообщить благовѣсть новаго откровенія.

Если бы средневѣковое общество было болѣе мірскимъ и болѣе критически настроеннымъ, то, по всей вѣроятности, его благосостояніе было бы лучшимъ: оно взращивало бы болѣе уравновѣшенные типы и являло бы намъ зрѣлище болѣе нормальнаго развитія; но было бы меньше чему учиться отъ этическихъ и политическихъ взглядовъ этой эпохи. Что притягиваетъ насъ въ средневѣковомъ міровоззрѣніи, это, прежде всего, идея человѣчества, какъ братскаго союза, пренебрегающаго расовыми и политическими подраздѣленіями, объединеннаго общимъ стремленіемъ къ истинѣ, наполненнаго духомъ милосердія и взаимопомощи и одареннаго болѣе высокой волей и мудростью, чѣмъ отдѣльные составляющіе его индивидуумы; а затѣмъ, глубокая вѣра въ превосходство права надъ силой, духа надъ матеріей, вѣчныхъ запросовъ человѣчества надъ временными стремленіями и страстями. Безъ христіанства эти представленія едва ли сдѣлались бы общимъ достояніемъ человѣка; и безъ церкви едва ли христіанство пережило бы эпоху полуварварства, когда были заложены основы современнаго міра.

VII. Средневѣковое государство.

Въ промежуткѣ между 1000 и 1500 г. система европейскихъ государствъ претерпѣла рядъ перемѣнъ, кореннымъ образомъ ихъ преобразовавшихъ. Но эти измѣненія, касались ли они политическихъ границъ или учрежденій, совершались постепенно. Въ эту эпоху не было ни одного общаго катаклизма, такого, напр., который слѣдовалъ за крушеніемъ

французской монархіи. Новыя идеи медленно зрѣли въ средневѣковомъ обществѣ; съ XII вѣка силы соціальной устойчивости въ своемъ постепенномъ ростѣ уравновѣсили разрушительныя силы; и только въ эпоху Возрожденія равновѣсіе было вновь нарушено. Въ промежуткѣ тѣсный союзъ интересовъ собственности и привилегіи религіозной и свѣтской власти давали рѣзкій отпоръ всѣмъ анархическимъ и радикальнымъ попыткамъ. Французская жакерія, послѣдователи Уота Тайлера въ Англіи, альбигойцы Лангедока и чешскіе гусситы были уничтожены консервативными силами, самопроизвольно объединившимися на защиту существовавшаго порядка; и пока этотъ консервативный духъ господствовалъ среди правящихъ классовъ, было мало основаній бояться какой-либо революціи, осуществленной однимъ ударомъ. Какъ во внутренней политикѣ, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ эти крѣпко сложенныя государства были обычно малоподвижными: сильными въ защитѣ, но нерѣшительными и вялыми въ нападеніи. Эта эпоха не создала ни одного великаго завоевателя, который вихремъ проносился бы по Европѣ, ибо условія, необходимыя для такихъ завоеваній, или были уже разрушены, или же еще не были созданы. Европейскіе народы уже вышли изъ кочевнической эпохи культуры, и еще не были организованы, какъ военныя крѣпости. Феодальное войско было трудно собрать, и имъ было еще труднѣе руководить; и въ лучшемъ случаѣ оно было оружіемъ, съ которымъ трудно справиться. Постоянныя армія наемниковъ требовала болѣе тяжелыхъ и правильныхъ налоговъ, чѣмъ это смѣлъ требовать кто-либо изъ монарховъ, и готовъ былъ платить какой-либо народъ. Такимъ образомъ войны среднихъ вѣковъ, за немногими исключеніями, носятъ характеръ незначительности и мелочности. Широкіе завоевательные планы были обречены на неудачу, и власти, видимо уничтоженныя съ приходомъ вражескаго войска, возстановлялись, лишь только оно уходило. Однимъ словомъ, какъ международная, такъ внутренняя политика въ средніе вѣка является постояннымъ возобновленіемъ тѣхъ же проблемъ и споровъ, вѣчнымъ повтореніемъ тѣхъ же палліативовъ и тѣхъ же плановъ борьбы. Конечно, система управленія претерпѣла больше измѣненій, чѣмъ военное искусство. Но существенныя измѣненія учрежденій были проведены лишь въ немногихъ странахъ: въ Сициліи при норманнахъ и Фридрихѣ II, въ Англіи при Генрихѣ II и Эдуардѣ I, во Франціи при Филиппѣ Августѣ и его преемникахъ. Но и въ этихъ случаяхъ

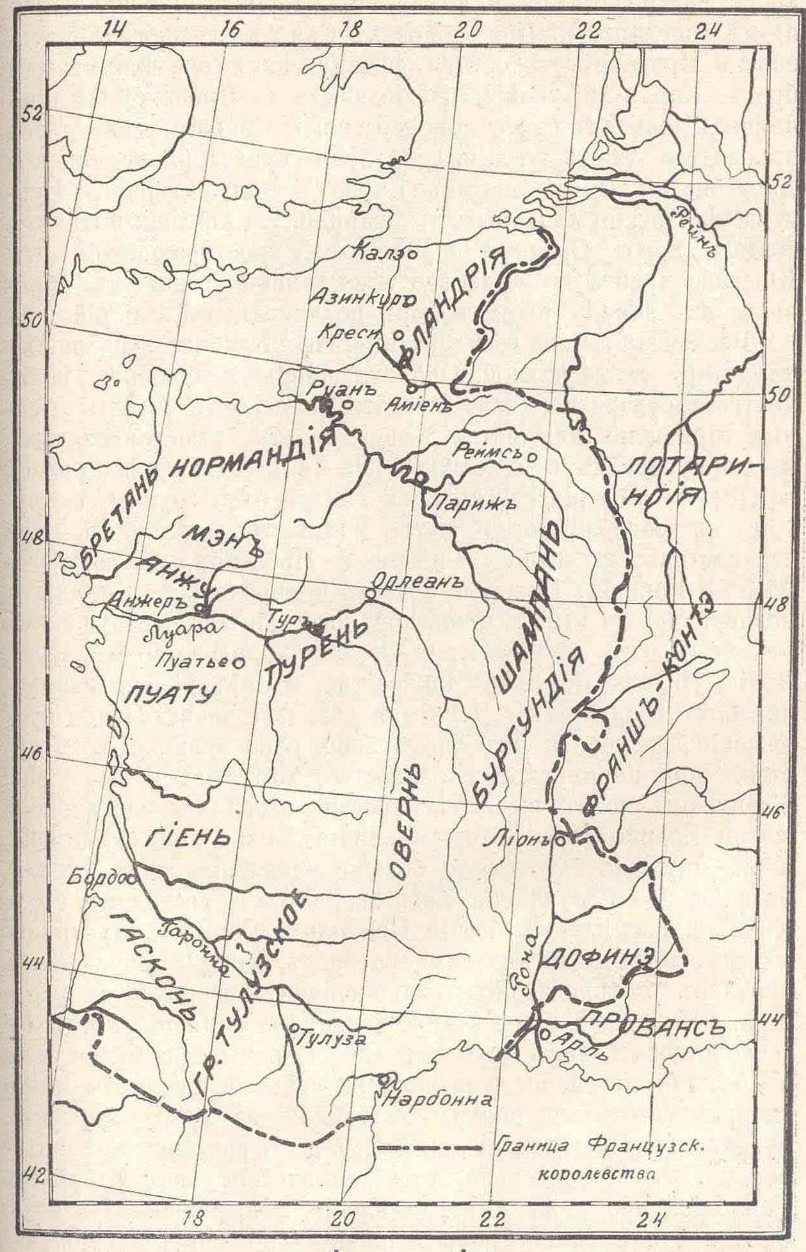
измѣненія обычно сводятся къ примѣненію элементарныхъ пріемовъ, въ развитіи логическихъ выводовъ изъ уже принятыхъ принциповъ. Болѣе смѣлые новаторы, какъ Артевельде или Фридрихъ II, натолкнулись на непреодолимыя препятствія, лишь только они вышли изъ круга обычныхъ идей. Поэтому, для нашей задачи совершенно достаточно установить въ самыхъ общихъ чертахъ главные факты международныхъ отношеній и главные этапы развитія созданной средневѣковьемъ системы управленія.

Широкія дипломатическія комбинаціи, хотя онѣ непрерывно подготовлялись, рѣдко осуществлялись и еще рѣже приводили къ какому-либо осязательному результату. Кое-какіе интересы признавались общими; ни одно изъ государствъ не относилось безразлично къ движенію, угрожавшему существованію папства, выражавшаго религіозное единство, или же къ государству, ведущему крестовый походъ и составляющему аванпостъ западнаго христіанства; съ принципомъ равновѣсія силъ, еще не кристаллизованномъ въ догму, уже считались, такъ что необычное усиленіе одного государства, вызывало тревогу другихъ, хотя бы оно имъ и не угрожало непосредственно. Такимъ образомъ, брала ли имперія верхъ надъ папствомъ, появлялись ли на горизонтѣ новыя азіатскія орды, казалось ли, что Франція обращается въ провинцію Англіи или Италія въ провинцію Франціи, въ публицистической литературѣ начинали бить тревогу и вслѣдъ за этимъ происходилъ общій обмѣнъ мнѣній между отдѣльными государями. Договоры слѣдовали за договорами, союзамъ противопоставлялись союзы—не менѣе тщательно, чѣмъ это происходитъ въ новой исторіи. Но народы рѣдко приходили въ движеніе; и возбужденіе правящихъ классовъ оканчивались словесными изліяніями. Чрезвычайно рѣдко объединеніе двухъ крупныхъ государствъ для уничтоженія третьяго, какъ объединеніе Англіи съ имперіей противъ Филиппа Августа. Немногія средневѣковыя битвы были столь значительны по своимъ послѣдствʼямъ, какъ битва при Бувинѣ (1214 г.), которой Англія обязана своей „Великой Хартіей", Германія величественнымъ и бурнымъ закатомъ династіи Гогенштауфеновъ, Франція закрѣпленіемъ подъ властью неограниченнаго монарха давно отторгнутыхъ областей.

Въ обычное время въ средневѣковой Европѣ было двѣ группы государствъ, отличавшихся по своимъ стремленіямъ и устройству. Они отдѣлялись другъ отъ друга широкой

полосой спорныхъ владѣній, идущей отъ Голландіи до берега Прованса, и составляющей сѣверную часть Каролингскаго Средняго королевства.

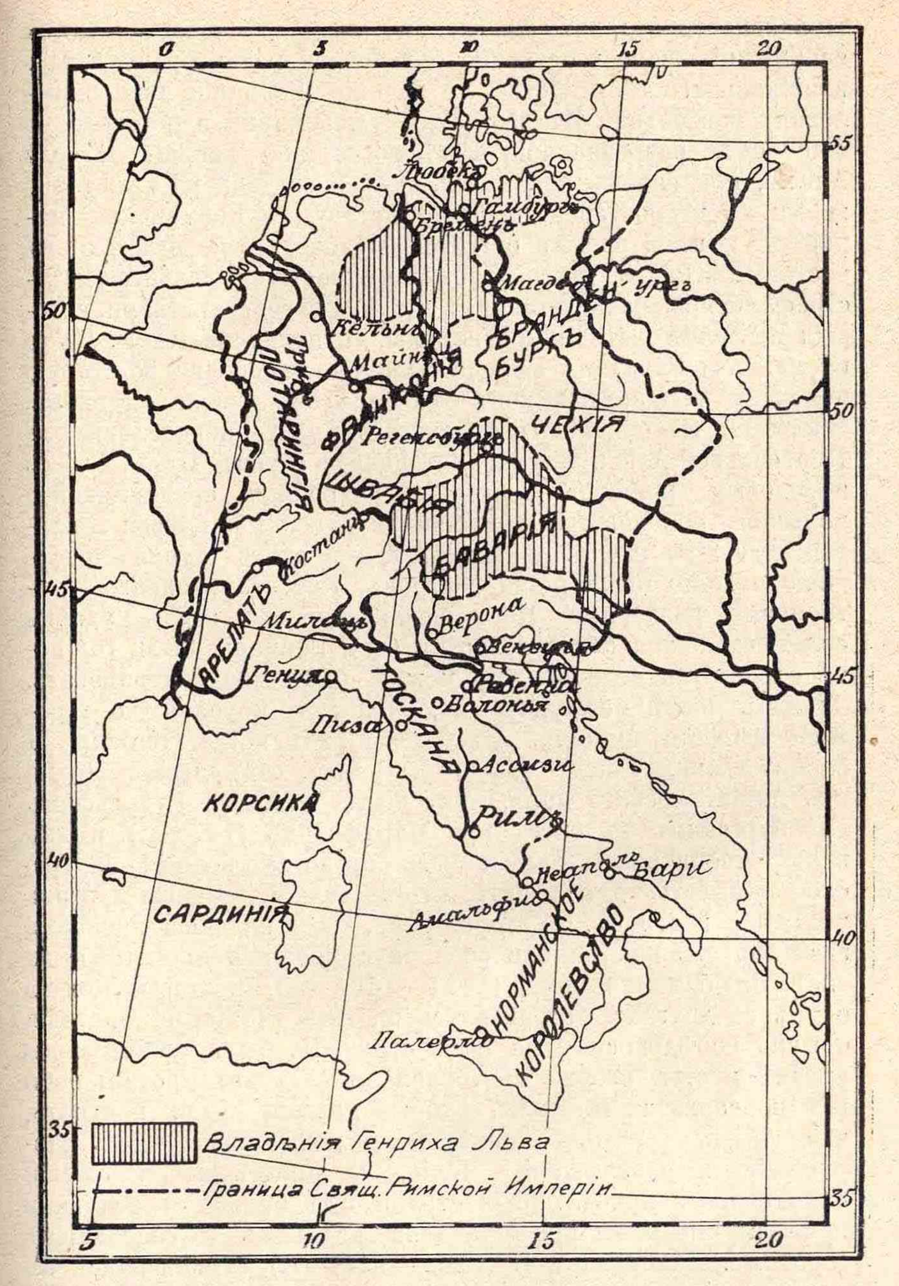
Къ западу отъ этой полосы лежатъ государства Иберійскаго полуострова, Франція, Англія и Шотландія; всѣ они связаны другъ съ другомъ интересами торговли по Атлантическому океану, общей культурой, въ которой лучшіе элементы были французскаго происхожденія, но больше всего заинтересованностью въ политическихъ вопросахъ, связанныхъ съ притязаніемъ Англіи на добрую половину французской территоріи. Соперничество этихъ двухъ большихъ державъ, которое въ своемъ неразвитомъ видѣ начинается съ норманскаго завоеванія Англіи, становится острымъ, когда Генрихъ VI наслѣдникъ по матери Англіи и Нормандіи, а по отцу Анжу и Турени, женится на Элеонорѣ, герцогинѣ Аквитанской и разведенной женѣ Людовика VII (1152 г.). Попеременно возвышая то одну, то другую сторону, эта борьба длилась безъ рѣшительнаго результата вплоть до Карла VII, который довелъ свои войны за освобожденіе Франціи до блестящаго конца, истребивъ въ Гіени (Guyenne) остатки англійскаго ополченія и сломивъ партію, тяготѣвшую къ Англіи (1453 г.). Въ промежуткѣ пораженія смѣнялись побѣдами: изгнаніе англичанъ Филиппомъ Августомъ изъ Нормандіи, Мэна, Анжу, Турени и Пуату; захватъ Калэ и отвоеваніе Аквитаніи Эдуардомъ III и Чернымъ принцемъ; почти полное уничтоженіе ихъ завоеваній Карломъ V и Бертраномъ Дюгескленомъ; соединеніе французской и англійской короны (1420 г.), какъ слѣдствіе побѣдъ Генриха V и преступной борьбы Бургундской и Арманьякской партій, выступленіе Жанны д'Аркъ, провозвѣстницы французскаго націонализма и возрожденіе французской монархіи подъ вліяніемъ новаго поколѣнія ученыхъ политиковъ. Весь западъ былъ захваченъ этой вѣковой борьбой. Шотландіи она способствовала въ утвержденіи ея независимости, въ Наваррѣ—къ ея потерѣ; въ Кастиліи она возвела на престолъ новую трастамарскую династію, для Аррагоніи эта борьба привела къ появленію новаго соперника въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, къ потерѣ надеждъ, направленныхъ на Провансъ и Лангедокъ, и угрозѣ другимъ, направленнымъ на Италію. Съ каждой слѣдующей побѣдой Франціи надъ Англіей, вліяніе Франціи все больше распространялось на югъ и востокъ; и браками или же военными успѣхами принцевъ королевской

14
16
18
20
22
24
52
50
48
46
44
42
Рейнъ
Калэ
Азинкуръ
Креси
ФЛАНДРІЯ
Руанъ
Аміенъ
Реймсъ
Парижъ
БРЕТАНЬ
НОРМАНДІЯ
МЭНЪ
АНЖУ
Анжеръ
Луара
Туръ
Орлеанъ
ЛОТАРИНГІЯ
ШАМПАНЬ
ФРАНШЪ-КОНТЭ
Пуатье
ТУРЕНЬ
ПУАТУ
БУРГУНДІЯ
ОВЕРНЬ
ГІЕНЬ
Ліонъ
Бордо
ГАСКОНЬ
Гаронна
ГР. ТУЛУЗСКОЕ
Рона
ДОФИНЭ
ПРОВАНСЪ
Тулуза
Арль
Нарбонна
Граница Французск. королевства

Франція.

крови присоединялись и новыя территорiи къ западной системѣ государствъ. При Людовикѣ Святомъ графство Тулузское и Провансъ становятся французскими владѣнiями; его братъ, Карлъ Анжуйскiй, присоединилъ къ Провансу вымороченное Неаполитанское королевство; и Сицилiя избавляется отъ власти Анжуйской династiи лишь благодаря подчиненiю Аррагонской. Послѣ побѣдъ Карла V Валуа, герцоги Бургундскiе, поддерживаемые то Францiей, то Англiей, пытаются создать новое Среднее королевство, простирающееся отъ Юрскаго хребта до Зюдерзее и состоящее, главнымъ образомъ, изъ земель до сихъ поръ подчиненныхъ имперiи.

Восточная группа государствъ рѣзко отличается по своему характеру отъ западной. Она включаетъ и большее количество государствъ, (если мы даже не будемъ считать крупныя германскiя княжества, бывшiя почти самостоятельными къ концу среднихъ вѣковъ), и она менѣе однородна по своей культурѣ. Имперiя составляетъ центръ этой группы, и кругомъ ея располагаются болѣе мелкiя государства въ видѣ сателлитовъ: къ западу Савойя и Провансъ, къ югу отъ Альпъ—Венецiя, Папская область и королевство Сицилiи—независимое до 1194 г. и частное владѣнiе Гогенштауфеновъ отъ этого года до 1268 г.; къ востоку королевство венгровъ, Чехiя, Польша и русскiя княжества, къ сѣверу три скандинавскихъ государства. Несмотря на свое значительное протяженiе эта группа включаетъ лишь одно великое государство, ибо норманское королевство, хотя оно и было chef d'oeuvr'омъ политическаго искусства—играло въ политической жизни Европы лишь второстепенную роль—роль привѣска, и оно внушало бы гораздо больше удивленiя, чѣмъ страха, если бы не ея случайная связь съ Святымъ престоломъ, столь цѣнимая послѣднимъ. Когда Неаполь и Сицилiя находились во владѣнiи германскихъ императоровъ, имперiя давила, какъ исполинъ скандинавскiя, славянскiя и венгерское государства. Но даже и безъ этой поддержки имперiя могла бы господствовать надъ двумя третями Европы, если бы ея силы не были бы истощены итальянскими войнами, и если бы императорская политика эпохи, слѣдующей за междуцарствiемъ руководилась бы нацiональными, а не династическими интересами. И, дѣйствительно, хотя послѣдствiя союза Италiи съ Германiей пережили ихъ раздѣленiе, политическое развитiе Западной и Средней Европы значительно опредѣлилось настойчивыми и разрушительными попытками тевтонской на-

Священная Римская имперія при Фридрихѣ Барбароссѣ.

ціональности подавить латинскую. Но если нападенія Англіи на Францію непосредственно обусловили ростъ французскаго національнаго государства, то паденіе Германіи лишь наполовину освободило Италію отъ чужеземцевъ и оставило ее еще болѣе разрозненной, чѣмъ когда-либо раньше. И если Англія, при своемъ пораженіи, была низведена на нѣкоторое время къ второстепенному государству, то Германская имперія XV вѣка все же остается руководящей властью къ востоку отъ Рейна. Такое положеніе отчасти объясняется катастрофами, приключившимися съ сосѣдними государствами, которыя не могли быть ни предвидѣны, ни предупреждены. Въ то время какъ Западная Европа была уже защищена во вторую половину среднихъ вѣковъ отъ набѣговъ иноплеменниковъ, Восточная Европа испытала послѣдніе удары переселеній изъ Центральной Азіи и изъ магометанскихъ странъ. Въ XIII вѣкѣ передовыя полчища монголовъ разрушили средневѣковое польское королевство и подчинили русскихъ князей Золотой Ордѣ. Въ XV в. движеніе турокъ вдоль Дуная довершило паденіе государства венгровъ, уже ослабленнаго внутренними раздорами. Но и независимо отъ этихъ удачно складывавшихся обстоятельствъ силы Германіи были бы непреодолимыми, если бы ихъ можно было сконцентрировать. Дважды, послѣ междуцарствія, Чешское королевство угрожало цѣлости имперіи. Въ первый разъ, когда Оттокаръ II распространилъ свою власть на земли, отдѣляющія Чехію отъ Адріатическаго моря, онъ былъ разбитъ Рудольфомъ Габсбургскимъ въ битвѣ при Мархфельдѣ (1278 г.), и изъ вновь отвоеванныхъ земель было образовано новое Габсбургское княжество для защиты юго-восточной границы противъ чеховъ и венгровъ. Во второй разъ, когда полчища чешскихъ гуситовъ распространили свои опустошенія и пропаганду на сосѣднія области имперіи (1424—1434 гг.), крестовые походы одинъ за другимъ устраивались противъ Чехіи, и еретики, обычно побѣдоносные на полѣ сраженія, были уничтожены чрезмѣрностью своихъ требованій, объединивъ противъ себя всѣ консервативныя силы, которыя должны были признать, что побѣды гуситовъ неминуемо должны привести къ разрушенію и обезлюженію Чехіи. Въ такомъ же положеніи находились и прибалтійскія страны, гдѣ борьба съ датскими притязаніями была предоставлена князьямъ и свободнымъ городамъ. Вальдемаръ II (1202—1241 гг.), стремившійся къ возрожденію Скандинавской имперіи Канута Великаго, заво-

евателя Англіи, долженъ былъ отказаться отъ осуществленія своихъ гордыхъ плановъ, и даже Кальмарская унія (1397 г.), объединившая въ рукахъ одной династіи короны Норвегіи, Швеціи и Даніи, не смогла вырвать изъ рукъ Германіи ея руководящей роли въ Балтійской торговлѣ. Германія, даже дурно управляемая, даже отданная во власть борьбѣ династическихъ интересовъ, была grande chose et terrible, въ чемъ неоднократно убѣждались политическіе авантюристы. Энергія, культура и національное сознаніе великаго народа исправляли всѣ ошибки его государей и всѣ недостатки его учрежденій.

Но лишь въ XV в. въ Германіи начинаютъ сознавать, что она, составляя націю, не составляетъ государства, что центръ политическаго могущества передвинулся на Западъ, что судьбы Европы рѣшаются во Франціи, Англіи и Испаніи. Эти націи создали новую форму автократіи, болѣе сильную и дѣеспособную, чѣмъ какая-либо изъ средневѣковыхъ формъ управленія. Въ это же время въ Германіи развиваются самыя худшія и самыя слабыя стороны стараго порядка; монархія и всѣ связанныя съ ней учрежденія низводятся до безсилія. Этотъ же процессъ упадка происходитъ и въ менѣе крупныхъ государствахъ восточной группы. Въ Скандинавіи, въ Венгріи, въ славянскихъ государствахъ ростки королевской власти обвиваются и заглушаются ростомъ феодализма, развитіемъ территоріальной власти знати, которая прикрываясь должностными титулами, обращаетъ цѣлыя области въ родовыя помѣстья и притязаетъ на божественное право безграничнаго и безотвѣтственнаго суверенитета надъ своими держателями. Изслѣдованіе всѣхъ причинъ политической отсталости восточной группы завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Но одна изъ этихъ причинъ ясна. Если не принимать во вниманіе городовъ, въ этихъ государствахъ не было средняго сословія, а города, въ свою очередь, были не богаты и не многолюдны. Они не имѣли даже представителей въ національныхъ собраніяхъ. Слѣдствіемъ этого являлось то, что государь принужденъ былъ править при помощи земельной знати, благосклонность которой пріобрѣталась одареніемъ ея все болѣе и болѣе широкими привилегіями, и, такимъ образомъ, укрѣплять свою власть, обезсиливая ее и лишая всякаго значенія. Но хорошее управленіе было въ средніе вѣка синонимомъ сильной и народной монархической власти. Такая власть существовала въ западныхъ государствахъ;

она поддерживалась среднимъ сословіемъ мелкихъ землевладѣльцевъ и богатыхъ купцовъ, слишкомъ слабыхъ, чтобы защитить себя въ государствѣ, для котораго было типично состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ, но въ своемъ объединеніи достаточно сильныхъ, чтобы сломить силы анархіи.

Можетъ показаться страннымъ, почему этотъ средній классъ, стремившійся къ сильной власти, какъ къ жизненной необходимости, всюду признаетъ наслѣдственное королевство единственно пріемлемой формой организаціи большого государства. Даже тогда, когда казалось бы, что традиція толкаетъ къ избирательной власти, въ лучше организованныхъ государствахъ стояли за автоматическій переходъ власти отъ отца къ сыну. Объясненіе можно было бы найти въ тѣхъ мотивахъ, которые при совершенно отличныхъ условіяхъ заставили аѳинянъ выбирать по жребію своихъ магистратовъ. Величайшей опасностью, которую во что бы то ни стало надо было избѣжать, была спорность престолонаслѣдія, которая тормозила повседневную работу управленія и давала мѣсто разрушительной борьбѣ партій. Непрерывность и устойчивость признавались единственными необходимыми условіями хорошаго управленія. Обязанности государя не считались требующими исключительныхъ способностей, онъ долженъ творить правый судъ, защищать всякаго отъ притѣсненій, безпристрастно примѣнять законъ. Для этихъ обязанностей высоко развитое чувство долга было главнымъ условіемъ. Мудрѣйшіе люди страны были къ услугамъ короля, ожидая его обращенія къ нимъ; онъ не можетъ поступать дурно, если онъ внимательно прислушивается и безпристрастно взвѣшиваетъ предлагаемые ими совѣты. А если и признавать, что глава государства долженъ для успѣшнаго выполненія своихъ обязанностей обладать кое-какими практическими навыками и опытомъ, то развѣ не было самымъ вѣроятнымъ предполагать, что человѣкъ среднихъ способностей, съ дѣтства воспитывающійся на королевство, сможетъ лучше исполнять его обязанности, чѣмъ какой-либо даже выдающійся авантюристъ, который по необходимости долженъ былъ обращать больше вниманія на искусство пробиваться и добиваться популярности, чѣмъ на тѣ обязанности, которыя будутъ взвалены на него, когда онъ достигнетъ предѣла своихъ желаній. Если вспомнимъ еще, что наслѣдственная королевская власть была освящена обычаемъ и была самымъ яркимъ символомъ національнаго

единства, и что ей по праву принадлежали всѣ прерогативы, необходимыя для дѣеспособнаго правленія, то покажется, быть можетъ, и неудивительнымъ, что эта политическая форма была признана желательной даже тѣми, которые охотно раздѣляли доктрины народнаго суверенитета и общественнаго договора.

Но королевская власть, даже и сильная и народная—была безпомощна, если она не опиралась на крѣпкія основы организованной исполнительной власти, опытной судебной и на дѣйствительное или только номинальное представительное собраніе. Ни одно средневѣковое государство не было такъ счастливо въ выборѣ исключительныхъ по волѣ и способностямъ государей, какъ Германія. И все же—Германія отъ начала до конца среднихъ вѣковъ скверно управлялась. Это не можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что королевская власть въ Германіи была избирательной. Конечно, германская корона часто пріобрѣталась цѣной уступокъ; но гораздо значительнѣйшимъ источникомъ слабости была неспособность императоровъ использовать большую часть удерживаемыхъ и, по общему мнѣнію, принадлежавшихъ имъ прерогативъ. Королевскій судъ былъ медлителенъ и мало дѣйственен, потому что онъ слѣдовалъ всегда за императоромъ; потому что профессіональные юристы въ этомъ судѣ принуждены были подчиняться феодальному его элементу; потому что судопроизводство не было точно установленнымъ, и, наконецъ, потому что его рѣшенія стѣснялись мѣстными обычаями. Королевскіе рейхстаги имѣли малое значеніе, какъ въ обсужденіи, такъ и въ законодательствѣ, потому что города и мелкая знать не уважали рѣшеній, въ обсужденіи которыхъ они не принимали участія. Исполнительная власть была по необходимости или дряблой, или нелюбимой; потому что на важнѣйшія должности по праву притязали князья, которые, если они были свѣтскими, были обязаны своимъ положеніемъ случайности рожденія, или же, если они были духовными лицами, могли быть хорошими слугами государства, становясь дурными слугами церкви. Императоръ, ограниченный кругомъ своихъ естественныхъ совѣтниковъ, не находилъ въ немъ хорошихъ помощниковъ; если же онъ приближалъ къ себѣ новыхъ людей, избранныхъ имъ сообразно съ ихъ способностями и преданностью, то онъ подвергался обвиненію въ тираніи и подчиненіи недостойнымъ любимцамъ. Всѣ эти недостатки, глубоко вкоренившіеся

въ германскій государственный порядокъ, существовали въ болѣе раннюю эпоху и во Франціи и въ Англіи. Ихъ искорененіе было предметомъ тѣхъ государственно-правовыхъ перемѣнъ, которыя были проведены Плантагенетами въ Англіи, и послѣдними Капетингами во Франціи. Глубокое сходство объединяетъ дѣла этихъ двухъ династій. Но въ Англіи политика преобразованій начинается раньше, протекаетъ быстрѣе и воздвигаетъ зданіе болѣе устойчивое, такъ какъ оно строится на болѣе широкомъ основаніи.

Первымъ шагомъ этой политики была организація тѣхъ областей королевства, которыя, не составляя привилегированнаго фьефа, оставались подчиненными суду короля и ему же были обязаны податями. Благодаря дальновидности Вильгельма Завоевателя, въ Англіи было немного такихъ фьефовъ; лишь въ двухъ графствахъ (Дургэмскомъ и Честерскомъ), на валійской и сѣверной границѣ и на немногихъ церковныхъ земляхъ была окончательно порвана непосредственная связь короля съ подчиненнымъ населеніемъ. За этими исключеніями вся Англія была раздѣлена на области—шейры, управляемыя шерифами, которые назначались королемъ и могли быть имъ смѣняемы. Шейры въ свою очередь дѣлились на сотни, во главѣ которыхъ стояли подчиненные шерифовъ. Но за выполненіе наиболѣе важныхъ отраслей управленія были отвѣтственны одни шерифы; они взимали подати, они собирали ополченіе, они охраняли общественную безопасность и, наконецъ, они же предсѣдательствовали въ судебномъ собраніи шейра, на которое въ опредѣленные промежутки времени собирались свободные держатели для высказыванія и полученія права. Шейры періодически посѣщались королевскими посланцами (Justices in Eyre) (аналогичными франкскимъ missi), которые выслушивали жалобы на шерифовъ, провѣряли ихъ управленіе, рѣшали уголовныя и гражданскія дѣла (обычно споры о свободномъ держаніи), признававшіяся достаточно важными, чтобы быть предоставленными ихъ рѣшенію. Эти королевскіе посланцы выбирались изъ числа членовъ королевскаго суда (Curia Regis), который съ XIII вѣка подраздѣлялся на три суда „общаго права“ (Common Law) и постоянно засѣдалъ въ Вестминстерѣ. Шейровые и королевскій суды были въ равной степени связаны статутарнымъ правомъ, поскольку оно предусматривало спорные вопросы; но въ значительнѣйшей части своей дѣятельности они не имѣли другихъ руководителей,

кромѣ мѣстныхъ обычаевъ, какъ они сообщались добрыми людьми шейроваго собранія, и рѣшеній, внесенныхъ въ свитки (roll) королевскаго суда. Этотъ послѣдній источникъ создалъ англійское общее право (Common Law), систему прецедентовъ, которое несмотря на свою причудливую придирчивость и казуистичность остается самымъ удивительнымъ памятникомъ средневѣковой юриспруденціи. Начиная съ XIV вѣка онъ дополняется „справедливостью" (Equity), закономъ канцлеровскаго суда, къ которому могли обращаться жалобщики, не находившіе себѣ помощи въ „общемъ правѣ" (Common Law), но жалобы которыхъ заслуживали особаго вниманія короля, какъ патрона и покровителя беззащитныхъ. И наконецъ, фискальная дѣятельность шерифовъ и судей провѣрялась казначействомъ (Exchequer), счетной палатой, которой шерифы были обязаны полугодовымъ отчетомъ, и въ которой вырабатывалась программа вопросовъ королевскихъ посланцевъ. Казначейство, первоначально отрасль Curia Regis— въ такой же мѣрѣ судебное, какъ и финансовое учрежденіе— все время остается въ тѣсной связи съ судебной организаціей особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ трехъ судовъ общаго права (Common Law) спеціально выдѣляется для обсужденія дѣлъ, касающихся королевскихъ доходовъ. Такова англійская система управленія, и она же mutatis mutandis была воспроизведена во Франціи. Во Франціи королевскія помѣстья, незначительныя въ XI и XII вв., непомѣрно возросли пріобрѣтеніями Филиппа Августа и послѣднихъ Капетинговъ, которые подчинили своему непосредственному наблюденію значительную часть Анжуйскаго наслѣдства, большіе Тулузскіе и Шампанскіе фьефы и рядъ другихъ болѣе мелкихъ территорій. Для управленія этихъ новыхъ пріобрѣтеній въ теченіе XIII в. была создана административная лѣстница, состоящая изъ прэво, соотвѣтствующаго бэйлифу англійской сотни, байльи и сенешаля, напоминающихъ англійскаго шерифа, и, наконецъ, enquêtur'а, который объѣзжаетъ помѣстья, надзираетъ надъ ними и держитъ судъ, какъ и англійскій Justices in Eyre. Всѣ они подчинены со времени Людовика Святого Chambre des Comptes (счетной палатѣ) и парламенту, т. е. главному фискальному управленію, и высшему суду, какъ первой инстанціи, такъ и аппелляціонной. Парламентъ раздѣляется на судъ общаго права и на chambre de Requêtes, рѣшающую дѣла по принципу справедливости.

У этихъ обѣихъ системъ были одни и тѣ же недостатки.

Областные правители были слишкомъ могущественны: ни королевскіе посланцы, ни королевскіе суды не были достаточной защитой противъ ихъ насилій и злоупотребленій, тѣмъ болѣе, что отдача должностей на откупъ или даже ихъ продажа сдѣлались обычными явленіями. Съ другой стороны, англійская система управленія была лучше французской, особенно въ томъ отношеніи, что она пользовалась для опредѣленныхъ цѣлей мѣстными представителями, какъ еще однимъ сдерживающимъ элементомъ слугъ короля. Англійскіе шейры—фактически, какъ и юридически—были общинами съ рѣзко выраженнымъ корпоративнымъ характеромъ (communitas), у нихъ были и публичныя собранія, бывшія одновременно и ихъ судомъ и ихъ парламентомъ. И хотя мало считались съ обыкновеннымъ истцомъ, все же мелкіе землевладѣльцы, объединенные чувствомъ мѣстнаго патріотизма и личной дружбой, принимали живое и дѣятельное участіе въ дѣлахъ шейроваго суда, защищая мѣстные обычаи противъ шерифовъ и судей, выступая присяжными, принимая участіе въ сборѣ податей, охраняя общественный миръ и замѣщая (съ XIV в.) мелкія должности. Были ли они избираемы своими товарищами, или назначались королемъ—въ обоихъ этихъ случаяхъ они исполняли свои обязанности безвозмездно и считали себя защитниками мѣстной свободы противъ узурпаціи власти. Въ Франціи область байли и еще болѣе область подчиненнаго ему прэво была произвольно созданной единицей безъ всякаго естественнаго единства или чувства корпоративности; и поэтому въ нихъ и не было организованнаго противодѣйствія административной власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ не было и основаній для короны считаться съ мнѣніями мѣстныхъ людей. Въ плантагенетовской системѣ сильный средній классъ проходилъ серьезную политическую школу: Капетинги же ревниво отстраняли отъ власти и отвѣтственности всѣхъ мѣстныхъ людей. Въ Англіи слѣдующая ступень государственнаго развитія—учрежденіе національнаго собранія третьяго сословія была блестяще проведено, такъ какъ палата общинъ собрала, главнымъ образомъ, тѣхъ представителей, которые уже принимали участіе въ мѣстномъ управленіи. Во Франціи третье сословіе, къ которому хотя и постоянно обращаются въ XIV вѣкѣ, обнаруживаетъ себя политически совершенно неспособнымъ.

Какъ во Франціи, такъ и въ Англіи (послѣ 1066 г.) національное собраніе первоначально имѣетъ видъ феодаль-

наго совѣта, состоящаго изъ прелатовъ и бароновъ, держащихъ свои земли и должности непосредственно отъ короля. Но во Франціи до XII вѣка оно рѣдко собирается, слабо посѣщается и, обычно не признаваемое крупными феодалами, является скорѣе собраніемъ сторонниковъ короля, чѣмъ общимъ національнымъ собраніемъ. Въ Англіи Большой Совѣтъ Норманской династіи, унаслѣдовавъ авторитетъ и права англосаксонскаго витенагемота съ самаго начала занялъ болѣе почетное положеніе. Даже Вильгельмъ I или Генрихъ II тщательно соблюдали обычай совѣщаться со знатью относительно изданія законовъ и новаго обложенія; при сынѣ и внукѣ Генриха II права собранія были расширены и болѣе точно опредѣлены. Затрудненія королевской власти шли на пользу церкви и баронамъ. Великій Совѣтъ притязаетъ теперь на право назначать и удалять высшихъ должностныхъ лицъ; отказывать въ денежной и военной помощи, пока не будутъ удовлетворены ихъ жалобы; ограничивать прерогативу или даже присваивать ее себѣ, если ею злоупотребляютъ. И англійская знать, стѣсненная въ своемъ стремленіи властвовать надъ опредѣленной территоріей, нашла въ своемъ участіи въ совѣтѣ, въ которомъ она играла роль оппозиціи, поле для своей дѣятельности и развитія. Во Франціи не было такого парламентскаго движенія, ибо тамъ отсутствовали основныя условія его успѣха; ибо тамъ было безнадежнымъ призывать къ общественному мнѣнію на борьбу съ добившейся успѣха и уважаемой королевской властью во имя собранія, никогда не пользовавшагося симпатіями. При этихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что совершенно различны окончились попытки преобразовать національное собраніе, предпринятыя Эдуардомъ I и его современникомъ Филиппомъ Красивымъ. Передъ обоими государями стояла одна и та же задача: создать собраніе, которое было бы признано компетентнымъ облагать государство новыми податями. И рѣшеніе этой задачи въ обоихъ случаяхъ напоминаетъ одно другое: представители свободныхъ городовъ были допущены въ Etats Généraux, представители свободныхъ городовъ и шейровъ въ Англійскій парламентъ; въ обоихъ случаяхъ въ феодальный совѣтъ вплели третье сословіе. Но результаты этихъ двухъ опытовъ были рѣзко противоположны, какъ по своему характеру, такъ и судьбамъ. Генеральные штаты—собственно вновь созданные, никогда не знавали, что значитъ власть требовать и какъ ея добиться. Они не смѣли или почти не смогли использовать

свою денежную силу; и они дискредитировали себя въ глазахъ націи, проявляя свою слабость и нерѣшительность въ первомъ же большомъ кризисѣ, разрѣшить который они были созваны: въ междуцарствіи, слѣдовавшемъ за плѣненіемъ короля Іоанна при Пуатье (1356 г.); это привело къ тому, что Генеральные штаты, къ которымъ время отъ времени обращались, чтобы они скрѣпили бы общую политику или отдѣльный декретъ королевской власти—остались лишь орнаментальнымъ украшеніемъ французскаго государственнаго строя. Въ Англіи—въ противоположность этому—общины заняли положеніе союзниковъ высшихъ сословій въ ихъ борьбѣ съ королевской властью; и новый парламентъ преслѣдовалъ цѣли и тактику стараго большого совѣта, имѣя всѣ преимущества, вытекающія изъ исключительнаго права облагать податями. Въ теченіе болѣе 200 лѣтъ онъ былъ народнымъ собраніемъ, какъ по своей формѣ, такъ и по своимъ притязаніямъ. Наиболѣе дѣятельными членами нижней палаты являлись представители мелкой помѣстной знати; и „общины" (Commons) были смѣлы въ своихъ требованіяхъ лишь тогда, когда въ нападеніяхъ на королевскую власть они опирались на опредѣленную часть палаты лордовъ. Этотъ союзъ палатъ преобразовалъ характеръ англійскаго управленія. За періодъ меньшій, чѣмъ два столѣтія парламентъ низложилъ пять королей и призналъ права за тремя династіями; онъ предуказалъ потомству тѣ способы, пользуясь которыми, можно вести борьбу и низвергать абсолютизмъ, не прибѣгая къ гражданской войнѣ; и онъ доказалъ, что представительный элементъ въ государствѣ можетъ подчинить себѣ и короля и знать, если только у него хватаетъ смѣлости дѣлать логическіе выводы изъ признанныхъ положеній.

Но даже и въ Англіи средневѣковый парламентъ трудно назвать законодательнымъ учрежденіемъ въ нашемъ смыслѣ слова. Изданіе постоянныхъ общихъ законовъ было для парламента случайнымъ явленіемъ. Новые законы обыкновенно создавались по просьбѣ палатъ; но они создавались королемъ и королевскими юристами и часто принимали видъ, далеко не соотвѣтствующій желаніямъ петиціонеровъ. Наиболѣе существенныя измѣненія въ законахъ страны не создавались, но выростали изъ единообразныхъ рѣшеній судебныхъ споровъ. Главной обязанностью парламентовъ, кромѣ голосованія налоговъ, было осуждать и жаловаться указывать на неудачность политики, въ созданіи которой

они не участвовали. И если забыть объ ихъ роли въ защитѣ свободы личности, то нельзя сказать, что они создали средневѣковое управленіе болѣе сильнымъ или болѣе послѣдовательнымъ. Въ XV вѣкѣ палата общинъ ничѣмъ не была стѣснена въ своей критикѣ Ланкастерской династіи; но все же правильное опредѣленіе болѣзни политическаго организма Англіи выпало на долю неограниченныхъ монарховъ Іоркской династіи и династіи Тюдоровъ. И, быть можетъ, правильно поступили во Франціи и въ Англіи, когда въ концѣ среднихъ вѣковъ тяготы національнаго обновленія были возложены на правителей, пренебрегавшихъ или обходившихъ представительныя учрежденія. Средневѣковый парламентъ достоинъ всяческаго уваженія, какъ учрежденіе, обуздывающее и уравновѣшивающее другія, какъ символъ народнаго верховенства, какъ школа политической мысли. Но ни одинъ изъ средневѣковыхъ парламентовъ не былъ способенъ занять руководящаго положенія въ созданіи опредѣленной политики, или же въ преобразованіи государственныхъ учрежденій.

VIII. Колонизаціи. Крестовые походы.

Ни внутреннее развитіе средневѣковаго государства, ни исторія внѣшнихъ отношеній средневѣковой Европы—не могутъ быть выяснены безъ постояннаго упоминанія о сословныхъ различіяхъ. Прежде всего, во всякомъ государствѣ рѣзкая горизонтальная черта отдѣляетъ немногихъ привилегированныхъ отъ многихъ непривилегированныхъ, правящихъ отъ правимыхъ. Подъ этой чертой находятся купцы, ремесленники и крестьяне, надъ ней крупные землевладѣльцы и духовенство. Если гдѣ-нибудь случайно промышленныя коммуны, какъ, напр., Миланъ или Гентъ, добиваются политической независимости, то это явленіе признается ненормальнымъ и революціоннымъ; еще сильнѣе недоумѣніе, когда крестьяне, какъ, напр., въ Швейцаріи, сбрасываютъ съ себя то, что признается ихъ естественнымъ подчиненіемъ. И такіе случаи успѣшныхъ возстаній—рѣдки. Правда, въ Англіи, во Франціи и въ испанскихъ королевствахъ мы встрѣчаемъ привилегированные города, владѣющіе правомъ представительства въ національныхъ собраніяхъ, но эти уступки торгово-промышленному населенію чрезвычайно ограничены; представители горожанъ не въ правѣ высказывать свои мнѣнія

до того, что къ нимъ обратятся за денежной или военной помощью. Управленіе—дѣло короля и привилегированныхъ сословій. Съ другой стороны, вертикальная черта раздѣляетъ различныя группы свѣтской и духовной аристократіи. Прелаты и бароны, рыцари и священники, тѣсно объединенные, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы указать непривилегированнымъ ихъ мѣсто, въ другихъ случаяхъ соперничаютъ другъ съ другомъ изъ-за соціальнаго вліянія и политической власти и защищаютъ различныя міровоззрѣнія. Люди церкви, объединенные изъ различныхъ соціальныхъ слоевъ въ одну группу, относятся пренебрежительно къ свѣтскимъ подраздѣленіямъ и титуламъ, они настаиваютъ на своемъ превосходствѣ надъ мірянами, они утверждаютъ, что дѣло церкви повелѣвать, а князей — повиноваться. Свѣтскіе феодалы, составляя наслѣдственное военное сословіе, считаютъ войну высшимъ и единственно достойнымъ для себя занятіемъ, ихъ раздражаютъ притязанія духовенства, и они склонны утверждать, что церковь не должна вмѣшиваться въ политику. Было бы ошибочнымъ представлять себѣ оба привилегированныхъ сословія постоянно борющимися другъ съ другомъ и съ соціально имъ подчиненными. Но великая борьба папъ съ императорами и крестьянскія возстанія XIV вѣка во Франціи и въ Англіи не были случайными и неожиданными событіями. Каждый такой взрывъ—какъ и взрывъ вулкана—указываетъ на постоянную борьбу подземныхъ силъ. Состояніе мира въ средневѣковомъ обществѣ было состояніемъ напряженія; равновѣсіе лишь неустойчиво уравнивало центробѣжныя и центростремительныя силы. И въ этомъ лежало одно изъ основаній, почему войны, отвлеченно осуждаемыя церковью, признавались желательными трезвыми руководителями политической жизни. Во многихъ отношеніяхъ удачная война способствовала замиренію враждующихъ сословій. Она открывала выходъ безпокойнымъ и разрушительнымъ силамъ феодализма; часто она оканчивалась завоеваніями, которыми могли быть надолго удовлетворены безземельные элементы. Она открывала новые рынки купцамъ, возможность переселенія крестьянамъ и новыя области вліянія національной церкви. И что всего важнѣе, она возбуждала общія для всѣхъ сословій чувства преданности своей странѣ или религіи и создавала сознаніе обязательствъ, заглушая своекорыстныя стремленія.

Такая идеологія управленія можетъ намъ казаться гру-

бой и варварской. Идея націи, какъ системы сословій, и идея національнаго единства, какъ условія осуществляемаго лишь тогда, когда всѣ сословія согласно устремляются къ достиженію цѣли, являющейся внѣшней по отношенію къ повседневной жизни націи,—такая идея—чужда нашему политическому міровоззрѣнію. Мы думаемъ теперь, что, устранивъ сословныя привилегіи, мы придали государству менѣе раздѣленный и болѣе органическій характеръ. Мы считаемъ, что государство существуетъ для осуществленія постоянно присущей ему цѣли, которую мы могли бы выразить въ формулѣ „наибольшее благо наибольшаго числа". Но мы все же такъ далеки отъ примиренія дѣйствительности съ теоріей, что не безъ колебанія можемъ осуждать отношеніе средневѣковаго государства къ войнѣ.

Завоевательныхъ войнъ было въ средніе вѣка меньше, чѣмъ мы это можемъ ожидать, и обычно онѣ были бы незначительными по своему размаху. Ихъ сравнительная рѣдкость можетъ быть объяснена моральными представленіями и экономическими условіями. „Общественное мнѣніе", воспитанное церковью, разсматривая западное христіанство, какъ единую общину, требовало и въ международныхъ отношеніяхъ извѣстнаго уваженія къ обычнымъ требованіямъ морали. Кромѣ того, средневѣковое государство, слабо объединенное и защищаемое отдѣльными разсѣянными крѣпостями, обнаруживало поразительную живучесть своихъ составныхъ организмовъ и могло быть окончательно подчинено только при значительныхъ усиліяхъ—прежде всего финансовыхъ—со стороны нападающаго, усиліяхъ, которыя были непреодолимы для средневѣковаго государства при его организаціи государственнаго хозяйства. Эдуардъ I не смогъ завоевать королевство Шотландское; и французскія провинціи, уступленныя Эдуарду III, чрезвычайно скоро выскользнули изъ его рукъ. Войнами съ прочными достиженіями были лишь пограничныя войны противъ разрозненныхъ племенъ Восточной Европы, или же противъ разрушающихся мусульманскихъ государствъ Средиземнаго моря. И эти войны были обычнымъ явленіемъ— онѣ предпринимались или государствами, географически наиболѣе удобно расположенными для выполненія этой цѣли, или же покинувшими свою страну выходцами, ищущими новыхъ поселеній.

Проповѣдь церкви обратила значительную часть этихъ пограничныхъ войнъ въ Крестовые походы для распростра-

ненія христіанства, уничтоженія невѣрующихъ, или же защиты Св. мѣстъ. Часто религіозныя цѣли привносились лишь впослѣдствіи, сообщая налетъ уваженія дѣяніямъ, которыя было бы трудно иначе оправдать. Лишь иногда добровольцы становились подъ знамена церкви, жертвуя своими матеріальными интересами для спасенія, какъ они думали, своей души, и на благо христіанства. Но въ этомъ самоотреченіи не было ничего типично христіанскаго; значительно ранѣе оно эпидемически проявилось въ магометанствѣ, способствуя значительнымъ побѣдамъ ислама надъ европейскими государствами и Западной имперіей. Эпидемически—западное христіанство захватывалось на сравнительно небольшой періодъ времени, и всего лишь разъ или два создало движенія, соизмѣримыя съ тѣми, которыя вышли изъ Аравіи, Малой Азіи и Африки, но и они не привели ни къ одному завоеванію, которое могло бы тягаться съ созданіемъ Багдадскаго, Кордовскаго или Каирскаго калифата. Но Крестовые походы въ одномъ отношеніи болѣе замѣчательны, чѣмъ магометанскія завоеванія. Западная Европа давно уже вышла изъ кочевнической стадіи культуры, и даже правящія сословія западныхъ христіанскихъ государствъ, какъ бы они ни казались бы намъ космополитичными, многими нитями были привязаны къ своей родной землѣ. Если размѣры предпріятій были меньше на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ, то и то, что надо было привести въ движеніе, было болѣе неповоротливымъ и инертнымъ, и награды, носящіяся передъ глазами участниковъ, были менѣе ощутимыми и вѣрными. Было не мало предпріятій, для выполненія которыхъ церковь могла безъ труда найти добровольцевъ. Но тѣ предпріятія, къ которымъ она относилась особенно любовно, были отдаленными, случайными и трудными, и большинство участниковъ Крестовыхъ походовъ не ожидало для себя никакихъ личныхъ пріобрѣтеній. Въ концѣ концовъ, предпріятія, съ особымъ вниманіемъ руководимыя церковью, оказались наименѣе успѣшными. Не на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря, но въ Испаніи, Южной Италіи и въ Средней Европѣ непрерывно расширялись границы западнаго христіанства. Но для историка неудачи не менѣе интересны, чѣмъ достиженія.

Эпоха пограничныхъ войнъ и пограничной колонизаціи начинается много раньше появленія идеи крестовыхъ походовъ. Въ исторіи Германіи явленія разселенія начинаются съ Генриха Птицелова; онъ, завоевавъ Бранденбургъ (928 г.)

и присоединивъ языческія племена между Эльбой и Одеромъ, началъ политику переселенія и колонизаціи, которую медленно и настойчиво продолжали въ теченіе болѣе 200 лѣтъ маркграфы этихъ областей. Въ болѣе позднюю эпоху крестоносцы помогали осуществленію этой политики; но съ самаго начала она была связана съ распространеніемъ христіанства и поддерживалась основаніемъ пограничныхъ епископій и церквей, подчиненныхъ архіепископамъ гамбургскимъ и магдебургскимъ. Люди, стоявшіе во главѣ этого движенія, преслѣдовали, исключительно свѣтскія, (или же лично корыстныя) цѣли. Величайшіе изъ нихъ—Генрихъ Левъ, герцогъ саксонскій (1142—1180 гг.) и Альбертъ Медвѣдь, маркграфъ Брандебургскій (1134—1170 гг.), сосредоточили свои силы на развитіи и расширеніи своихъ владѣній, давили славянъ, враждующихъ другъ съ другомъ и со своими христіанскими сосѣдями, пренебрегали національными интересами и открыто пользовались церковью, какъ орудіемъ своихъ притязаній. Но въ государственномъ строительствѣ они проявили поразительную искусность, залучивъ себѣ въ союзники балтійскихъ купцовъ и крестьянъ Сѣверной Германіи и Нидерландовъ. Подъ ихъ управленіемъ, и подъ управленіемъ ихъ наиболѣе успѣшныхъ подражателей, Тевтонскаго Ордена въ Пруссіи—города, какъ Любекъ (основанъ въ 1143 г.) и Данцигъ (колонизованъ въ 1308 г.), сдѣлались центромъ германской торговли и культуры, а равнины въ бассейнѣ Эльбы и Одера покрылись рядомъ вновь основанныхъ переселенцами деревень. Значеніе этой колонизаціи не ограничивается областями, непосредственно ею затронутыми и выходитъ изъ рамокъ средневѣковой исторіи. Въ колонизаціонной области были заложены основы современной Пруссіи и Саксоніи. Колонизація утвердила связь Польши и Чехіи съ системой средневѣковыхъ государствъ Западной Европы и обусловленное этой связью раздѣленіе славянскихъ народовъ на западную и восточную группы; распространеніе Русскаго государства на западъ было предупреждено и остановлено этими ранними піонерами германской и римской культуры. Менѣе важнымъ было германское передвиженіе вдоль Дуная, отъ рѣки Иннъ до Вѣны и венгерской границы, движеніе во главѣ котораго стояла династія Бабенберговъ (971 — 1246 гг.) — сначала маркграфовъ, а потомъ герцоговъ Австріи. Власть Габсбурговъ, какъ и Гогенцоллерновъ, является отчасти наслѣдіемъ тѣхъ средневѣковыхъ

пограничныхъ князей, которые сумѣли вдвинуть германскій клинъ въ сердцевину славянскихъ поселеній.

Исторія этой нѣмецкой колонизаціи часто показываетъ, сколь естественно ея отдѣльныя предпріятія обращаются въ крестовые походы. Въ 1147 г. значительному числу германкихъ пилигримовъ, отправляющихся во второй крестовый походъ, было разрѣшено выполнить свой обѣтъ въ борьбѣ противъ славянъ въ Саксоніи и Бранденбургѣ. Бабенбергскіе герцоги, утомленные однообразіемъ борьбы на Дунаѣ, стремились на востокъ—къ завоеванію Египта или Палестины, и на западъ къ уничтоженію альбигойцевъ въ Лангедокѣ и невѣрныхъ въ Испаніи. И если мы, оставивъ Германію, обратимся къ Испаніи, то насъ поразитъ тѣсный союзъ религіознаго рвенія съ коммерческимъ расчетомъ. Отвоевываніе христіанами Испаніи и Португаліи началось за два и за три поколѣнія до Клермонскаго собора; и это первоначальное движеніе на югъ противъ Кордовскаго калифата превосходитъ успѣхами послѣдующіе крестовые походы. Въ Испаніи, какъ и въ германскихъ маркахъ, піонеры христіанства ведутъ беззастѣнчивую борьбу, заботясь исключительно объ успѣхѣ. Среди нихъ были и такіе люди, какъ напр., Сидъ Кампеадоръ (ум. 1099 г.),—попеременно служившій и предававшій какъ христіанъ, такъ и мавровъ, основывая свое княжество при помощи обѣихъ религій, и признанный въ концѣ концовъ кастильцами героемъ и мученикомъ, такъ какъ ему выпало счастье умереть въ то время, когда онъ былъ вѣренъ имъ. Многіе изъ „конквистадоровъ“ осѣдали среди обязаннаго имъ данью, хотя и не принявшаго христіанства—магометанскаго населенія, перенимая ихъ обычаи и недостатки. Но въ Испаніи племенная ненависть мавровъ и христіанъ постоянно усиливалась религіознымъ рвеніемъ. И нѣсколько разъ христіанство переживаетъ опасность своего полнаго искорененія. Въ X в. два великихъ Кордовскихъ калифа Абдеррахманъ III и Аль-Манзуръ заставляютъ кастильцевъ удалиться въ горы сѣверной Испаніи, и нападаютъ на самыя отдаленныя христіанскія княжества. Нѣсколько времени спустя дикія берберскія орды альморавидовъ и альмогадовъ переправляются изъ Африки, чтобы завладѣть владѣніями омайядовъ, и еще ожесточеннѣе вести священную войну; новые опасности возбуждаютъ фанатизмъ среди христіанскаго населенія, не уступающій фанатизму этихъ дикихъ ордъ. Испанскіе хри-

стіане призываютъ на помощь своихъ сѣверныхъ сосѣдей; добровольцы изъ Нормандіи, Аквитаніи и Бургундіи устремляются черезъ Пиринеи, чтобы принять участіе въ борьбѣ креста съ полумѣсяцемъ и чтобы, быть можетъ, добиться богатой добычи или основать колоніи. Это движеніе было съ самаго начала взято Римомъ подъ свое покровительство; Григорій VII далъ переселенцамъ свое папское благословленіе при томъ условіи, что ихъ завоеванія они признаютъ вассальными Святому престолу (1073 г.). А вмѣстѣ съ тѣмъ каждая новая борьба съ маврами была оффиціально признана услугой католической церкви.

Но и въ Испаніи свѣтскіе интересы играли преобладающую роль. Всѣ слои христіанскихъ государствъ были заинтересованы въ отвоеваніи новыхъ областей изъ власти невѣрныхъ. Верхніе слои получали новые фьефы, горожане устремлялись въ города, оставленные маврами, или же основывали новые, обезпеченные широкими привилегіями; кругомъ городовъ селились крестьяне, охотно мѣнявшіе обезпеченность своей тяжелой жизни, на необезпеченность, сулившую имъ большіе доходы. Никто изъ королей не пользовался столь широкой славой, какъ тѣ, которые предпринимали и доводили до успѣшнаго конца такіе походы. Одинъ изъ этихъ государей—Яковъ Великій Аррагонскій—оставилъ намъ поучительное и полное описаніе того, сколь умѣло было имъ и его подданными использованъ одинъ изъ „Крестовыхъ походовъ“. Шести лѣтъ онъ унаслѣдовалъ раздѣленное королевство и призрачную королевскую власть, четырнадцати, онъ началъ ожесточенную борьбу съ своевольными баронами и городами, борьбу, длившуюся пять лѣтъ и доставившую ему больше уваженія, чѣмъ реальныхъ успѣховъ. И когда, въ концѣ концовъ, повстанцы просили о мирѣ, онъ принужденъ былъ заключить его, не добившись уступокъ; королевская власть оставалась столь же немощной, какъ и до войны. Нѣсколько времени спустя Яковъ Великій задумалъ пойти войной на мавровъ Балеарскихъ островов „для того, чтобы обратить ихъ королевство къ служенію Господу Богу, или же истребить ихъ“. Онъ изложилъ свой планъ кортесамъ (1229 г.); и сейчасъ же противорѣчія обратились въ согласованность, безразличіе къ общимъ дѣламъ—въ національный энтузіазмъ. Бароны рѣшили, что завоеваніе островного сарацинскаго королевства будетъ величайшимъ подвигомъ христіанъ за послѣднія сто лѣтъ. Они согласились помочь со-

брать войско, и лично отправиться въ походъ; конечно, при томъ условіи, что распредѣленіе добычи должно происходить въ соотвѣтствіи съ величиной отрядовъ каждаго изъ нихъ. Архіепископъ Таррагонскій, говоря отъ имени духовенства, утверждалъ, что наконецъ ему удалось дожить до истиннаго прославленія Бога. Онъ не можетъ самъ отправиться въ походъ, онъ слишкомъ старъ, но пусть король въ этомъ святомъ дѣлѣ располагаетъ людьми и достояніемъ, и онъ охотно даетъ разрѣшеніе всѣмъ епископамъ и аббатамъ, желающимъ итти съ королемъ; но и онъ подчеркиваетъ, что клирики-крестоносцы, должны принимать участіе въ дѣлежѣ добычи на равныхъ основаніяхъ съ свѣтскими. Въ этомъ же смыслѣ, съ этими же оговорками высказались и представители городовъ. Предпріятіе окончилось съ блестящимъ успѣхомъ. Майорка была покорена послѣ долгихъ усилій, Минорка сдалась безъ сопротивленія, а архіепископъ Таррагонскій, получившій на то особое разрѣшеніе короля завоевалъ Ивику лично для себя. Но мавры не были ни истреблены, ни обращены въ христіанство. Населеніе Майорки обратилось въ держателей тѣхъ крестоносцевъ, между которыми этотъ островъ былъ раздѣленъ. Минорка обязалась платить ежегодную дань королю. Въ обоихъ островахъ было обезпечено исполненіе туземныхъ обычаевъ и религіи. Описывая свой крестовый походъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его окончанія, Яковъ Великій высказываетъ свое полное удовлетвореніе его результатами. Съ Минорки онъ получаетъ не только обусловленную дань, но и все, что онъ ни пожелалъ бы. Что же касается Майорки, то Господь Богъ благословилъ ее плодородіемъ, и ея урожаи при христіанскихъ правителяхъ вдвое превышаютъ урожаи магометанъ.

Намъ теперь легче понять сложность тѣхъ мотивовъ, которые одушевляли проповѣдниковъ, руководителей и воинство крестовыхъ походовъ, которые по существу являются развитіемъ въ болѣе широкомъ масштабѣ германскихъ, испанскихъ и норманскихъ завоевательныхъ войнъ.

Какъ и войны въ Испаніи крестовые походы были внушены опасеніемъ наступленія магометанъ; непосредственнымъ поводомъ перваго крестоваго похода были успѣхи турокъ-сельджуковъ,—предводительствуемыхъ Альпъ-Арсланомъ и Меликъ-Шахомъ (1071—1092 гг.). Эти дикіе и фанатическіе узурпаторы власти Багдадскихъ калифовъ въ 20 лѣтъ подчинили себѣ всю Малую Азію и Сирію; они нанесли тяже-

лый ударъ Восточной имперіи при Манзикертѣ (1071 г.) и основали въ Малой Азіи румскій султанатъ, а въ Сиріи рядъ мелкихъ княжествъ. Византійскіе государи настойчиво требовали помощи отъ Запада, а пилигримы, возвращавшіеся изъ Св. мѣстъ, горько жаловались на оскорбленія и притѣсненія, которыми новые завоеватели выказывали свою ненависть христіанской вѣрѣ. Григорій VII, немедленно послѣ своего избранія, рѣшилъ организовать помощь Восточной имперіи, которую онъ справедливо считалъ форпостомъ христіанства. Онъ обратился съ общимъ призывомъ къ европейскимъ государямъ, прося помощи и личной службы; онъ даже самъ готовъ былъ принять участіе въ походѣ. Но Григорій VII не владѣлъ способностью возбуждать народное воодушевленіе, и кромѣ того онъ далъ поводъ подозрѣнію, что собранное ополченіе онъ употребитъ прежде всего для борьбы съ норманнами Южной Италіи. На его призывъ откликнулись лишь немногіе добровольцы, и его силы вскорѣ были отвлечены борьбой съ имперіей. Урбану II выпало на долю оживить планы Григорія—въ иномъ, болѣе увлекательномъ видѣ въ то время, когда были подломлены силы Генриха IV, а единство и власть сельджуковъ были поколеблены смертью Меликъ-Шаха. Въ дѣйствительности турецкая опасность была тогда дѣломъ прошлаго; но если Урбанъ II и былъ правильно освѣдомленъ о слабости турокъ, то ему не надо было основательно быть знакомымъ съ ихъ исторіей, чтобы понимать, что одно наступательное движеніе ислама замираетъ для того лишь, чтобы уступить мѣсто другому. Подобно Григорію VII Урбанъ II хотѣлъ усилить Восточную имперію; но его планы отличались отъ плановъ его предшественника желаніемъ создать Латинское государство въ Палестинѣ для охраны Іерусалима и юго-восточной части Средиземнаго моря. Какъ первый крестовый походъ, такъ и второй и третій, всѣ они были отвѣтами на новые успѣхи магометанъ. Провозглашеніе второго крестоваго похода было слѣдствіемъ паденія Эдессы, охранявшей сѣверо-востокъ Латинскаго королевства. Третій крестовый походъ (1189 г.) былъ организованъ для отвоеванія Іерусалима и для борьбы съ Египетскимъ султанатомъ, который подъ властью Саладина, стоялъ наканунѣ завоеванія не только Сиріи, но и Малой Азіи и долины Евфрата. Достойная удивленія неудача похода, въ которомъ принимали участіе германскій императоръ, французскій и англійскій короли и рядъ мелкихъ

князей была причиной суевѣрнаго страха передъ Египтомъ. Пятый крестовый походъ (1217 г.) и седьмой (1248 г.) растратили свои силы въ безплодной и гибельной нильской экспедиціи.

Крестовые походы искренне воодушевили многихъ своихъ свѣтскихъ руководителей, какъ дѣло величайшей политической важности. Другіе, руководимые болѣе чувствомъ, чѣмъ политическимъ разсчетомъ, горѣли желаніемъ узрѣть Св. мѣста и, освободивъ ихъ, создать изъ нихъ общее владѣніе христіанъ. Но наиболѣе настойчивые и добившіеся успѣха шли на востокъ, руководимые тѣми же стремленіями, которые заставляли ихъ переходить Эльбу, Альпы или Пиринеи, желаніемъ урвать для себя новыя земли, мало заботясь о томъ, у кого они ихъ урываютъ: у византійцевъ или сарацинъ. Конечно, суверенные государи, принимавшіе участіе въ крестовыхъ походахъ, не входятъ въ эту группу. Для нихъ такой походъ былъ или исканіемъ приключеній, или тяжелымъ искупленіемъ грѣховъ, или же способомъ добиться уваженія своихъ подданныхъ; и часто корыстные и даже національные интересы сознательно приносились въ жертву болѣе высокимъ обязанностямъ. И какъ бы ни были низки ихъ истинныя стремленія, они не рѣшались отклоняться отъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ общимъ воодушевленіемъ. Даже Фридрихъ II, котораго менѣе другихъ трогали интересы христіанства и который стремился лишь къ тому, чтобы причинить вредъ папѣ, довелъ до конца свое дѣло, прежде чѣмъ рѣшился возвратиться. Но если во главѣ крестоваго похода становились мелкіе князья, то онъ принималъ характеръ разбойничьяго предпріятія. Въ извѣстномъ смыслѣ папа былъ отвѣтственъ за каждый крестовый походъ. Онъ обращался съ призывомъ, онъ просилъ помощи у мірянъ и требовалъ ея у національныхъ церквей, онъ давалъ церковное одобреніе крестовыхъ походовъ. Онъ имѣлъ право голоса въ выборѣ руководителей и на предварительныхъ военныхъ совѣтахъ. Одинъ или нѣсколько его легатовъ сопровождали ополченіе. Но если вожаки отказывались слушать его совѣты и пренебрегали его представителями, послѣ того, какъ походъ начался, онъ былъ безсиленъ. Обычно, конечно, его желанія находили бы свой откликъ у ополченцовъ, свободныхъ отъ искушеній своихъ руководителей. И ополченцы часто противились тѣмъ цѣлямъ, выполненія которыхъ отъ нихъ требовали, но очень

Крестовые походы.

рѣдко они—безпомощные въ чужой странѣ—могли добиться ихъ измѣненія.

Эти общія положенія могутъ быть иллюстрированы примѣрами изъ перваго и четвертаго крестоваго похода.

Готфридъ Бульонскій, вмѣстѣ съ другими руководителями перваго крестоваго похода, принесъ въ Константинополѣ клятву вѣрности императору Алексѣю и обязался признать всѣ завоеванныя имъ земли вассальными отъ него. Это обязательство не было, конечно, добровольнымъ, но лишь платой за право свободнаго прохода черезъ византійскія владѣнія. Послѣдующія событія показали, однако, что вожаки крестоносцевъ не хотѣли признавать свои завоеванія фьефами Св. Престола, отъ имени котораго они вели борьбу. Чѣмъ ближе они подходили къ Св. Землѣ, тѣмъ яснѣе становилось, что отвоеваніе Гроба Господня было для нихъ дѣломъ второстепеннымъ. Въ Тарсѣ и Антіохіи уже начались ожесточенные споры изъ-за завоеванныхъ областей. Балдуинъ бросаетъ общее дѣло, для того, чтобы основать свое княжество въ Эдессѣ. Лишь только Антіохія присуждается Боэмунду, онъ отказывается двигаться дальше, боясь, какъ бы кто изъ его соперниковъ не отнялъ бы у него добычи. Раймондъ Тулузскій отдѣляется отъ другихъ для завоеванія себѣ Триполи и лишь съ большимъ трудомъ его удается заставить продолжать походъ. И конечнымъ результатомъ похода, стоившаго десятки тысячъ жертвъ, является созданіе четырехъ государствъ—Іерусалимскаго, Эдесскаго, Антіохійскаго и Триполитанскаго. Въ теченіе ближайшихъ 80 лѣтъ стремленія ихъ князей было направлены на расширеніе ихъ границъ и на закрѣпленіе ихъ подъ владычествомъ Іерусалима. Дѣятели крестоваго похода признавались борцами за Крестъ Господень, и для защиты ихъ владѣній были созданы съ благословенія церкви два рыцарскихъ ордена Тампліеровъ и Госпиталіеровъ; не говоря о значительныхъ предпріятіяхъ 1101, 1147 и 1189 гг. ежегодно прибывали ратники-пилигримы чтобы принять участіе въ непрекращающихся схваткахъ. Но трудно было бы все же найти матеріалъ для доказательства того, что король Іерусалимскій или же кто-либо изъ его главныхъ вассаловъ оправдывали свое положеніе, забывая о своихъ личныхъ интересахъ. Что ихъ владѣнія были недостаточно колонизованы, не можетъ быть поставлено имъ въ вину; лишь рыцарей и купцовъ привлекала Св. Земля. Но слабость вновь основанныхъ государствъ уве-

личивалась постоянной борьбой и недовѣріемъ другъ къ другу.

Болѣе ста лѣтъ прошло, прежде чѣмъ было организовано второе предпріятіе такого же рода. Второй крестовый походъ—возбужденный проповѣдью св. Бернарда, противъ своей воли подчинившагося требованію Св. Престола, былъ скверно подготовленъ, скверно проведенъ, и его неудачи были столь гибельными, что они вызвали сильное возмущеніе противъ той политики, дѣтищемъ которой онъ былъ. Онъ показалъ безнадежность предпріятія, въ которомъ обращали больше вниманія на религіозные мотивы, чѣмъ на его выполнимость; и онъ вскрылъ разсчетливую корыстность Латинскихъ княжествъ. Но главные вожди этого похода, Людовикъ VII французскій и германскій императоръ Конрадъ II, не могутъ быть обвинены въ неискренности. Они совершали крупныя ошибки, но оставались вѣрными той цѣли, во имя которой они двинулись въ походъ. Также и въ третьемъ крестовомъ походѣ — хотя его неудача и можетъ быть отнесена на счетъ соперничества отдѣльныхъ отрядовъ и вражды Ричарда I англійскаго съ его товарищами по походу—все же отвоеваніе Іерусалима отъ начала и до конца оставалось главной цѣлью похода. Въ немъ были отдѣльныя столкновенія между участниками, мелкія споры латинскихъ поселенцевъ, отказы отъ общаго дѣла. Но не было стремленія использоватъ это паломничество въ корыстныхъ цѣляхъ. Иначе обстояло дѣло въ 1203 г., когда участники четвертаго крестоваго похода отчалили отъ Венеціи, не взявъ съ собой папскаго легата, и открыто пренебрегли приказаніями Иннокентія III, призывъ котораго обезпечилъ все предпріятіе.

Въ этомъ походѣ ни одинъ король не принималъ участія; съ самаго начала онъ находился въ рукахъ мелкихъ феодаловъ, воодушевляемыхъ болѣе идеалами рыцарства, чѣмъ христіанства. Ихъ предводитель Бонифацій Монфератскій, покровитель трубадуровъ и странствующихъ рыцарей, былъ лучшимъ другомъ ненавистнаго папѣ Филиппа Швабскаго, брата и преемника императора Генриха VI. Бонифацій былъ избранъ руководителемъ похода, безъ папскаго на то одобренія; и съ самаго начала въ союзѣ съ Филиппомъ Швабскимъ рѣшилъ направить этотъ походъ противъ Константинополя. Этотъ планъ былъ на время скрытъ отъ ополченцевъ, большинство которыхъ были завербованы на отвоеваніе Св. Гроба. Но рыцари, принимавшіе участіе въ

походѣ, отъ рѣшенія которыхъ въ послѣднемъ счетѣ зависѣло его направленіе, относились равнодушно къ конечнымъ цѣлямъ похода. Ихъ кореннымъ желаніемъ было завоеваніе Египта—добыча гораздо болѣе увлекательная, чѣмъ Палестина, въ которой главные плоды побѣды все-равно будутъ у нихъ оторваны ея прежними завоевателями. Для того, чтобы получить корабли у Венеціи, они по ея волѣ предприняли осаду Зары; и такимъ образомъ первой военной операціей было завоеваніе христіанскаго города, единственной виной котораго было то, что онъ соперничалъ съ Венеціей въ ея главенствующемъ положеніи на Адріатическомъ морѣ. Въ Зарѣ посланцы Филиппа предложили осадить Константинополь, свергнуть византійскаго императора Алексѣя III, и возвести на его тронъ другого Алексѣя, сына Исаака Ангела и шурина Филиппа. Предложеніе встрѣтило восторженную поддержку венеціанцевъ, значительнымъ торговымъ интересамъ которыхъ часто противодѣйствовалъ фанатизмъ городской черни Византійской столицы. Венеціанцы держали весь походъ въ своихъ рукахъ, такъ какъ угроза лишить его кораблей, ставило его участниковъ въ невозможность ни продолжать его ни вернуться обратно; и рыцари, которыхъ не трудно было убѣдить, постарались внушить ополченцамъ всю необходимость похода на Константинополь, несмотря на то, что Алексѣй III поддерживалъ дружескія отношенія съ папой и даже долженъ былъ принимать участіе въ крестовомъ походѣ. Чтобы прикрыть явную перемѣну плана заручились обѣщаніемъ отъ новаго претендента на Византійскій престолъ, что онъ послѣ своего возведенія окажетъ помощь завоеванію Египта людьми, деньгами и припасами.

17 іюля 1203 г. Константинополь, послѣ непродолжительной осады, былъ завоеванъ. Алексѣй III искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и Алексѣй IV былъ водворенъ на его мѣсто. Крестоносцы задержались въ Константинополѣ, внѣшній блескъ котораго сковывалъ ихъ воображеніе и ихъ жадность. Они говорили, что уже приближается зима, и что ихъ ставленникъ не въ безопасности на престолѣ; они лучше обождутъ весны. Но еще до ея прихода—и несмотря на ихъ увѣренія, Алексій IV палъ при національномъ возстаніи (январь 1204 г.), и крестоносцы были рады воспользоваться случаемъ для возсоединенія греческой церкви съ римской и для раздѣленія Греческой имперіи между собой. Былъ

заключенъ договоръ съ венеціанцами, безъ которыхъ нельзя было обойтись, объ избраніи латинскаго императора и о предоставленіи ему четверти всей территоріи; Константинопольская добыча и остающіяся земли имперіи должны были быть поровну раздѣлены между венеціанцами и крестоносцами. Вторично Константинополь былъ подвергнутъ разгрому; пожаръ разрушилъ значительную часть города, и крестоносцы довершили его опустошеніе трехдневнымъ дикимъ грабежомъ и рѣзней. Ни сокровищницы церквей, ни безцѣнные общественные памятники и статуи не были пощажены. Считалось, что добыча равна всему богатству Западной Европы; но когда приступили къ дѣлежу то на долю каждаго рыцаря пришлось по двадцать золотыхъ, десять на долю священника, и пять—ополченца. Другіе пункты договора, отправленнаго для соблюденія формальности на утвержденіе папѣ, были приведены въ исполненіе, не дожидаясь его отвѣта. Венеціанскій кандидатъ графъ Балдуинъ Фландрскій былъ избранъ императоромъ и получилъ азіатскія области. Бонифацій Монфератскій—взамѣнъ императорскаго титула—получилъ королевство Θессалію обнимавшую современную Θессалію и Македонію; а его преемникамъ удалось присоединить еще среднюю Грецію и Морею. Венеціанцы завладѣли островами Іоническаго моря, Кикладами, Эгиной и Негропонтомъ, Албаніей, Акарнаніей и Этоліей, Адріанополемъ съ его областью, и рядомъ другихъ менѣе значительныхъ владѣній.

Папа, поставленный передъ совершившимся фактомъ, потребовалъ выполненія трехъ условій: чтобы латинская вѣра была признана государственной религіей новой имперіи, чтобы владѣнія греческой церкви была бы переданы латинскому духовенству, и чтобы крестоносцы продолжали свой походъ еще до истеченія этого года. Только первое изъ этихъ условій было выполнено. Крестовый походъ Иннокентія III, какъ и крестовый походъ Урбана II, окончился созданіемъ ряда феодальныхъ государствъ и торговыхъ факторій. Но въ 1204 г. едва ли были попытки оправдать этотъ походъ, во имя религіи. Венеціанцы вели себя все время, какъ разбойничающіе купцы; исканіе приключеній и безмѣрное честолюбіе, скорѣе чѣмъ безчестность, характеризуетъ ихъ союзниковъ. Надо признать, что это былъ единственный матеріалъ, которымъ можно было воспользоваться при организаціи похода. Крушеніе идеи крестовыхъ походовъ становилось неизбѣжнымъ.

Нѣсколько увлекательныхъ жизнеописаній украшаетъ однообразіе лѣтописи Латинской имперіи, цѣлостности которой изнутри угрожала вражда феодаловъ, а извнѣ болгары, греческіе деспоты Эпира и греческіе императоры Никеи. Генрихъ Фландрскій — второй Латинскій императоръ (1205—1216 гг.) и единственный выдающійся политическій дѣятель, выдвинутый крестовыми походами; Гильомъ Шамплиттъ, который захватилъ съ сотнею рыцарей Морею и былъ прославленъ угнетенными греками, какъ освободитель, основалъ Ахейское княжество (1205—1209 гг.), чтобы лишиться его изъ-за измѣны своего намѣстника; Никколо Акчіаджіоли (ум. 1365 г.) флорентійскій банкиръ, добившійся положенія владѣтеля Коринѳа, князя Мальты и правителя Ахайи—все это люди, которые при другихъ обстоятельствахъ могли бы добится болѣе прочной славы. Но грековъ было трудно латинизировать кучкѣ предпріимчивыхъ феодаловъ и купцовъ; при первой возможности отдѣльныя области Латинской имперіи одна вслѣдъ за другой, отпадали отъ нея, подчиняясь Никейскому императору. Адріанополь и Ѳессалія были потеряны въ 1222 г. Азіатскія области—въ 1228 г., въ 1261 г. Михаилъ Палеологъ захватилъ Константинополь, который и остался въ рукахъ его рода до завоеванія его турками (1453 г.). Въ Греціи и на островахъ колонисты продолжали сохранять свое владычество и долго спустя послѣ паденія Латинской имперіи. Но послѣдній франкскій герцогъ Аѳинъ погибъ со всѣмъ своимъ рыцарствомъ, сражаясь противъ каталановъ — орды добровольцевъ, состоявшей на половину изъ христіанъ, на половину изъ турокъ (1311 г.). Ахайя, послѣ безславнаго подчиненія Анжуйской династіи Неаполя, была завоевана наварцами (1380 г.). Оба государства едва пережили эти бѣды; но грекамъ и венеціанцамъ удалось захватить лучшія области полуострова: послѣдніе остатки франкской крови и учрежденій были стерты турецкими завоевателями XV в. Но еще до прихода этихъ дикихъ завоевателей венеціанцы и рыцари св. Іоанна, послѣдніе представители Зап. Европы, постепенно начали покидать восточную часть Средиземнаго моря.

Исторія этого поразительнаго эпизода европейской колонизаціи заканчивается миромъ, заключеннымъ венеціанцами съ султаномъ въ 1479 г. и завоеваніемъ Родоса турками въ 1522 г. Но еще въ началѣ XIX в. можно было наблюдать на

островѣ Мальтѣ странное и позорное явленіе: существованіе ордена крестоносцевъ, забывшаго о своихъ обѣтахъ и обязательствахъ и осуществляющаго, въ память заслугъ, оказанныхъ ихъ предшественниками Св. Кресту, средневѣковую тиранію. Другіе ордена такъ же безславно прекратили свое существованіе. Тампліеры, покинувшіе Сирію для жизни въ своихъ европейскихъ помѣстьяхъ и занимавшіеся въ Европѣ торговыми операціями, были обвинены папой Климентомъ V (1312 г.) въ ереси, стремившимся удовлетворить жестокую алчность французскаго короля. Тевтонскій орденъ, успѣшно руководимый своимъ великимъ магистромъ Германомъ Зальцскимъ (1210—1239 г.г.) искалъ новыхъ мѣстъ для своихъ завоеваній. Онъ нашелъ ихъ на нижней Вислѣ, куда онъ и переселился съ согласія папы, германскаго императора и польскаго короля, для покоренія славянъ-язычниковъ. Но онъ здѣсь вступилъ въ конфликтъ съ покровительствовавшимъ ему сперва польскимъ королемъ, изъ-за своего стремленія къ территоріальнымъ расширеніямъ, и принужденъ былъ послѣ 1466 г. удовольствоваться болѣе узкими границами въ Восточной Пруссіи; и когда великій магистръ этого ордена, Гогенцоллернъ по рожденію, въ 1525 г., перешелъ, въ протестантство, обративъ владѣнія ордена въ свою вотчину, то это событіе прошло едва замѣченнымъ.

Остановимся еще въ заключеніе на падающемъ воодушевленіи послѣднихъ крестовыхъ походовъ. Германцы и венгерцы V-го крестоваго похода (1217 г.) проявили больше искренности, чѣмъ дальновидности, поручивъ руководство похода папскому легату и настойчиво выполняя его безразсудные планы. Горя желаніемъ изгнать мусульманъ съ восточнаго побережья Средиземнаго моря, они не хотѣли удовлетвориться ни Даміеттой, которую они завоевали, ни Св. Землей, которую имъ взамѣнъ предлагалъ Египетскій султанъ. Они хотѣли всего или ничего и потеряли въ концѣ концовъ и Даміетту. Ихъ гибель, обусловленная разливомъ Нила, который они забыли предусмотрѣть, былъ траги-комическимъ окончаніемъ похода, алчность и раздоры котораго искупались необычайной смѣлостью. Людовикъ Святой въ своихъ походахъ 1248 и 1270 гг. открыто пренебрегалъ благоразуміемъ и считался святымъ безумцемъ даже своими баронами, которые, однако, были слишкомъ вѣрны, чтобы ему не повиноваться. Но, быть можетъ, такое безумство и украшаетъ исторію. Онъ не былъ

полководцемъ, его нападеніе на Египетъ было обречено на неудачу и было еще гибельнѣе, потому что онъ не принялъ простѣйшихъ мѣръ предосторожности, а нападеніе на Тунисъ, предпринятое въ зной африканскаго лѣта, окончилось, какъ это можно было ожидать, его собственной смертью и уничтоженіемъ его войска повальными болѣзнями. Этими походами не только ничего не было достигнуто, но они были и безплодны, не вызвавъ подражателей. Но теперь, когда столько было сказано дурного о крестовыхъ походахъ и ихъ руководителяхъ, должно еще остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ донкихотской жизни Людовика Святого, приковывающихъ наше воображеніе и возбуждающихъ преклоненіе. Въ плѣну у Египетскаго султана, даже подъ угрозой пытокъ, онъ отказался добыть себѣ свободу цѣною хотя бы единственной христіанской крѣпости. Въ Палестинѣ, почти въ полномъ уединеніи, онъ терпѣливо въ теченіе трехъ лѣтъ ждалъ подкрѣпленій, которыхъ ему непосылали. На смертномъ одрѣ онъ молился, чтобы ему была дана сила презирать удачу и не бояться несчастій. Идеалы могутъ тускнѣть, но память о тѣхъ, которые стремились къ ихъ осуществленію, является прочнымъ достояніемъ человѣчества.

Если мы теперь спросимъ, каковы были осязательные результаты крестовыхъ походовъ, если освобожденіе Св. Гроба обратилось въ легенду, а само названіе „Крестоваго похода“ въ насмѣшливое прозвище всякаго легкомысленнаго и неосуществимаго предпріятія, то мы должны будемъ отвѣтить, что вліяніе крестовыхъ походовъ было не непосредственнымъ и не прямымъ. Они помогли разрушить представленіе о „воинствующей Церкви“, они дали выходъ предпріимчивости феодальныхъ искателей приключеній и они ускорили крушеніе другихъ феодальныхъ родовъ, случайно принявшихъ участіе въ Св. войнѣ. Нельзя доказать, что крестовые походы коренными образомъ измѣнили положеніе крѣпостныхъ и городовъ; хотя, несомнѣнно, что такія предпріятія значительно усложнили государственное хозяйство. Они мало что привнесли въ западно-европейскую культуру, такъ какъ не многому можно было научиться у магометанъ Сиріи. Арабская наука и философія просачивались въ Европу черезъ Палермо и Толедо, гдѣ христіанство мирно сталкивалось и смѣшивалось съ исламомъ. Четвертый крестовый походъ является исключеніемъ изъ этого общаго положенія; это не случайность, что венеціанское искусство и

архитектура быстро развиваются, когда Венеція вступаетъ въ тѣсныя и дружественныя отношенія съ Константинополемъ. Благодаря этимъ отношеніямъ и благодаря изученію памятниковъ искусства, привезенныхъ крестоносцами, венеціанскіе художники вновь обрѣли античное чувство чистой формы и основали школу, античную по духу, и христіанскую лишь по внѣшнимъ, не существеннымъ чертамъ. Ученость и литература, унаслѣдованная Восточной имперіей у Рима и Аѳинъ, не привлекала къ себѣ венеціанскихъ купцовъ. Но къ сѣверу отъ Альпъ, особенно въ Парижѣ, XIII столѣтіе было свидѣтелемъ увеличивающагося интереса къ греческому языку и литературѣ, посколько они были полезны теологамъ или же схоластическимъ спорщикамъ. Въ политическомъ отношеніи четвертый крестовый походъ значителенъ по своему вліянію на распредѣленіе власти внутри Италіи. Онъ выдвинулъ Венецію передъ ея соперниками — Пизой и Генуей, онъ создалъ изъ Венеціи промежуточное звено между Востокомъ и Западомъ; и онъ поставилъ ее во главѣ государства, которое можно было бы сравнить съ Аѳинами или Карѳагеномъ—великими морскими державами древности. Но національныя государства Сѣверной Европы, на которыя пали тяготы и трудности крестовыхъ походовъ, были менѣе затронуты политическими, или какими-либо другими послѣдствіями, чѣмъ государства-города Италіи.

IX. Свободные города.

Города, одаренные особыми привилегіями и управляемые своими властями были разбросаны по территоріи всякаго средневѣковаго государства. Нѣкоторые изъ нихъ, главнымъ образомъ въ Италіи, Южной Франціи и на Рейнѣ, стояли на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше находились муниципіи,—тѣ отображенія древняго Рима, которыя основала имперія, какъ центры управленія и культуры—и даже иногда были окружены ихъ стѣнами, Но даже и въ Италіи средневѣковый городъ унаслѣдовалъ отъ античнаго, въ лучшемъ случаѣ, разрушенныя стѣны, водопроводъ, амфитеатръ и церкви. Варварамъ были чужды муниципіи, какъ учрежденіе, хотя они часто пользовались ими, какъ крѣпостями, королевскими резиденціями или же административными центрами. Горожане потеряли свою свободу; они обратились въ крѣпостныхъ короля, епи-

скопа или графа, и управлялись сеньеріальнымъ чиновникомъ, председательствовавшимъ въ сеньеріальномъ судѣ. Лишь много времени спустя, съ развитіемъ ремесленнаго и торговаго населенія, сдѣлалось необходимымъ начать различать городъ и крѣпостную деревню; но еще долго мелкіе города сохраняли характерныя особенности земледѣльческаго союза. Многіе горожане, кромѣ занятія торговлей или ремесломъ, занимались еще воздѣлываніемъ общинныхъ полей и пасли скотъ на общинныхъ выгонахъ; на улицахъ то и дѣло опадались свиньи и домашнія птицы; и скотный дворъ естественно дополнялъ хозяйство горожанина. Городъ—независимо отъ его размѣровъ—былъ явленіемъ необычайнымъ для юристовъ, воспитанныхъ на древне-германскомъ правѣ. И они признавали, что передъ ними новая форма общины; но они не могли ни опредѣлить ее, ни обобщить. Они предпочитали разсматривать каждый городъ, какъ нѣчто своеобразное, какъ явную аномалію, какъ привилегированное злоупотребленіе.

И, дѣйствительно, опредѣлить, что такое средневѣковый городъ, чрезвычайно трудно, такъ какъ города безконечно отличаются другъ отъ друга по своимъ размѣрамъ, управленію, и составнымъ слоямъ своего населенія. Но въ одномъ отношеніи, они всѣ походятъ другъ на друга; самымъ дѣятельнымъ и вліятельнымъ слоемъ его населенія, хотя и не самымъ многочисленнымъ — являются ремесленники и купцы. Но бокъ о бокъ съ промышленнымъ поселеніемъ продолжало существовать другое, которое часто ожесточенно борется съ развитіемъ промышленности. Въ городѣ—или рядомъ съ нимъ, мы обыкновенно находимъ аббатство или феодальный замокъ, епископскій или королевскій дворъ, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ городское поселеніе. Горожане, пользуясь обычаемъ и покровительствомъ сильныхъ, усилились экономически и сдѣлались независимыми; они купили или присвоили себѣ привилегіи; но они должны еще считаться съ сторонниками старой власти, стремящейся добыть обратно утерянныя права собственности и суда; общій врагъ все время находится внутри городскихъ стѣнъ. Съ другой стороны, если городъ лежитъ на границѣ или же во вновь завоеванной странѣ, то онъ въ такой же степени крѣпость, какъ и рынокъ; значительное число жителей въ такомъ городѣ являются рыцарями или же военными людьми, держащими свои земли за обязанность защищать городъ, и эти горожане естественно равнодушны къ интересамъ торгово-промышленныхъ слоевъ.

И наконецъ, на побережьяхъ Средиземнаго моря, съ ихъ долгой исторической традиціей городской жизни, мы встрѣчаемъ окрестную знать, собирающуюся въ городѣ, строящую себѣ городскіе дома; эта знать часто устраиваетъ заговоры и добивается контроля надъ городскимъ управленіемъ. Часто много времени проходитъ прежде, чѣмъ тѣ элементы городскаго населенія, которые одушевляются мыслью о городской свободѣ, въ состояніи преодолѣть эти враждебныя силы; и еще чаще съ трудомъ добытыя привилегіи вырываются изъ рукъ тѣхъ, для кого они предназначались или же обращаются въ монополію олигархическаго кружка.

И при всемъ этомъ, настроенія и стремленія горожанъ были болѣе однообразными въ различныхъ областяхъ и въ различныхъ эпохи, чѣмъ мы это можемъ предполагать для времени, когда извѣстія медленно передавались изъ одного мѣста въ другое, и когда отношенія каждаго города къ своему „господину" устанавливались особымъ договоромъ. Въ современной Европѣ городъ является административной единицей государства, организованной по установленному типу. Въ средневѣковой Европѣ городская хартія часто была компромиссомъ съ интересами мелкаго сеньора, и даже короли были склонны вести крайне оппортунистическую политику съ городами, стоящими на королевскихъ земляхъ. Но каждый „господинъ" города вмѣшивался въ городскія дѣла лишь постолько, посколько это было необходимымъ для обезпеченія полнаго и точнаго выполненія обязанностей города по отношенію къ нему. Если эти обязанности выполнялись, то внутреннія дѣла города могли рѣшаться лицами, стоящими во главѣ его управленія. И каждая изъ сторонъ имѣло опредѣленные и рѣзко выраженные взгляды относительно главныхъ условій выполненія договора. Сеньоръ держался взгляда, что можно жаловать привилегіи городу въ томъ случаѣ, если главный его магистратъ назначается имъ и передъ нимъ отвѣтственъ. Горожане, съ другой стороны, твердо стояли на томъ, что обѣщанія свободы „держанія" и свободы торговли не имѣютъ никакого значенія, если къ нимъ не присоединяется разрѣшеніе выбирать всѣхъ магистратовъ и городской совѣтъ.

Побѣда остается то за сеньоромъ, то за горожанами. Сообразно съ этимъ, мы и встрѣчаемъ два типа привилегированныхъ городовъ. Болѣе многочисленный классъ составляютъ города, пользующіеся извѣстными привилегіями подъ

властью сеньеріальныхъ чиновниковъ, значительно малочисленнѣе—города, не только привилегированные, но и „свободные“ т. е. самоуправляющіеся. Различіе между этими двумя типами часто не достаточно точно, чтобы удовлетворить современнаго юриста. Часто „свободный“ городъ принужденъ допустить извѣстное участіе сеньора въ назначеніи магистратовъ, а съ другой стороны и безправное торговопромышленное поселеніе можетъ пользоваться правомъ судоговоренія въ своемъ рыночномъ судѣ безъ участія сеньеріальнаго чиновника. Одинъ типъ незамѣтно переходитъ въ другой, хотя бы потому, что „свобода“ обычно лишь постепенно достигается деньгами или возстаніями привилегированныхъ городовъ. Второй типъ такимъ образомъ является просто высшей ступенью въ естественномъ процессѣ развитія города.

Анализъ привилегій важнѣйшихъ городовъ поставитъ на первое мѣсто—по времени и по значенію—городской миръ, который можетъ учреждаться лишь королемъ, или отъ его имени. Одаренный такимъ миромъ, городъ становится, какъ королевскій дворецъ или же рака святого—священнымъ мѣстомъ, охраняемымъ особо строгими наказаніями; горожане стоятъ въ такомъ же отношеніи къ королю; какъ вдовы и сироты; насилія надъ ними являются оскорбленіемъ королевскаго величества. Слѣдующимъ по важности является право торговли. Горожанамъ предоставлялось право замѣнять выполненіе своихъ обязанностей по отношенію къ ихъ сеньору уплатой опредѣленной денежной суммы, и этимъ давалась возможность заниматься болѣе доходными промыслами, чѣмъ земледѣліе. Они получали разрѣшеніе разъ въ недѣлю устраивать рыночный день, а иногда и годичную ярмарку; всѣ споры между купцами (mercatores), возникающіе на ярмаркѣ или на рынкѣ, разрѣшались по особому обычному праву купцовъ, и сохранность въ пути обѣщалась всѣмъ иноземцамъ, отправляющимся въ городъ на рынокъ или ярмарку. Первоначально, торговыя пошлины на рынкѣ и ярмаркѣ сбирались сеньоромъ, и въ городскомъ судѣ предсѣдательствовалъ его чиновникъ. Съ теченіемъ времени, часто и то и другое предоставлялось горожанамъ. Если въ городахъ образовывалась торговая гильдія (какъ это имѣло мѣсто во Фландріи и Англіи), то эта корпорація наслѣдовала права сеньора и добивалась или же покупала рядъ другихъ привилегій: монопольное право на опредѣленныя ремесла, права преимущественной покупки ввозимыхъ товаровъ; власть своими по-

становленіями устанавливать мѣры, вѣса, цѣны, рабочее время и качество производимыхъ товаровъ. Если господинъ города, былъ суверенный князь, то онъ часто принуждался къ болѣе широкимъ уступкамъ, къ освобожденію отъ внутреннихъ и ввозныхъ пошлинъ, къ предоставленію права расправляться съ врагами, притѣсняющими купцовъ во время ихъ путешествій или же нарушающими городскія „свободы", и къ праву исключительной подсудности горожанъ суду ихъ города.

Не трудно привести рядъ примѣровъ, иллюстрирующихъ вышеочерченный типъ города, но мы ограничимся лишь городами, особенно поучительными по своей исторіи и учрежденіямъ. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ примѣровъ является городъ St-Riquier—значительный промышленный центръ, существовавшій уже въ эпоху Каролинговъ, взрощенный заботами большого монастыря. Во второй половинѣ XI вѣка обнаруживается большое рвеніе со стороны свѣтскихъ и церковныхъ сеньоровъ въ заботахъ объ основаніи и взращиваніи новыхъ промышленныхъ центровъ. Норманскій бургъ Breteuil, основанный въ 1060 г. сенешаломъ Вильгельма Завоевателя, заслуживаетъ спеціальнаго вниманія, какъ образецъ широко использованный въ Англіи, Уэльсѣ и Ирландіи; Швабскіе города Allensbach и Radolfszell, получившіе свои хартіи нѣсколько лѣтъ спустя изъ рукъ Рейхенаускаго аббатства, являются памятниками германской сеньеріальной предпріимчивости. Lorris en Gâtinais—городъ, основанный на землѣ Французскаго короля, получилъ отъ Людовика VI рядъ привилегій, которыя сдѣлались образцовыми для многихъ villes de bourgeoisie, основанныхъ по непосредственному почину Капетингской династіи.

Но хартіи, съ благодарностью принимаемыя вновь основанными поселеніями и находящимися въ зачаточномъ состояніи торговыми центрами—были недостаточны для удовлетворенія стремленій болѣе старыхъ и большихъ городовъ. Въ то самое время, когда дальновидные сеньоры широко раздавали торговыя привилегіи, среди городскаго населенія Сѣверной Франціи, Фландріи и нѣкоторыхъ Итальянскихъ областей начинается движеніе за отвоеваніе болѣе широкихъ правъ, за учрежденіе свободнаго муниципальнаго порядка второго нашего типа. Лозунгомъ этого движенія служитъ слово „коммуна"—„novum ac pessimum nomen"—оно переплетается съ жалобами на феодальную тиранію, которыя, такъ какъ обычно

сеньоромъ города является епископъ или аббатъ—часто обращаются въ жалобы на Церковь. Коммуна—это скрѣпленный клятвой союзъ (conjuratio), таящій въ себѣ черты сходства какъ съ братствами, учреждаемыми для установленія „Божьяго перемирія“ (см. выше стр. 65), такъ и съ купеческими гильдіями. Но въ немъ есть и новыя, разительныя особенности. Онъ основанъ въ пренебреженіи къ власти, съ цѣлью захватить права, законно принадлежащія сеньору или королю. Онъ враждебенъ правящимъ сословіямъ, и цѣлью его членовъ является установленіе республиканской формы правленія въ стѣнахъ ихъ города. Значительное большинство такого союза состоитъ изъ купцовъ или ремесленниковъ; но въ кругъ ихъ интересовъ входятъ не только интересы торговли и промышленности, и они часто принудительно требуютъ, чтобы всѣ обитатели города, чѣмъ бы они ни занимались, вступили бы въ ихъ союзъ.

Существенно важнымъ является установленіе болѣе точнаго представленія о мятежномъ духѣ, руководившемъ коммунальнымъ движеніемъ въ первой стадіи его развитія. Современники поражались его радикализмомъ; и характеръ выступленія коммуны ярко опровергаетъ закоренѣлое представленіе о горожанахъ, какъ о мирномъ населеніи. Для средневѣковыхъ горожанъ было привычнымъ дѣломъ защищать свои права силой; и нѣтъ ничего необычайнаго въ постановленіи купеческой гильдіи Валансьена, требующемъ отъ членовъ гильдіи, чтобы они имѣли бы при себѣ свое оружіе, когда они отправляются на рынокъ, и чтобы лишь въ видѣ вооруженныхъ отрядовъ они бы отправлялись на отдаленныя ярмарки; для Милана и Гента были типичны ихъ имперіалистскія стремленія, ихъ постоянная готовность принимать участіе въ любой происходящей войнѣ, чтобы этимъ получить возможность урвать что-либо для себя. И сеньоры такихъ городовъ должны были часто признавать, что они вскормили змѣю у себя на груди. И въ борьбѣ за свободу народная партія проявляла высокое самоотверженіе, помогавшее имъ въ пораженіи, но часто въ побѣдѣ затемнявшееся проявленіями дикой мести. Осмотрительно и хитро онѣ вмѣшивались въ борьбу другихъ сословій и учрежденій, возбуждая вражду церкви съ государствомъ, государства съ баронами или же борьбу двухъ феодаловъ. Политика городовъ была часто двуличной, корыстной и сепаратистской; но она воплощала идеалы справедливости и гражданства, которымъ

было суждено выйти побѣдителемъ въ борьбѣ за существованіе съ другими идеалами и произвести полное измѣненіе структуры общества.

Коммунальныя требованія не были осуществлены въ одинъ день, борьба за свободное управленіе, начавшаяся въ XI вѣкѣ продожалась еще въ XIII и XIV вв., и силы движенія были уже исчерпаны въ Сѣверной Франціи и Италіи въ то время, когда въ Южной Франціи и Германіи онѣ не достигли еще своего наибольшаго напряженія. Естественно, что въ борьбѣ, продолжавшейся нѣсколько столѣтій и не ограниченной одной областью, лозунги часто мѣнялись, и было создано много типовъ городского управленія. И движеніе въ своемъ развитіи дѣлалось болѣе мирнымъ, и часто сила денегъ признавалась болѣе убѣдительной, чѣмъ сила меча; коммунальное движеніе вмѣстѣ съ тѣмъ отказалось отъ своего демократизма, не отказываясь отъ республиканства; и власть фактически, если не идеологически, была монополизирована городскимъ патриціатомъ. Общее собраніе горожанъ, всемогущее въ ту эпоху, когда коммуна была организованнымъ возстаніемъ, постепенно становилось безсильнымъ въ старыхъ городахъ, и часто было совсѣмъ незнакомо вновь основаннымъ, гдѣ власть его была распредѣлена между обособленными собраніями отдѣльныхъ цеховъ. Параллельно съ уменьшеніемъ вліянія средняго горожанина проявляется и стремленіе затруднять вступленіе въ число горожанъ новыми требованіями. Коммуна фактически обращается въ своеобразное общество взаимопомощи, сочленство въ которомъ цѣнится благодаря тѣмъ исключительнымъ правамъ, которыя оно предоставляетъ. Политическое значеніе коммуны почти совсѣмъ забывается въ тѣхъ странахъ, гдѣ власть государства преодолѣваетъ центробѣжныя силы общества; а въ коммунахъ, сохраняющихъ видъ обособленныхъ государствъ, междоусобная борьба между богатыми и бѣдными, управляющими и управляемыми обычно становится отличительной чертой внутренней жизни города.

Несмотря на эти измѣненія въ характерѣ и принципахъ— органы управленія коммуны оставались по большей части тѣми же. Исполнительная власть находилась въ рукахъ круга лицъ, который въ Италіи назывался consules во Франціи— échevins, jurati или syndics, въ Германіи—совѣтомъ, Rath. Обычно въ этомъ совѣтѣ есть предсѣдатель, извѣстный во Франціи и въ Англіи подъ именемъ мэра, въ Германіи—бур-

гомистра, являющійся представителемъ общины во всѣхъ сношеніяхъ съ сеньоромъ, королемъ или другими коммунами. Одинъ или нѣсколько совѣтовъ (sapientes, pares и т. д.) часто образуютъ учрежденія, стоящія рядомъ съ исполнительной властью, а въ коммунахъ древняго типа народное собраніе играетъ значительную роль, не только избирая магистратовъ и совѣтниковъ, но также устанавливая налоги, контролируя расходы и рѣшая всѣ особенно важные вопросы. Въ городахъ, гдѣ нѣтъ народнаго собранія или въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ оно ведетъ жалкое существованіе, должности заполняются кооптированіемъ, или иногда даже онѣ становятся наслѣдственными. Вмѣстѣ съ паденіемъ народнаго надзора надъ исполнительной властью, корыстность этой послѣдней приводитъ къ ряду губительныхъ измѣненій, къ ограниченію власти отдѣльныхъ должностей, къ созданію чрезвычайно путаннаго строя, къ организаціи опредѣленныхъ вліятельныхъ группъ, являющихся государствами въ государствѣ. Но развитіе болѣзненныхъ проявленій коммунальной жизни эпохи упадка занимаетъ насъ теперь мало. Эти запутанныя отношенія, которыя могутъ быть лучше всего представлены на исторіи Флоренціи XIV в.—ослабили органы управленія, но не сумѣли ихъ сдѣлать ни болѣе справедливыми, ни болѣе терпимыми. И къ концу среднихъ вѣковъ горожане были достаточно подготовлены, чтобы съ радостью встрѣтить приходъ королевскаго бальи или же тирана-узурпатора, какъ единственную защиту противъ застарѣлыхъ безпорядковъ, свойственныхъ „городской свободѣ“.

Съ чувствомъ облегченія мы можемъ перейти отъ этого періода разочарованія, къ періоду радостнаго ожиданія и приступить къ изученію коммуны въ эпоху ея образованія и перваго роста, когда онѣ были единственными убѣжищами промышленнаго класса отъ анархіи, и когда сбрасывающіе съ себя путы зависимости, крѣпостные были увлечены мечтами о свободѣ.

Любопытно, что коммунальная революція наиболѣе незамѣтно прошла въ странѣ, въ которой послѣдующая исторія городовъ ознаменована наиболѣе острыми столкновеніями. Города Сѣверной Италіи утвердили первыя основы своей свободы—обычно въ XI вѣкѣ—узурпаціей или деньгами, о чемъ до насъ дошли лишь отрывочныя свѣдѣнія. Въ Пизѣ, напр., горожане договорились съ епископомъ (1080—1085 гг.) объ образованіи союза горожанъ, о правѣ устра-

ивать народныя собранія и избирать консуловъ, съ которыми епископъ долженъ раздѣлить свою власть въ управленіи городомъ. Въ Генуѣ, съ другой стороны, коммуна появляется въ 1122 г., послѣ того какъ болѣе ранніе conjurationes, встрѣтивъ энергичный отпоръ, были искоренены. По всей вѣроятности, Пиза въ этомъ отношеніи типичнѣе Генуи, потому что обычно наши первыя свѣдѣнія о коммунѣ представляютъ ее вполнѣ развитымъ учрежденіемъ. Въ большинствѣ сѣверо-итальянскихъ городовъ коммуна учреждалась въ ограниченіе власти епископа. Юридически—происшедшее измѣненіе являлось присвоеніемъ городомъ власти епископа или другого сеньора, делегированной императоромъ; это присвоеніе происходило въ эпоху борьбы за инвеституру, когда епископы, сознавая шаткость своего положенія, скорѣе стремились отвлечь горожанъ отъ партіи церковной реформы, чѣмъ заботились объ исполненіи своихъ обязанностей, присвоенныхъ имъ, какъ должностнымъ лицамъ имперіи. Съ другой стороны, и императоры, ища повсюду союзниковъ въ своей борьбѣ съ папствомъ, способствовали успѣху коммунальнаго движенія, одаряя хартіями наиболѣе важные города.

Въ Сѣверной Франціи положеніе было менѣе благопріятнымъ для городовъ; хотя и здѣсь часто Капетинги, стремясь сломить чрезмѣрно сильнаго сеньора, поддерживали возстаніе его крѣпостныхъ. Но епископы и свѣтскіе сеньоры упорно противились всѣмъ попыткамъ къ освобожденію; король былъ слабымъ и колеблющимся союзникомъ городовъ, всегда готовый подъ вліяніемъ заинтересованнаго сеньора отказаться отъ поддержки горожанъ, всегда боящійся, какъ бы движеніе не захватило бы и его помѣстья. Каковы бы ни были его симпатіи, онъ былъ не въ состояніи оказать рѣшительную помощь, и когда дѣло доходило до открытаго столкновенія, онъ обычно оставался въ сторонѣ и ждалъ его разрѣшенія. Два примѣра позволятъ намъ выяснить основныя черты этой борьбы горожанъ съ ихъ сеньорами.

1) Въ 1070 г. населеніе Le Mans было подвинуто къ возстанію произволомъ окружныхъ бароновъ и насиліями правителя, поставленнаго надъ ними находящимся въ отсутствіи графомъ. Они образовали коммуну и принудили наиболѣе слабыхъ изъ своихъ враговъ поклясться, что они признаютъ ее; другихъ они перевѣшали, потопили и ослѣпили; они организовали правильную борьбу съ сосѣдними замками, которые они захватили одинъ за другимъ и сожгли

до основанія; и это совершали они—говоритъ оскорбленный авторъ хроники—въ великій постъ и даже въ страстную пятницу! Горожане не считали никакое время недопустимымъ для этого крестоваго похода противъ анархіи; однажды даже, когда ихъ отряды вышли на атаку замка, они принудили епископа съ клиромъ идти впереди, неся крестъ и хоругви. Но черезъ нѣкоторое время военное счастье измѣнило коммунѣ; ея отряды были уничтожены, и графскій правитель отвоевалъ замокъ, господствующій надъ Le Mans. Горожане обратились къ графу Анжу съ просьбой освободить ихъ, обѣщая подчиниться его власти. Онъ пришелъ на зовъ; правитель бѣжалъ; крѣпость была сдана и разрушена. Но прежде чѣмъ горожанамъ удалось установить свои отношенія съ графомъ Анжуйскимъ, у воротъ города появилась англійская армія, руководимая ихъ законнымъ монархомъ Вильгельмомъ Завоевателемъ; горожане, подчиняясь необходимости, открыли ему городскія ворота; а такъ какъ онъ согласился подтвердить лишь ихъ старыя „свободы", коммуна принуждена была прекратить свое существованіе (1073 г.).

2) Тридцать лѣтъ спустя въ Лаонѣ произошло болѣе ожесточенное и пагубное возстаніе противъ злоупотребленій епископа. Имя этого епископа Вальдрикъ. Онъ былъ канцлеромъ Генриха I англійскаго и былъ избранъ лаонскимъ капитуломъ (1106 г.) изъ-за своего значительнаго состоянія, скопленнаго не особенно честнымъ путемъ въ теченіе непродолжительнаго исполненія своихъ обязанностей. Значительную часть своего состоянія онъ растратилъ, добиваясь папскаго утвержденія своихъ неправильно произведенныхъ выборовъ; и при его расточительности ему скоро не хватило остатковъ. Тогда онъ началъ эксплуатировать свои сеньеріальныя права въ Лаонѣ. Неумѣренность его поборовъ была тѣмъ болѣе чувствительна для горожанъ, что въ городѣ воцарилась полная анархія; грабежи открыто происходили даже и въ стѣнахъ города. Наконецъ, горожане, воспользовавшись случаемъ отъѣзда епископа въ Англію, организовали коммуну. Возвратясь, епископъ принужденъ былъ ее признать, но потребовалъ значительный выкупъ, который ему и былъ данъ. Не успокоившись на этомъ, онъ такъ испортилъ городскую монету, что она потеряла всякую цѣнность; и жестокимъ преступленіемъ онъ увѣнчалъ рядъ своихъ насилій. Утверждая, что ему удалось открыть заговоръ противъ своей жизни, онъ арестовалъ мэра города и приказалъ его ослѣ-

пить своему негру, который исполнялъ обязанность его слуги и тѣлохранителя. Горожане отправили жалобу папѣ, но епископъ предупредилъ ихъ собственнымъ изложеніемъ происшедшаго, и подкупъ способствовалъ его почетному оправданію. Этими же доводами онъ убѣдилъ короля уничтожить коммунальную хартію и, какъ казалось, сдѣлался хозяиномъ положенія. Горожане Лаона составили заговоръ, чтобы убить его, когда онъ пойдетъ къ собору; онъ едва спасся съ помощью своихъ рыцарей и счелъ необходимымъ охранять епископскій дворецъ отрядами своихъ крѣпостныхъ. Вызывающе, какъ и всегда, онъ говорилъ о своей власти и о томъ удовлетвореніи, которое онъ теперь потребуетъ; онъ говорилъ, что наступило время, когда его негръ сможетъ расправиться съ наиболѣе уважаемыми горожанами, и товарищи ихъ не посмѣютъ мѣшать ему. Онъ скоро разочаровался. Лаонскіе горожане взяли приступомъ дворецъ и изрубили его защитниковъ; епископа они нашли въ погребѣ въ крестьянскомъ платьѣ, спрятавшимся въ бочкѣ; они вытащили его за волосы на улицу и тамъ растерзали (1112 г.). Когда волненіе улеглось, горожане испугались королевскаго гнѣва. Принимавшіе непосредственное участіе въ расправѣ скрылись, и городъ на половину опустѣлъ. Бароны и крестьяне окружныхъ деревень, какъ коршуны налетѣли на Лаонъ; они грабили опустѣвшіе дома и дрались другъ съ другомъ изъ-за добычи. Въ теченіе ближайшихъ шестнадцати лѣтъ остатки горожанъ влачили жалкое существованіе, какъ бы крѣпостныхъ преемниковъ Вальдрика. Въ 1128 г. король разрѣшилъ имъ учредить должность мэра для лучшаго охраненія городского мира, но они не образовали вновь коммуны и остались подчиненными епископской юрисдикціи.

Эти драматическія перипетіи насилія и освобожденія, хотя и характерныя въ томъ отношеніи, что онѣ вскрываютъ ошибки и даютъ оправданіе коммунальному движенію, были рѣдки въ Сѣверной Франціи—не потому, что рѣдко было насиліе, но потому, что возстаніе рѣдко приводило къ цѣли. Сеньеріальныя уступки не имѣли никакого значенія безъ ихъ утвержденія королемъ; и трудно было ожидать отъ короля, что онъ будетъ поддерживать клятвопреступную измѣну феодальному сеньору. Поэтому и основатели сѣверофранцузскихъ коммунъ предпочитали пользоваться другими способами. Они обращались къ королю за помощью; и онъ тѣмъ охотнѣе одарялъ ихъ привилегіями, что его юристы

выступили съ ученіемъ, что коммуны непосредственно подчинены королю и обязаны ему выставлять военную помощь и собирать въ его пользу подати. Съ конца XII вѣка третье сословіе вступаетъ въ тѣсный союзъ съ французской монархіей, союзъ, болѣе выгодный королевской власти, чѣмъ коммунамъ. При Людовикѣ Св., когда силы феодаловъ были сломлены, коммуны обратились въ препятствіе цѣлямъ централизирующаго управленія. По тому или иному поводу—въ одномъ случаѣ изъ-за открывшагося заговора, въ другомъ изъ-за сквернаго управленія коммунальнымъ хозяйствомъ—города одинъ за другимъ потеряли свои хартіи и перешли подъ власть королевскихъ чиновниковъ. Они отчасти, хотя и очень недостаточно, были вознаграждены правомъ Третьяго сословія посылать делегатовъ на Генеральные Штаты. Представительство вело къ новымъ обязанностямъ, не давая новыхъ правъ. Третье сословіе, боязливо державшееся въ сторонѣ отъ двухъ другихъ, было безсильнымъ по отношенію къ королевской власти.

Французская коммуна въ дѣйствительности была временнымъ разрѣшеніемъ преходящихъ отношеній. Республиканскія учрежденія были во Франціи искусственнымъ наростомъ, плохо гармонирующимъ съ національными традиціями, и они поддерживались слоемъ населенія, который не имѣлъ ни широкой политической доктрины, ни силъ для защиты своихъ идеаловъ отъ упорнаго противодѣйствія другихъ слоевъ. Характерно, что хартіи французскихъ коммунъ часто уничтожались съ согласія собранія горожанъ. Въ иномъ положеніи находились Фландрія и Сѣверная Италія, гдѣ городская коммуна была естественной организаціей и гдѣ горожане, обогащенные широкой торговлей, были достаточно сильны, чтобы стоять на равной ногѣ со своими номинальными господами. Такіе города, какъ Гентъ или Миланъ вступили въ непосредственныя отношенія съ большими государствами лишь тогда, когда у нихъ глубоко вкоренилась привычка къ самоуправленію. И когда въ концѣ концовъ они столкнулись съ абсолютистскими притязаніями Капетинговъ и Гогенштауфеновъ, они не испугались прибѣгнуть къ защитѣ оружіемъ; и войны, которыя они вели за свою независимость — интереснѣйшія явленія средневѣковой исторіи.

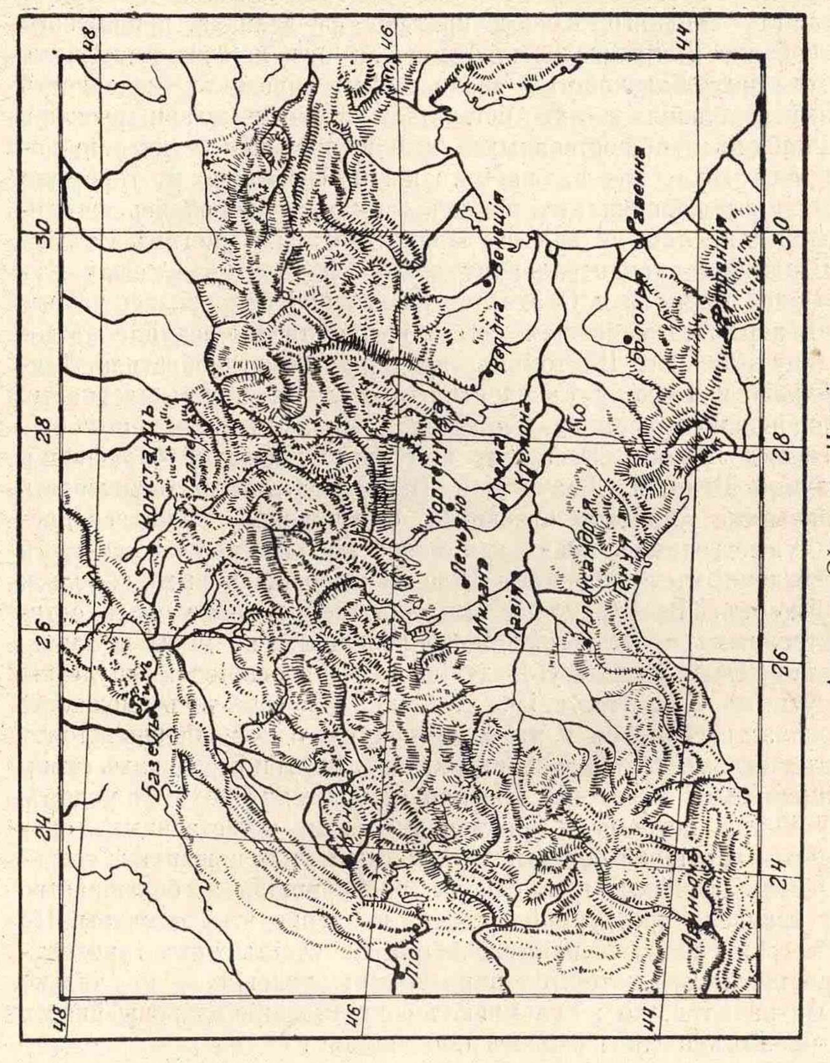
Во Фландріи чрезвычайно остро стояла проблема перенаселенія, не разрѣшавшаяся ни постояннымъ эмигрированіемъ колонистовъ, ни постепеннымъ расширеніемъ культур-

ной площади—осушеніемъ болотъ. Очень рано здѣсь былъ открытъ основной принципъ современной промышленности: выгодность и возможность чрезвычайнаго развитія производства для вывоза, и наиболѣе пышно развившіяся коммуны развились на безплодной и узко ограниченной области. Избыточное населеніе фламандской деревни устремилось въ города и нашло свое употребленіе въ текстильной промышленности. Съ 1127 года эти города ведутъ торгъ о своемъ освобожденіи съ Фландрскими графами. И Брюгге, Ипръ, Лилль и Гентъ были лишь передовыми среди другихъ сорока развивающихся общинъ, которыя къ концу XII вѣка пользовались въ широкой мѣрѣ самоуправленіемь, и свободѣ которыхъ угрожалъ французскій король. Чтобы избѣжать этой опасности фламандскія коммуны должны были принять участіе въ политической жизни Европы. Они встали противъ короля за графа и впервые выступили въ качествѣ военной силы въ гибельной битвѣ при Бувинѣ, которая стоила графу Феррану его свободы, а коммунамъ — ихъ лучшихъ отрядовъ. Преемники Феррана все больше и больше подчинялись французскому королю, пока коммуны не были вынуждены для самозащиты взять на себя руководящую роль. При Куртрэ (1302 г.) они взяли вверхъ и отомстили за Бувинъ, сломивъ силы французскихъ рыцарей и ополченцевъ и доказавъ, что феодальная тактика уже устарѣла, и что вооруженные пиками пѣхотинцы могутъ отлично выдерживать натискъ конницы. Лишенные измѣной графа плодовъ своей побѣды, фламандскія коммуны затаили злобу въ ожиданіи новаго случая, удовлетворившись пока жестокимъ преслѣдованіемъ свѣтской аристократіи и клира и всѣхъ тѣхъ, кого они подозрѣвали въ симпатіяхъ къ Франціи. Широкіе замыслы Эдуарда III пришли имъ на помощь; подъ руководствомъ Якова Артевельде—знатнаго купца и демагога Гента, они заключили договоръ съ англійскимъ королемъ о набѣгѣ и завоеваніи Франціи (1338 г.). Союзъ былъ недолговѣченъ и непроченъ, гибеленъ для фламандской торговли и внезапно оборвался съ паденіемъ Артевельде, который потерялъ свою популярность, обвиненный въ стремленіи къ тираніи (1345 г.). Но событія вскорѣ доказали правильность широкихъ плановъ низвергнутаго политика. Въ 1369 г. графство попало по наслѣдству къ французскому принцу крови; сторонники Франціи подняли во Фландріи свои головы; Брюгге къ ужасу и гнѣву всѣхъ патріотовъ пере-

шелъ на сторону враговъ изъ-за своего соревнованія съ Гентомъ. Разразилась война между двумя соперниками, и ополченіе Гента, руководимое Филиппомъ Артевельде, сыномъ Якова, одержало побѣду. Побѣдоносные—они преслѣдуютъ разбитые отряды въ Брюгге, врываются въ городъ, перерѣзываютъ сторонниковъ Франціи и грабятъ городъ. Другія коммуны не осмѣливаются подражать политикѣ Брюгге, или же оспаривать гегемонію у Гента. Младшій Артевельде—какъ и его отецъ—на короткое время становится диктаторомъ союза свободныхъ республикъ. Но французскіе военачальники научились кое-чему въ войнахъ съ Англіей; и при Розбекѣ (1382 г.) Гентское ополченіе, „какъ дикій вепрь“ накинувшееся на французскую конницу, было отброшено и смято болѣе искусными и численными силами французовъ. Фламандцы сражались съ бѣшенствомъ отчаянія, не ожидая и не получая пощады. Болѣе двадцати тысячъ горожанъ легли на полѣ брани, и по приказанію короля было запрещено ихъ хоронить. Тѣло Артевельде, раздавленнаго въ общей схваткѣ было вздернуто на висѣлицу въ острастку всѣмъ демагогамъ. Вмѣстѣ съ Артевельде умерли,—казавшіяся столь близкими къ осуществленію—мечты о независимой Фландріи. Ея города продолжали процвѣтать, подчиняясь то Бургундіи, то Испаніи, то Австріи. И лишь въ 1831 г. Фландрія, наконецъ, сдѣлалась областью королевства, объединившаго Валлонскую національность.

Итальянскія коммуны, съ ихъ рѣзкими противоположностями, имѣли не менѣе драматическую исторію, безконечно болѣе важную для судебъ Европы. Въ Италіи, какъ и во Фландріи, идеалъ гражданской свободы былъ загрязненъ и переиначенъ борьбой партій и личныхъ честолюбій, перемѣнчивостью и легкой возбудимостью черни, жаждой завоеваній и братоубійственной борьбой сосѣднихъ республикъ. Но все же вліянію этого идеала мы должны приписать какъ солидарность итальянскихъ государствъ - городовъ, такъ и культурное богатство, созданное ими. Итальянскій Ренесансъ былъ въ послѣднемъ счетѣ жатвой посѣвовъ средневѣковой Италіи, славнымъ закатомъ дня, заря котораго совпадаетъ съ четвертымъ крестовымъ походомъ, а полдень приходится на эпоху Данте и Джотто. Въ XV вѣкѣ итальянскій геній, взрощенный интенсивной и многогранной жизнью шумныхъ республикъ, сосредоточился на искусствѣ и литературѣ. Односторонность культурнаго развитія была куплена отка-

зомъ отъ утопическихъ стремленій прошлаго. И блескъ развитія не искупалъ общаго паденія; все было отдано на служеніе искусству, но и искусство отъ этого страдало. Но

Альпы и Сѣверная Италія.

если мы возмущаемся загубленными жизнями и энергіей, поглощенными сумятицей средневѣковой Италіи, то мы должны помнить, что въ менѣе напряженной атмосферѣ никогда бы

не созрѣли такъ рано національныя силы, и великія достиженія не нагромождались бы такъ лихорадочно одно на другое.

Городъ въ Италіи—съ незапамятныхъ временъ средоточіе лучшихъ элементовъ—обратился въ средніе вѣка въ крѣпкую защиту средняго класса противъ феодализма, принявшаго особенно возмутительныя формы; и онъ хорошо выполнялъ эту свою обязанность. Число такихъ городовъ, численность ихъ населенія и ихъ богатство, пышность жизни, роскошь дворцовъ и общественныхъ зданій вызывали удивленіе повсюду еще въ то время, когда фламандскіе горожане жили въ деревянныхъ домахъ, а города защищались изгородями и земляными валами. Природа одарила многимъ Италію. Благодаря ея центральному положенію, торговля между Сѣверной Европой и Средиземнымъ моремъ направилась черезъ ея порты и Альпійскіе пассы, непосредственно ведущіе въ долину рѣки По. Неутомимая предпріимчивость обратила Ломбардію и Тоскану въ очагами текстильной промышленности, раціональнаго земледѣлія, кредита. Въ каждомъ прибрежномъ городѣ Леванта, Эгейскаго и Чернаго моря корабельщики и купцы Венеціи, Генуи или Пизы выискивали возможность завязать торговыя отношенія, ожесточенно добиваясь преимущественныхъ правъ или монополіи. На морѣ и на сушѣ жизненнымъ принципомъ было выискиваніе новыхъ земель и рынковъ. Въ стремленіи къ обогащенію война была естественнымъ и часто желаемымъ явленіемъ; не много итальянцевъ были чужды убѣжденію, что завоеваніе самый легкій путь къ благосостоянію, что оно облегчаетъ возможность завязать сношенія и что благополучіе одной общины стоитъ въ зависимости отъ несчастій другой. Внутри городскихъ стѣнъ одинъ слой населенія боролся съ другимъ, родъ съ родомъ. Убійства, погромы и проскрипціи были естественнымъ орудіемъ партійной борьбы; тѣ, кто были въ меньшинствѣ устраивали заговоры изъ страха проскрипцій, а большинство устраивало проскрипціи, чтобы предупредить заговоры. Но безгранична, дѣйствительно, была живучесть этихъ городовъ-республикъ, которые при такихъ условіяхъ не только развиваются, но и оказываютъ сопротивленіе одареннѣйшимъ королямъ и сильнѣйшимъ ополченіямъ.

Коммунальный строй проявилъ свои типичныя черты — какъ лучшія, такъ и худшія—въ противодѣйствіи, оказанномъ Ломбардскими городами Фридриху Барбароссѣ, первому изъ императоровъ, выставившему и примѣнившему къ Ита-

лiи планы абсолютистскаго управленiя. Въ промежуткѣ между 1154 и 1176 гг. судьбы Европы лежали въ рукахъ Ломбардскихъ городовъ. Они дали возможность Иннокентiю III властно подчинить себѣ королей и Иннокентiю IV разрушить власть династiи Гогенштауфеновъ. Ни та, ни другая изъ борющихся сторонъ не могла предвидѣть этихъ послѣдствiй защиты городами своей свободы. Но обѣ сознавали, что дѣло идетъ о вопросахъ громадной политической важности. Вопросъ шелъ о томъ, подчинится ли наконецъ Италiя германскому игу, обратится ли папство въ германскiй патрiархатъ, уступятъ ли свободныя церковныя и государственныя учрежденiя мѣсто чиновничеству.

Не съ самаго начала вопросъ принялъ такую форму. Когда Фридрихъ впервые вмѣшался въ Ломбардскiя дѣла, онъ пришелъ, чтобы защитить мелкiе города противъ имперiалистскихъ вожделѣнiй Милана, возстановить общественный миръ, прекратить насилiя и грабежи. Многiе города провозгласили его избавителемъ; ему противились лишь общины, подчиненныя Милану, или же тѣ, которыя въ болѣе скромномъ масштабѣ хотѣли подражать его политикѣ. Но даже и при этихъ условiяхъ было не легко Фридриху смирить самыя незначительныя изъ этихъ враждебно ему настроенныхъ коммунъ; и не легко было пойти войной на Миланъ, рѣшительно отказавшiйся оправдываться за свои беззаконныя завоеванiя, тѣмъ менѣе отказаться отъ нихъ.

Два обстоятельства мѣшали Фридриху. Война противъ ломбардскихъ городовъ должна была быть осадной войной, а военное искусство того времени легче справлялось съ защитой, чѣмъ съ нападенiемъ. А съ другой стороны, война не могла быть счастливо проведена безъ итальянской помощи, такъ какъ было невозможно ни увлечь германскихъ князей итальянскимъ походомъ, ни добиться отъ нихъ существенной помощи. Съ первой изъ этихъ трудностей Фридриху Барбароссѣ такъ и не удалось справиться. Со второй онъ справился болѣе успѣшно во второй перiодъ борьбы (1158—1162 гг.), и именно тогда ломбардская независимость была ближе всего къ гибели.

Въ 1158 г. онъ вернулся изъ Германiи и осадилъ Миланъ, заключивъ предварительно договоры съ его соперниками въ Ломбардiи, въ области Вероны, Эмилiи и Романьи. Съ ихъ помощью онъ принудилъ неприступный городъ сдаться на продиктованныхъ имъ условiяхъ. Въ этихъ условiяхъ не

было ничего, что могло возбудить подозрѣніе или тревогу. Было естественнымъ, что отъ миланцевъ требовались клятвы вѣрности и освобожденіе порабощенныхъ городовъ. Онъ выговорилъ далѣе право постройки себѣ дворца въ Миланѣ и потребовалъ возстановленія всѣхъ его прерогативъ (regalia), узурпированныхъ консулами; но вся значительность послѣднихъ условій выяснилась два мѣсяца спустя, когда на съѣздѣ въ Roncaglia онъ возвѣстилъ о своей будущей политикѣ. Онъ отрицалъ свое желаніе править городами, какъ тиранъ, но требовалъ осуществленія своихъ законныхъ правъ. Какъ хранитель общественнаго мира, онъ рѣшилъ не допускать болѣе частныхъ войнъ и союзовъ отдѣльныхъ городовъ. Какъ владыка страны, онъ потребовалъ, подъ названіемъ регалій, цѣлаго ряда правъ, списокъ которыхъ былъ ему составленъ послѣ тщательныхъ историческихъ изысканій болонскими юристами. Этотъ списокъ включалъ право назначать высшій магистратъ города; право верховнаго суда въ аппелляціонныхъ и уголовныхъ дѣлахъ; право надзора за чеканкой монетъ, за рынками и дорогами; старинное королевское право закупать прежде другихъ и облагать налогами. Нѣкоторыя изъ этихъ правъ съ незапамятныхъ временъ были заброшены; большинство находилось въ рукахъ городовъ больше пятидесяти лѣтъ. Фридрихъ Барбаросса считалъ, что право давности не можетъ уменьшать королевскія прерогативы; и если этотъ принципъ кажется болѣе соотвѣтствующимъ такому монарху, какъ Юстиніанъ, чѣмъ Ломбардскому королю, то все-же можно найти, съ точки зрѣнія общей политики, оправданія для его притязаній. Безъ возстановленія сильной центральной власти въ Италіи, отдѣльные города могутъ давить другіе; и сильный будетъ грабить слабыхъ. Но такая центральная власть возможна лишь въ томъ случаѣ, если ей будутъ обезпечены широкіе доходы, и если власть, присвоенная коммунами, будетъ урѣзана.

Но даже и тѣ города, которые первоначально поддерживали Фридриха, заколебались, когда увидѣли логическія слѣдствія его политики. Они не были склонны противиться всѣмъ тѣмъ новшествамъ, которыя онъ хотѣлъ ввести въ Миланѣ. Но они считали несправедливымъ то, что онъ равно обращался съ другомъ и съ недругомъ. Подвергаться опасности порабощенія другимъ городомъ—было тяжело, но тяжелѣе еще было навсегда потерять надежду порабощать

другихъ, да и какая была увѣренность въ томъ, что новый абсолютизмъ, укрѣпившись будетъ благосклоненъ къ нимъ или будетъ защищать общіе интересы? Притязанія императора были въ извѣстномъ смыслѣ историчными, но города отлично сознавали, что возстановленіе регалій въ дѣйствительности было революціоннымъ. И наступило время общаго отступничества; добровольное подчиненіе Фридриху было подвергнуто самому тяжелому испытанію, когда онъ назначилъ въ каждый городъ правителя (podestà) въ обязанность котораго входило выполненіе регальныхъ правъ и собираніе проистекающихъ изъ нихъ доходовъ. Но Милана все еще боялись и ненавидѣли. И когда онъ, утверждая, что договоръ о сдачѣ былъ нарушенъ Ронкальевскими постановленіями, изгналъ Фридриховыхъ посланцевъ, которымъ было поручено учрежденіе должности podesta, то другіе города встали на сторону императора—за однимъ показательнымъ исключеніемъ. Незначительной коммунѣ—Кремѣ—было приказано разрушить свои стѣны; она отказалась и присоединилась къ своему могучему сосѣду.

Оба города были объявлены подъ императорскимъ баномъ (Апр. 1159 г.), лихорадочно сбиралось ополченіе въ Германіи, и итальянскіе союзники прислали помощь, такъ что подъ начальствомъ Фридриха собралось до 100.000 человѣкъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ ему противилась Крема, которую онъ надѣялся захватить небольшимъ отрядомъ, предназначивъ главныя свои силы на осаду Милана. Въ покореніе Кремы принимали добровольное участіе горожане сосѣдней Кремоны, помогшіе отвести въ сторону рѣку, протекающую черезъ городъ, и снабдившіе Фридриха самыми выдающимися мастерами того времени для постройки осадныхъ орудій. Крема была окружена замкнутымъ кольцомъ осаждающихъ; и были перепробованы всѣ извѣстные способы осады: рвы были осушены, были сооружены подвижныя осадныя башни превышающія своей высотой стѣны города, которыя пробивались таранами и подкапывались саперами, защищаемыми большими подвижными щитами. Но пробитыя бреши тотчасъ же исправлялись, штурмы отбивались; и защитники города высмѣивали императора въ оскорбительныхъ пѣсняхъ. Единственный разъ въ своей жизни Фридрихъ унизился до жестокости и безчеловѣчности. Онъ поклялся, что не пощадитъ никого, онъ казнилъ плѣнныхъ такъ, чтобы ихъ казнь могли бы видѣть съ городскихъ стѣнъ, онъ ста-

вилъ своихъ заложниковъ на наиболѣе открытыя мѣста осадныхъ башенъ.

Къ счастью для его имени, онъ смягчился, когда голодъ и бѣгство защитниковъ принудило горожанъ Кремы сдаться. Они получили разрѣшеніе покинуть городъ, захвативъ съ собой столько пожитковъ, сколько они смогутъ снести на своихъ спинахъ. Все остальное досталось императорскому войску; а кремонцамъ было поручено разрушить городъ, что они охотно и исполнили. Теперь наступила очередь Милана; Фридрихъ, обученный опытомъ, рѣшилъ ограничиться медленной, но неотразимой осадой. По истеченіи восьми мѣсяцевъ (Май 1161 г.—февр. 1162 г.) городъ сдался, былъ очищенъ и обреченъ на разрушеніе, чего, однако, нельзя было привести въ исполненіе, такъ крѣпки были стѣны и зданія. На мгновеніе казалось, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно. Программа, предначертанная въ Ронкальѣ, должна была, наконецъ, осуществиться во всей Ломбардіи, Фридрихъ отбылъ въ Германію, оставивъ своихъ помощниковъ для того, чтобы они довершили бы укрѣпленіе за нимъ его правъ на Италію. Оставалось сломить противодѣйствіе папы и норманновъ Южной Италіи. Фридрихъ считалъ себя уже владыкой Италіи и даже всего западнаго побережья Средиземнаго моря. Пять лѣтъ протекло, не приблизивъ Фридриха къ его цѣли. Тогда онъ возвратился въ Италію, чтобы изгнать Александра III изъ Рима. Это удалось ему, и онъ былъ коронованъ въ соборѣ Св. Петра — выбраннымъ имъ анти-папой (Августъ 1167 г.). Это было высшимъ развитіемъ его могущества, и послѣдовавшія несчастія были такъ неожиданны и ужасны, что современники видѣли въ нихъ перстъ Божій. Когда онъ былъ еще въ Римѣ, разразилась чума, стоившая ему двухъ тысячъ рыцарей и его лучшихъ совѣтниковъ. Онъ былъ принужденъ бѣжать изъ зараженнаго города. Но его путь былъ прегражденъ новой опасной коалиціей. Возникъ союзъ Ломбардскихъ городовъ, союзъ, организованный Кремоной, преданнѣйшимъ изъ императорскихъ союзниковъ, вмѣстѣ съ Венеціей, которой Фридрихъ до сихъ поръ счелъ возможнымъ пренебречь. Относительно намѣреній новаго союза не могло быть сомнѣній. Его члены приняли уже участіе въ отстройкѣ Милана, они допустили на свои совѣщанія легата Александра III, они возвѣстили, что готовы признать за императоромъ лишь его прежнія и несомнѣнныя права. Фридрихъ не отважился проѣхать черезъ ихъ области. Въ сопровожденіи

горсти рыцарей онъ боязливо пробрался на сѣверъ окружнымъ путемъ черезъ Савойю. Союзъ не пытался больше скрывать свои истинныя цѣли. Въ качествѣ символа своего единства его члены основали городъ Александрію, назвавъ ее по имени злѣйшаго врага Фридриха—законнаго папы; и открыто отказались признавать права верховнаго суда за императоромъ (1168 г.).

Прошло шесть лѣтъ прежде, чѣмъ Фридрихъ смогъ возвратиться въ Италію съ требованіемъ удовлетворенія, но и тогда онъ смогъ собрать лишь восьмитысячное ополченіе. Съ октября 1174 г. по апрѣль 1175 г. онъ былъ занятъ сперва осадой Александріи, а затѣмъ безплодными попытками склонить союзъ уступками на свою сторону. Въ концѣ 1175 г. онъ съ жалкими остатками своего войска былъ осажденъ въ Павіи. Освободившись весной, онъ быстрыми переходами бросился къ Милану въ надеждѣ врасплохъ захватить главный центръ союза. Но ломбардцы были предупреждены и встрѣтили его при Леньяно (28 мая 1176 г.) съ силами, больше, чѣмъ вдвое превышающими его силы. Битва была ожесточенной. Ломбардскій передовой отрядъ конницы разсѣялся подъ натискомъ германцевъ. Тогда Фридрихъ во главѣ отрядовъ подошелъ къ самому центру вражескихъ позицій. Здѣсь развѣвалось знамя Милана, водруженное на торжественной колесницѣ (caroccio) и охраняемое избранными горожанами, поклявшимися его защищать до послѣдняго издыханія. Тутъ битва продолжалась четыре часа; германцамъ не удалось поколебать ряды этихъ горожанъ, и мало-по-малу обращенные въ бѣгство отряды возвращались на поле сраженія. Въ концѣ концовъ былъ убитъ императорскій знаменосецъ, и пала лошадь подъ Фридрихомъ. Думая, что все потеряно, императорское ополченіе въ смятеніи бросилось отступать къ Павіи; оно достигло ея, потерявъ больше въ отступленіи, чѣмъ въ самомъ сраженіи. Самъ Фридрихъ, отрѣзанный отъ своего войска, избѣжалъ плѣна, скрываясь въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока не очистилась дорога къ Павіи.

Битва при Леньяно не была разгромомъ Фридриха, но существенно важнымъ было то, что ополченіе горожанъ въ открытомъ полѣ разбило германскихъ рыцарей. Совѣтники Фридриха настаивали, что было бы безуміемъ безконечно продолжать войну въ то время, когда сторонники папы въ каждую минуту могли добиться преобладанія въ Германіи.

Надо было во что бы то ни стало заключить миръ съ Александромъ III, а этотъ послѣднiй не хотѣлъ заключать мира отдѣльно отъ ломбардцевъ. Фридрихъ подчинился неизбѣжному. Въ томъ же году былъ заключенъ договоръ съ папой (ноябрь 1176 г.), нѣсколько мѣсяцевъ спустя удалось добиться въ Венецiи шестилѣтняго перемирiя съ ломбардцами, и въ Констанцѣ въ 1183 г. это перемирiе было обращено въ окончательный миръ. Формально этотъ миръ былъ компромиссомъ. Города, сохраняя регалiи и права свободнаго избранiя консуловъ, признавали свое подчиненiе императору и его апеляцiонный судъ. Въ дѣйствительности же императоръ отказался отъ всѣхъ своихъ существенныхъ правъ, и города отказывались потомъ признавать неблагопрiятныя для нихъ статьи договора.

Такое положенiе продлилось до тѣхъ поръ, пока Фридрихъ II, внукъ Барбароссы, укрѣпившись въ доставшейся ему по наслѣдству Сицилiи, не задался цѣлью тѣснѣе спаять свои владѣнiя, лежащiя къ югу и къ сѣверу отъ Альпъ. Чтобы укрѣпить свою связь съ Германiей, онъ рѣшилъ осуществить свои императорскiя права на Ломбардiю, предоставленныя ему въ Констанцѣ (1226 г.). Этого было достаточно, чтобы дремлющiй союзъ ломбардскихъ городовъ ожилъ. Альпiйскiе проходы были такъ тщательно заблокированы, что Фридрихъ II былъ принужденъ ограничиться сицилiанскимъ ополченiемъ. Лишь послѣ многихъ усилiй ему удалось обойти союзныя силы съ помощью тирана Вероны, Эццелино да-Романо, открывшаго ему доступъ къ Бренскому пассу; союзъ городовъ отвѣтилъ на это помощью, оказанною имъ возстанiю въ Германiи, руководимому сыномъ Фридриха—Генрихомъ. Такъ началась новая война въ Ломбардiи. Леньяно было блестяще отомщено при Кортенуовѣ (1237), гдѣ императоръ истребилъ отряды миланцевъ и захватилъ ихъ carroccio—символъ ихъ независимости. Но Фридрихъ II, какъ и его дѣдъ, былъ обезсиленъ трудностями осадной войны; и въ 1240 г. онъ ушелъ изъ Ломбардiи на югъ покорять Церковную область. Еще одну попытку сломить сопротивленiе ломбардскихъ городовъ Фридрихъ предпринялъ зимой 1247—1248 гг. Но рѣшительное пораженiе разстроило его планы и нанесло смертельный ударъ его авторитету. Въ теченiе пяти мѣсяцевъ онъ осаждалъ Парму, и городъ былъ готовъ уже сдаться, когда онъ неосмотрительно распустилъ часть своего ополченiя. Горожане, воспользовавшись этимъ, рѣшились на

отчаянную вылазку въ то время, когда императоръ отсутствовалъ, находясь на охотѣ. Они врасплохъ захватили и сожгли крѣпко укрѣпленный лагерь, названный Фридрихомъ Victoria; было захвачено даже личное имущество короля и его украшенная драгоцѣнными каменьями корона; большая половина его ополченія была убита и взята въ плѣнъ, остатки въ смятеніи бѣжали въ Кремону (18 февраля 1248 г.). Фридриху необходимо было отказаться отъ своихъ плановъ и онъ не появлялся болѣе въ Ломбардіи. Его сынъ Энціо, котораго онъ оставилъ своимъ намѣстникомъ, былъ захваченъ въ слѣдующемъ году болонцами и присужденъ къ пожизненному заточенію.

Фридрихъ умеръ въ 1250 г., и этимъ годомъ можно датировать, какъ расчлененіе имперіи, такъ и паденіе свободныхъ итальянскихъ коммунъ. Что не удалось сдѣлать Фридриху объединенными силами Сициліи и Германіи, было выполнено кучкой мелкихъ мѣстныхъ династій. Въ Миланѣ—Visconti довершили порабощеніе, задуманное и частично осуществленное Della Torre; въ Веронѣ — Scaligeri были императорскими наслѣдниками; въ Феррарѣ—Este, въ Падуѣ—Carrara, въ Мантуѣ—Gonsaga. Деспотизмъ распространялся медленно, но вѣрно; въ XV вѣкѣ лишь одна Венеція могла напоминать Италіи о возможности свободы.

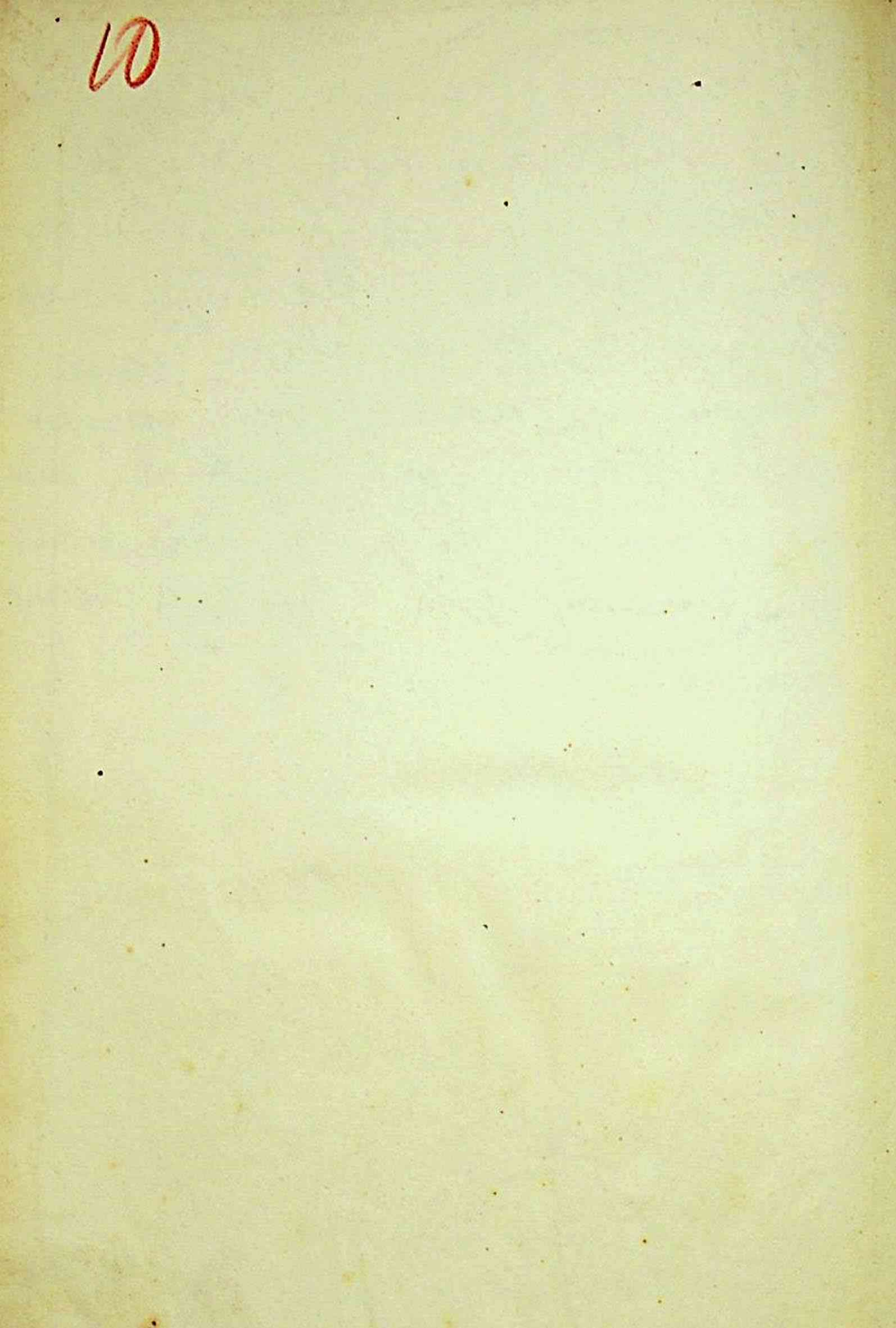
Въ Германіи скорѣе, чѣмъ въ Италіи и въ во Фландріи, мы можемъ наблюдать послѣднюю и наиболѣе плодотворную фазу развитія средневѣковаго города. Свободныя учрежденія были усвоены сравнительно поздно германскими городами; и хотя примѣромъ, которому они хотѣли подражать, и была коммуна Ломбардіи — имъ никогда не удалось добиться ни столь широкой независимости, ни положенія столицы небольшихъ государствъ. Гогенштауфены, также какъ и Капетинги, сознавали выгоды союза съ „Третьимъ сословіемъ“, но Фридрихъ II принужденъ былъ отказаться отъ права основывать свободные королевскіе города на помѣстьяхъ своихъ вассаловъ, и большинство городовъ были предоставлены сами себѣ въ ихъ борьбѣ съ ихъ непосредственными господами. Лишенные всякой возможности владычествовать надъ прилегающей областью, города, даже королевскіе, не принимали никакого участія до XV вѣка въ рейхстагахъ. Торговля была единственнымъ способомъ проявленія ихъ силъ. Но въ торговлѣ они подвизались съ такимъ успѣхомъ, что къ концу среднихъ вѣковъ Аугсбургъ соперничалъ съ Флоренціей

какъ главный европейскій финансовый центръ, а прибалтійскіе города, по своимъ торговымъ оборотамъ, выдерживали сравненія съ средиземными. Торговля на Балтійскомъ морѣ и создала новую форму союза городовъ—знаменитую Ганзу. Зачатки Ганзы лежатъ въ союзѣ, заключенномъ между Любекомъ и Гамбургомъ для защиты торговли по Эльбѣ. Другіе города были принуждены присоединиться къ нимъ, и въ 1299 г. Ганза поглотила древній Готландскій союзъ городовъ съ его центромъ Висби. Въ 1460 г. Ганза насчитывала болѣе восьмидесяти входящихъ въ союзъ городовъ, расположенныхъ главнымъ образомъ по нижнему теченію Рейна, въ Саксоніи, Бранденбургѣ и по берегу Балтійскаго моря; но область торговыхъ связей этого союза простиралась отъ Англіи до Россіи и отъ Норвегіи до Кракова.

Отдѣльные города, входившіе въ ганзейскій союзъ, были подчинены различнымъ сувернамъ и объединились они лишь изъ торговыхъ цѣлей. Союзъ былъ слабо спаянъ; у него былъ представительный органъ, но онъ не регулярно собирался въ Любекѣ и онъ не имѣлъ принудительной власти надъ отдѣльными городами. Союзные поборы были не велики, не было ни союзнаго флота, ни ополченія, ни другого способа заставить подчиниться непокорные города своему рѣшенію, кромѣ лишенія ихъ торговыхъ привилегій. И все же этотъ, не имѣющій опредѣленной формы союзъ иногда выступалъ, какъ независимая сила. Ганза владычествовала на Балтійскомъ морѣ и на рѣкахъ и дорогахъ Сѣверной Германіи; она владѣла факторіями въ Лондонѣ, Брюгге, Бергенѣ, и Новгородѣ; она заключала торговые договоры, и иногда даже вела войны. Въ XIV вѣкѣ она монополизировала торговлю на Балтійскомъ морѣ и заставила съ собой считаться всѣ государства, заинтересованныя въ этой торговлѣ. Въ XV в. начинается паденіе Ганзы, а въ эпоху Реформаціи она уже безсильна. Новыя морскія державы—Англія и Нидерланды, Швеція и Данія вступаютъ въ соревнованіе съ ней, а ростъ новыхъ государственныхъ образованій въ Германіи поглощаетъ независимость ея руководящихъ членовъ; да и торговля на Балтійскомъ морѣ, также какъ и на Средиземномъ, теряетъ свою значительность, когда португальцы прокладываютъ новый путь въ Индію, а усиліями Колумба, Кортеца и Пизарро открывается Новый Свѣтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Переводъ хорошъ, пока менѣе всего при чтеніи видно, что это переводъ; какъ будто бы — натуральной русской рѣчи. Лучше, если ощущ-ся нужная — это странная конструкц. предлож., или возникновеніе какого-то страннаго терминъ или новаго собствен. имена.

10

